Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
http://filosoff.org/ Приятного чтения!

Карл Маркс

«Нищета философии»
Материалистическое понимание истории, изложенное Марксом, формулирует отношение автора к экономическим теориям как к теоретическим выражениям и абстракциям. Карл Маркс – участник революции во Франции и Германии и известный политический экономист, чьим главным трудом стал «Капитал».

Карл Маркс

НИЩЕТА ФИЛОСОФИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

К несчастью г-на Прудона его странным образом не понимают в Европе. Во Франции за ним признают право быть плохим экономистом, потому что там он слывет за хорошего немецкого философа. В Германии за ним, напротив, признается право быть плохим философом, потому что там он слывет за одного из сильнейших французских экономистов. Принадлежа одновременно к числу и немцев и экономистов, мы намерены протестовать против этой двойной ошибки.

Читатель поймет, почему, выполняя этот неблагодарный труд, мы часто должны были отвлекаться от критики г-на Прудона, чтобы приниматься за критику немецкой философии и одновременно делать некоторые замечания по политической экономии.

Брюссель, 15 июня 1847 г.

Карл Маркс

Труд г-на Прудона не просто какой-нибудь политико-экономический трактат, не какая-нибудь обыкновенная книга, это – своего рода библия; там есть все: «тайны», «секреты, исторгнутые из недр божества», «откровения». Но так как в наше время пророков судят строже, чем обыкновенных авторов, то читателю придется безропотно пройти вместе с нами область бесплодной и туманной эрудиции «Книги бытия», чтобы потом уже подняться вместе с г-ном Прудоном в эфирные и плодоносные сферы сверх-социализма (см. Прудон, «Философия нищеты», пролог, стр. III, строка 20).

ГЛАВА ПЕРВАЯ НАУЧНОЕ ОТКРЫТИЕ

I. ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ МЕЖДУ ПОТРЕБИТЕЛЬНОЙ СТОИМОСТЬЮ И МЕНОВОЙ СТОИМОСТЬЮ

«Способность всех продуктов, создаваемых самой природой или производимых промышленностью, служить для поддержания человеческого существования носит

особое название потребительной стоимости. Способность же их обмениваться друг на друга называется меновой стоимостью… Каким же образом потребительная стоимость делается меновой стоимостью?.. Происхождение идеи стоимости» (меновой) «не было с достаточной тщательностью выяснено экономистами; поэтому нам необходимо остановиться на этом пункте. Так как очень многие нужные мне предметы существуют в природе лишь в ограниченном количестве или даже не существуют вовсе, то я принужден способствовать производству того, чего мне недостает; а так как я не могу один взяться за производство такой массы вещей, то я предложу другим людям, моим сотрудникам по различным родам деятельности, уступить мне часть производимых ими продуктов в обмен на продукт, производимый мной» (Прудон, т. I, гл. 2).

Г-н Прудон задается целью прежде всего выяснить нам двойственную природу стоимости, «различие внутри стоимости», процесс, который делает из стоимости потребительной стоимость меновую. Нам приходится остановиться вместе с г-ном Прудоном на этом акте пресуществления. Вот каким образом, по мнению нашего автора, совершается этот акт.

Весьма большое количество продуктов не дается природой, а производится только промышленностью. Раз потребности превосходят количество продуктов, доставляемых самой природой, то человек оказывается вынужденным прибегнуть к промышленному производству. Что же такое эта промышленность, по предположению г-на Прудона? Каково ее происхождение? Отдельный человек, нуждающийся в очень большом количество вещей, «не может один взяться за производство такой массы вещей». Многообразие потребностей, требующих удовлетворения, предполагает многообразие вещей, подлежащих производству, – без производства нет продуктов; а многообразие подлежащих производству вещей уже предполагает участие в их производстве более чем одного человека. Но коль скоро вы допускаете, что производством занимается более чем один человек, вы уже целиком предположили производство, основанное на разделении труда. Таким образом, предполагаемая г-ном Прудоном потребность сама предполагает разделение труда во всем его объеме. Допуская разделение труда, вы допускаете наличие обмена, а, следовательно, и меновой стоимости. С таким же точно правом можно было бы с самого начала предположить существование меновой стоимости.

Но г-н Прудон предпочел совершить движение по кругу. Последуем за ним во всех его изворотах, которые постоянно будут приводить нас опять к его исходной точке.

Чтобы выйти из того порядка вещей, где каждый производит в одиночку, и чтобы прийти к обмену, «я обращаюсь», – говорит Прудон, – «к моим сотрудникам по различным родам деятельности». Итак, я имею сотрудников, которые все занимаются различными родами деятельности, хотя мы – я и все другие, – по предположению г-на Прудона, еще не выходим тем самым из положения изолированных и оторванных от общества Робинзонов. Сотрудники и различные роды деятельности, разделение труда и обмен, подразумеваемый этим разделением труда, – все это просто-напросто падает с неба.

Резюмируем: я имею потребности, основанные на разделении труда и обмене. Предполагая эти потребности, г-н Прудон тем самым предполагает уже существование обмена и меновой стоимости, «происхождение» которой он как раз хотел «выяснить с большей тщательностью, чем другие экономисты».

Г-н Прудон мог бы с таким же правом перевернуть порядок вещей, не нарушая этим самым правильности своих заключений. Чтобы объяснить меновую стоимость, нужен обмен. Чтобы объяснить обмен, нужно разделение труда. Чтобы объяснить разделение труда, нужно существование потребностей, которые вызывают необходимость разделения труда. Чтобы объяснить эти потребности, нужно их «предположить», что не значит, однако, отрицать их, в противоположность первой аксиоме пролога г-на Прудона: «Предполагать бога – значит отрицать его» (пролог, стр. I).

Каким же образом г-н Прудон, который предполагает разделение труда известным, объясняет с его помощью меновую стоимость, которая все еще остается для него чем-то неизвестным?

«Человек» решается «предложить другим людям, своим сотрудникам по различным родам деятельности», установить обмен и провести различие между потребительной стоимостью и меновой стоимостью. Соглашаясь на предложение признать это различие, сотрудники оставляют г-ну Прудону только одну «заботу»: констатировать

совершившийся факт, отметить, «занести» в свой политико-экономический трактат «происхождение идеи стоимости». Однако нам-то он все еще должен объяснить «происхождение» этого предложения, должен, наконец, сказать, каким образом этому единичному человеку, этому Робинзону, внезапно пришла в голову идея сделать «своим сотрудникам» подобного рода предложение и почему эти сотрудники приняли его предложение без всякого протеста.

Г-н Прудон не входит в эти генеалогические подробности. Он просто прикладывает к факту обмена нечто вроде исторической печати, представляя его в виде предложения, которое могло бы быть сделано третьим лицом, старающимся установить этот обмен.

Вот образец «исторического и описательного метода» г-на Прудона, выражающего свое гордое презрение к «историческому и описательному методу» всяких Адамов Смитов и Рикардо.

Обмен имеет свою собственную историю. Он прошел через различные фазы.

Было время, как, например, в средние века, когда обменивался только излишек, избыток производства над потреблением.

Было еще другое время, когда не только излишек, но и все продукты, вся промышленная жизнь оказались в сфере торговли, когда все производство целиком стало зависеть от обмена. Как объяснить эту вторую фазу обмена – возведение меновой стоимости в ее вторую степень?

У г-на Прудона на это нашелся бы вполне готовый ответ: предположите, что тот или иной человек «предложил другим людям, своим сотрудникам по различным родам деятельности», возвести меновую стоимость в ее вторую степень.

Наконец, пришло время, когда все, на что люди привыкли смотреть как на неотчуждаемое, сделалось предметом обмена и торговли и стало отчуждаемым. Это – время, когда даже то, что дотоле передавалось, но никогда не обменивалось, дарилось, но никогда не продавалось, приобреталось, но никогда не покупалось, – добродетель, любовь, убеждение, знание, совесть и т. д., – когда все, наконец, стало предметом торговли. Это – время всеобщей коррупции, всеобщей продажности, или, выражаясь терминами политической экономии, время, когда всякая вещь, духовная или физическая, сделавшись меновой стоимостью, выносится на рынок, чтобы найти оценку, наиболее соответствующую ее истинной стоимости.

Каким образом объяснить еще эту новую и последнюю фазу обмена – меновую стоимость в ее третьей степени?

У г-на Прудона и на это нашелся бы вполне готовый ответ: предположите, что некто «предложил другим людям, своим сотрудникам по различным родам деятельности», сделать из добродетели, любви и т. д. меновую стоимость – возвести меновую стоимость в ее третью и последнюю степень.

Как видите, «исторический и описательный метод» г-на Прудона на все годится, на все отвечает и все объясняет. Особенно же в тех случаях, когда дело идет о том, чтобы объяснить исторически «зарождение какой-нибудь экономической идеи», г-н Прудон предполагает человека, который предлагает другим людям, своим сотрудникам по различным родам деятельности, совершить этот акт зарождения, и вопрос исчерпан.

Отныне мы принимаем «зарождение» меновой стоимости за совершившийся факт; теперь нам остается только выяснить отношение меновой стоимости к потребительной стоимости.

Послушаем г-на Прудона.

«Экономисты очень ясно обнаружили двойственный характер стоимости; но они не выяснили с такой же отчетливостью ее противоречивой природы; здесь-то и начинается наша критика… Недостаточно отметить этот поразительный контраст между потребительной стоимостью и меновой стоимостью, контраст, на который экономисты привыкли смотреть, как на вещь очень простую: следует показать, что эта мнимая простота скрывает в себе глубокую тайну, в которую мы обязаны проникнуть… Выражаясь техническим языком, мы можем сказать, что потребительная стоимость и

меновая стоимость находятся в обратном отношении друг к другу».

Если мы хорошо уловили мысль г-на Прудона, то вот те четыре пункта, которые он берется установить:

1) Потребительная стоимость и меновая стоимость составляют «поразительный контраст», образуют противоположность друг другу.

2) Потребительная стоимость и меновая стоимость находятся в обратном отношении друг к другу, во взаимном противоречии.

3) Экономисты не заметили и не познали ни их противоположности, ни противоречия.

4) Критика г-на Прудона начинается с конца.

Мы также начнем с конца и, чтобы снять с экономистов обвинения, возводимые на них гном Прудоном, предоставим слово двум довольно видным экономистам.

Сисмонди: «Противоположность между потребительной стоимостью и меновой стоимостью – к этой последней торговля свела все вещи» и т. д. («Очерки», т. II, стр. 162, брюссельское издание[1 - Маркс цитирует книгу: Simonde de Sismondi. «Etudes sur l'economie politique». T. I–II, Bruxelles, 1837–1838 (Симонд де Сисмонди. «Очерки политической экономии». Тт. I–II, Брюссель, 1837–1838). – 75.]).

Лодердель: «Как общее правило, национальное богатство» (потребительная стоимость) «уменьшается, по мере того как – с возрастанием меновой стоимости – увеличиваются индивидуальные богатства; а по мере того как эти последние в силу понижения меновой стоимости уменьшаются, национальное богатство, как правило, увеличивается» («Исследования о природе и происхождении национального богатства». Перевод Лажанти де Лаваиса. Париж, 1808[2 - Lauderdale. «Recherches sur la nature et l'origine de la richesse publique». Traduit de l'anglais, par E. Lagentie de Lavaisse. Paris, 1808, p. 33. – 76.]).

На противоположности между потребительной стоимостью и меновой стоимостью Сисмонди построил свое главное учение, согласно которому уменьшение дохода пропорционально возрастанию производства.

Лодердель построил свою систему на принципе обратного отношения между двумя родами стоимости, и его доктрина была даже настолько популярна во времена Рикардо, что последний мог говорить о ней, как о чем-то всем известном.

«Вследствие смешения понятий меновой стоимости и богатства» (потребительной стоимости) «пытались утверждать, что богатство может быть увеличено путем уменьшения количества товаров, т. е. необходимых, полезных или приятных для жизни вещей» (Рикардо. «Начала политической экономии», перевод Констансио, с примечаниями Ж. Б. Сэя. Париж, 1835, т. II, глава «О стоимости и богатстве»[3 - D. Ricardo. «Des principes de l'economie politique et de l'impot». Traduit de l'anglais par F.-S. Constancio, avec des notes explicatives et critiques par J.-B. Say. T. II, Paris, 1835, p. 65 (Д. Рикардо. «О началах политической экономии и налогового обложения». Перевод с английского Ф. С. Констансио, с пояснительными и критическими примечаниями Ж. Б. Сэя. Т. II, Париж, 1835, стр. 65). – 76.]).

Мы видим, что экономисты до г-на Прудона «отметили» глубокую тайну противоположности и противоречия. Посмотрим теперь, как г-н Прудон объясняет, в свою очередь, эту тайну после экономистов.

Если спрос остается неизменным, то меновая стоимость продукта понижается по мере того, как растет предложение; другими словами, чем изобильнее продукт по отношению к спросу, тем ниже его меновая стоимость или его цена. Vice versa[4 - Наоборот. Ред.]: чем слабее предложение по отношению к спросу, тем выше делается меновая стоимость или цена предлагаемого продукта; другими словами, чем более редки предлагаемые продукты по отношению к спросу, тем более они дороги. Меновая стоимость продукта зависит от его изобилия или от его редкости, но всегда по отношению к спросу. Предположите продукт более чем редкий, даже единственный в своем роде, – этот единственный продукт будет более чем изобилен, он будет излишен, если на него нет спроса. Наоборот, предположите, что какого-нибудь

продукта имеются миллионы штук, – он все-таки будет редок, если его не хватает для удовлетворения спроса, т. е. если на него существует слишком большой спрос.

Эти истины, мы бы сказали, почти банальны, однако нам нужно было их воспроизвести здесь, чтобы сделать понятными тайны г-на Прудона.

«Таким образом, следуя принципу вплоть до его конечных выводов, можно прийти к самому логичному в мире заключению: те вещи, употребление которых необходимо и количество которых безгранично, не должны цениться ни во что; те же вещи, полезность которых равна нулю, а редкость достигает крайних пределов, должны иметь бесконечно высокую цену. Наше затруднение довершается еще тем, что практика не допускает этих крайностей: с одной стороны, ни один производимый человеком продукт никогда не может по своему количеству увеличиваться до бесконечности; с другой стороны, самые редкие вещи в какой-то степени должны быть полезными, без чего они не могли бы иметь никакой стоимости. Потребительная стоимость и меновая стоимость остаются, таким образом, фатально связанными одна с другой, хотя по своей природе они постоянно стремятся исключить друг друга» (т. I, стр. 39).

Чем же, собственно, довершается затруднение г-на Прудона? Тем, что он просто-напросто забыл о спросе и о том, что какая-нибудь вещь может быть редкой или изобильной лишь постольку, поскольку на нее существует спрос. Оставляя спрос в стороне, он отождествляет меновую стоимость с редкостью, а потребительную стоимость – с изобилием. В самом деле, говоря, что «вещи, полезность которых равна нулю, а редкость достигает крайних пределов, имеют бесконечно высокую цену», – он просто выражает ту мысль, что меновая стоимость есть не что иное, как редкость. «Крайняя редкость и равная нулю полезность» – это редкость в чистом виде. «Бесконечно высокая цена» – это максимум меновой стоимости, меновая стоимость в чистом виде. Между этими двумя терминами он ставит знак равенства. Итак, меновая стоимость и редкость суть равнозначные термины. Приходя к этим мнимым «крайним выводам», г-н Прудон в действительности доводит до крайности не вещи, а только термины, служащие для их выражения, и этим самым обнаруживает гораздо большую способность к риторике, чем к логике. Он лишь снова находит свои первоначальные гипотезы во всей их наготе, в то время как думает, что обрел новые выводы. Благодаря тому же самому приему ему удастся отождествить потребительную стоимость с изобилием в его чистом виде.

Поставив знак равенства между меновой стоимостью и редкостью, между потребительной стоимостью и изобилием, г-н Прудон очень изумляется, не находя ни потребительной стоимости в редкости и меновой стоимости, ни меновой стоимости в изобилии и потребительной стоимости; и так как он видит затем, что практика не допускает этих крайностей, то ему остается только верить в тайну. Бесконечно высокая цена существует, по мнению г-на Прудона, именно потому, что нет покупателей, и он никогда их не найдет, пока он отвлекается от спроса.

С другой стороны, изобилие г-на Прудона представляет собой, повидимому, нечто самопроизвольно возникающее. Он совершенно забывает, что есть люди, которые создают это изобилие и в интересах которых – никогда не терять из виду спроса. В противном случае, как мог бы г-н Прудон утверждать, что очень полезные вещи должны иметь чрезвычайно низкую цену или даже ничего не стоить? Он, напротив, должен был бы прийти к заключению, что необходимо ограничить изобилие, сократить производство очень полезных вещей, если хотят повысить их цену, их меновую стоимость.

Старинные французские виноградари, добивавшиеся издания закона, который запретил бы разведение новых виноградников, точно так же, как и голландцы, сжигавшие азиатские пряности и выкорчевывавшие гвоздичные деревья на Молуккских островах, желали просто-напросто уменьшить изобилие, чтобы этим поднять меновую стоимость. В продолжение всего средневековья люди действовали по тому же самому принципу, ограничивая законами число подмастерьев, которых мог иметь у себя один мастер, и число инструментов, которые он мог употреблять, (См. Андерсон, «История торговли»[5 - Имеется в виду книга: A. Anderson. «An Historical and Chronological Deduction of the Origin of Commerce from the Earliest Accounts to the Present Time» (А. Андерсон. «Исторический и хронологический очерк происхождения торговли от самых ранних сведений о ней до настоящего времени»). Первое издание вышло в Лондоне в 1764 году. – 77.].)

Представив изобилие как потребительную стоимость и редкость как меновую

стоимость, – нет ничего легче, как доказать, что изобилие и редкость находятся в обратном отношении друг к другу, – г-н Прудон отождествляет потребительную стоимость с предложением, а меновую стоимость – со спросом. Чтобы сделать антитезу еще более резкой, он совершает подмену терминов, ставя на место меновой стоимости «стоимость, определяемую мнением». Таким образом, борьба переносится на другую почву, и мы имеем, с одной стороны, полезность (потребительную стоимость, предложение), а с другой стороны – мнение (меновую стоимость, спрос).

Как примирить эти две противоположные силы? Как привести их к согласию? Можно ли найти у них хотя бы один общий обеим пункт?

Конечно, восклицает г-н Прудон, такой общий пункт имеется: это – свобода решения. Цена, которая явится результатом этой борьбы между спросом и предложением, между полезностью и мнением, не будет выражением вечной справедливости.

Г-н Прудон продолжает развивать эту антитезу:

«В качестве свободного покупателя я – судья моих потребностей, судья пригодности предмета, судья цены, которую я хочу дать за него. С другой стороны, вы в качестве свободного производителя являетесь господином над средствами изготовления предмета и, следовательно, вы имеете возможность сокращать ваши издержки» (т. I, стр. 41).

А так как спрос или меновая стоимость тождественны с мнением, то г-н Прудон вынужден сказать:

«Доказано, что именно свободная воля человека и вызывает противоположность между потребительной стоимостью и меновой стоимостью. Как разрешить эту противоположность, пока будет существовать свободная воля? И как пожертвовать свободной волей, не жертвуя человеком?» (т. I, стр. 41).

Таким образом, нельзя прийти ни к какому результату. Существует борьба между двумя, так сказать, несоизмеримыми силами, между полезностью и мнением, между свободным покупателем и свободным производителем.

Взглянем на вещи несколько ближе.

Предложение не представляет собой исключительно полезности, спрос не представляет исключительно мнения. Разве тот, кто предъявляет спрос, не предлагает также какого-нибудь продукта или денег – знака, служащего представителем всех продуктов? А предлагая их, разве он не представляет, согласно г-ну Прудону, полезности или потребительной стоимости?

С другой стороны, разве тот, кто предлагает, не предъявляет, в свою очередь, спроса на какой-либо продукт или на деньги – на знак, представляющий все продукты? И не делается ли он, таким образом, представителем мнения, стоимости, определяемой мнением, или меновой стоимости?

Спрос есть в то же время предложение, предложение есть в то же время спрос. Таким образом, антитеза г-на Прудона, попросту отождествляющая предложение с полезностью, а спрос с мнением, покоится лишь на пустой абстракции.

То, что г-н Прудон называет потребительной стоимостью, другие экономисты точно с таким же правом называют стоимостью, определяемой мнением. Мы укажем только на Шторха («Курс политической экономии», Париж, 1823, стр. 48 и 49[6 - H. Storch. «Cours d'economie politique, ou Exposition des principes qui determinent la prosperite des nations». T. I–IV, Paris, 1823 А. Шторх. «Курс политической экономии, или Изложение начал, определяющих благоденствие народов». Тт. I–IV, Париж, 1823). Маркс ссылается на I том. – 78.]).

Согласно Шторху, потребностями называются вещи, в которых мы чувствуем потребность; стоимостями – вещи, которым мы приписываем стоимость. Большинство вещей имеет стоимость только потому, что они удовлетворяют таким потребностям, которые порождены мнением. Мнение о наших потребностях может меняться, поэтому и полезность вещей, выражающая только отношение этих вещей к нашим потребностям, также может меняться. Да и сами естественные потребности постоянно меняются. В самом деле, какое большое различие существует между главными предметами питания

разных народов!

Борьба завязывается не между полезностью и мнением: она завязывается между меновой стоимостью, которую требует продавец, и меновой стоимостью, которую предлагает покупатель. Меновой стоимостью продукта является каждый раз равнодействующая этих, противоречащих друг другу, оценок.

В последнем счете предложение и спрос ставят лицом к лицу производство и потребление, но производство и потребление, основанные на индивидуальном обмене.

Предлагаемый продукт полезен не сам по себе. Его полезность устанавливается потребителем. И если даже за продуктом признана полезность, то он все-таки представляет не одну только полезность. В ходе производства продукт обменивался на все издержки производства, как, например, на сырье, заработную плату рабочих и т. д., словом, на такие вещи, которые все являются меновыми стоимостями. Следовательно, продукт представляет в глазах производителя некоторую сумму меновых стоимостей. Производитель предлагает не только полезный предмет, но и, кроме того и прежде всего, некоторую меновую стоимость.

Что касается спроса, то он действителен только при том условии, если имеет в своем распоряжении средства обмена. Эти средства, в свою очередь, суть продукты, меновые стоимости.

Таким образом, в предложении и спросе мы находим на одной стороне продукт, на который затрачены меновые стоимости, и потребность продать этот продукт; на другой стороне – средства, на которые также затрачены меновые стоимости, и желание купить.

Г-н Прудон противопоставляет свободного покупателя свободному производителю; и тому и другому он придает чисто метафизические качества. Это и побуждает его заявить: «Доказано, что именно свободная воля человека и вызывает противоположность между потребительной стоимостью и меновой стоимостью».

Производитель, если только он производит в обществе, основанном на разделении труда и на обмене, – а именно таково предположение г-на Прудона, – вынужден продавать. Г-н Прудон делает производителя господином над средствами производства; но он согласится с нами, что не от свободной воли зависят его средства производства, Даже более: эти средства производства в значительной части являются продуктами, получаемыми производителем извне, и при современном производстве он не свободен даже настолько, чтобы производить продукты в желательном ему количестве. Современная степень развития производительных сил обязывает его производить в таком-то и таком-то масштабе.

Потребитель не более свободен, чем производитель. Его мнение основывается на его средствах и его потребностях. И те и другие определяются его общественным положением, которое зависит, в свою очередь, от организации общества в целом. Конечно, и рабочий, покупающий картофель, и содержанка, покупающая кружева, оба следуют своему собственному мнению. Но различие их мнений объясняется различием положения, занимаемого ими в обществе, а это различное положение в обществе является продуктом организации общества.

На чем основывается вся система потребностей – на мнении или на всей организации производства? Чаще всего потребности рождаются прямо из производства или из положения вещей, основанного на производстве. Мировая торговля почти целиком определяется не потребностями индивидуального потребления, а потребностями производства. Точно так же, если взять другой пример, мы спросим: не предполагает ли потребность в нотариусах существования данного гражданского права, представляющего собой только выражение определенной ступени в развитии собственности, т. е. определенной ступени в развитии производства?

Г-н Прудон не довольствуется тем, что из отношения между спросом и предложением он устранил только что упомянутые нами элементы. Он доводит абстракцию до последних пределов, сливая всех производителей в одного-единственного производителя, а всех потребителей в одного-единственного потребителя и заставляя эти два химерических лица вступать в борьбу друг с другом. Но в реальном мире дело происходит иначе. Конкуренция среди представителей предложения и конкуренция среди представителей спроса составляет необходимый элемент борьбы между покупателями и продавцами, борьбы, результатом которой

является меновая стоимость.

Устранив издержки производства и конкуренцию, г-н Прудон может, к своему удовольствию, привести к абсурду формулу спроса и предложения.

«Предложение и спрос», – говорит он, – «суть не что иное, как две церемониальные формы, служащие для того, чтобы поставить лицом к лицу потребительную стоимость и меновую стоимость и вызвать их примирение. Это два электрических полюса, соединение которых должно вызывать явление сродства, называемое обменом» (т. I, стр. 49–50).

С таким же правом можно было бы сказать, что обмен есть только «церемониальная форма», необходимая для того, чтобы поставить лицом к лицу потребителя и предмет потребления. С таким же правом можно было бы сказать, что все экономические отношения суть «церемониальные формы», при посредстве которых совершается непосредственное потребление. Предложение и спрос – не в большей и не в меньшей степени, чем индивидуальный обмен, – представляют собой отношения данного производства.

Итак, в чем же состоит вся диалектика г-на Прудона? В подмене понятий потребительной стоимости и меновой стоимости, спроса и предложения такими абстрактными и противоречивыми понятиями, как редкость и изобилие, полезность и мнение, один производитель и один потребитель, причем оба последние оказываются рыцарями свободной воли.

А к чему он хотел прийти таким путем?

К тому, чтобы сохранить себе возможность ввести позднее один из им же самим устраненных элементов, – а именно издержки производства, – в качестве синтеза потребительной стоимости и меновой стоимости. Именно таким путем издержки производства и конституируют в его глазах синтетическую, или конституированную, стоимость.

II. КОНСТИТУИРОВАННАЯ, ИЛИ СИНТЕТИЧЕСКАЯ, СТОИМОСТЬ

«Стоимость» (меновая) «есть краеугольный камень экономического здания». Стоимость «конституированная» есть краеугольный камень системы экономических противоречий.

Что же это за «конституированная стоимость», составляющая все открытие г-на Прудона в политической экономии?

Раз признана полезность того или иного продукта, – труд является источником его стоимости. Мерой труда служит время. Относительная стоимость продуктов определяется рабочим временем, которое нужно было употребить на их производство. Цена есть денежное выражение относительной стоимости продукта. Наконец, конституированная стоимость продукта есть просто-напросто стоимость, образуемая воплощенным в нем рабочим временем.

Как Адам Смит открыл разделение труда, так г-н Прудон, в свою очередь, претендует на открытие «конституированной стоимости». Конечно, в этом открытии нет «чего-либо неслыханного», но нужно признать, что вообще нет ничего неслыханного ни в одном открытии экономической науки. Чувствуя всю важность своего открытия, г-н Прудон старается, однако, умалить его значение, «чтобы успокоить читателя насчет своих претензий на оригинальность и примирить с собой умы, по своей робости мало склонные к восприятию новых идей». Но при оценке того, что сделано для определения стоимости каждым из его предшественников, он поневоле вынужден признать и во всеуслышание заявить, что наибольшая часть, львиная доля в этом деле принадлежит ему.

«Синтетическая идея стоимости была уже в смутных очертаниях усмотрена Адамом Смитом… Но у Адама Смита эта идея стоимости была совершенно интуитивной, а общество не изменяет своих привычек в силу веры в интуицию; его можно убедить только авторитетом фактов. Нужно было, чтобы антиномия получила более ясное и

отчетливое выражение: Ж. Б. Сэй и явился ее главным истолкователем».

Итак, вот закопченная история открытия синтетической стоимости: у Адама Смита – смутная интуиция, у Ж. Б. Сэя – антиномия, у г-на Прудона – конституирующая и «конституированная» истина. И пусть не заблуждаются относительно этого: все другие экономисты, от Сэя до Прудона, ограничивались только тем, что тащились по заезженной дороге антиномии.

«Невероятно, что столько разумных людей в течение сорока лет бились над такой простой идеей. Но нет, стоимости сравниваются между собой, не имея ни одного общего им пункта и никакой единицы меры, – вот что решились утверждать экономисты XIX века против всех и вопреки всем, вместо того чтобы принять революционную теорию равенства. Что скажет об этом потомство?» (т, I, стр. 68).

Спрошенное столь внезапно потомство прежде всего придет в смущение насчет хронологии. Ему неизбежно придется задаться вопросом: разве Рикардо и его школа не были экономистами XIX века? Система Рикардо, основанная на том принципе, что «относительная стоимость товаров зависит исключительно от количества труда, требуемого для их производства», восходит к 1817 году. Рикардо – глава целой школы, господствующей в Англии со времени Реставрации[7 - Имеется в виду период, наступивший после окончания наполеоновских войн в 1815 г. и реставрации династии Бурбонов во Франций. – 82.]. Учение Рикардо строго, безжалостно резюмирует точку зрения всей английской буржуазии, которая, в свою очередь, является воплощением современной буржуазии. «Что скажет об этом потомство?» Оно не скажет, что г-н Прудон вовсе не знал Рикардо, ибо он говорит о нем, говорит немало, постоянно возвращается к нему и кончает тем, что называет его учение «набором фраз». Если когда-либо потомство вмешается в этот вопрос, оно скажет, может быть, что г-н Прудон, боясь задеть англофобские чувства своих читателей, предпочел сделать самого себя ответственным издателем идей Рикардо. Но как бы то ни было, оно найдет весьма наивным, что г-н Прудон выдает за «революционную теорию будущего» то, что Рикардо научно изложил как теорию современного общества? общества буржуазного; оно найдет весьма наивным, что г-н Прудон принимает, таким образом, за разрешение антиномии между полезностью и меновой стоимостью то, что Рикардо и его школа задолго до него представили как научную формулу одной только стороны антиномии: меновой стоимости. Но оставим потомство раз и навсегда в стороне и приведем г-на Прудона на очную ставку с его предшественником Рикардо. Вот несколько мест из произведения этого автора, резюмирующих его учение о стоимости:

«Полезность не является мерой меновой стоимости, хотя она абсолютно необходима для последней» (стр. 3, т. I «Начал политической экономии» и т. д., перевод с английского Ф. С. Констансио, Париж, 1835).

«Раз вещи признаны сами по себе полезными, то свою меновую стоимость они черпают из двух источников: из своей редкости и из количества труда, требующегося для их добывания. Существуют вещи, стоимость которых зависит только от их редкости. Так как никаким трудом нельзя увеличить их количество, то стоимость их не может быть понижена посредством увеличения предложения. К такого рода вещам принадлежат драгоценные статуи и картины и т. д. Стоимость их зависит только от богатства, вкусов и прихоти тех лиц, которые желают приобрести подобные предметы» (стр. 4 и 5, т. I цит. соч.). «Но в массе товаров, повседневно обращающихся на рынке, такие товары составляют лишь весьма малую долю. Так как подавляющее большинство вещей, которыми люди хотят обладать, доставляется трудом, то количество их, всякий раз когда мы пожелаем затратить необходимый для их производства труд, может быть увеличено до таких масштабов, границы которых почти невозможно указать, и не только в одной стране, но и во многих странах» (стр. 5, т. I цит. соч.). «Вот почему, говоря о товарах, об их меновой стоимости и о принципах, регулирующих их относительные цены, мы всегда имеем в виду только такие товары, количество которых может быть увеличено человеческим трудом и производство которых стимулируется конкуренцией и не встречает никаких препятствий» (т. I, стр. 5).

Рикардо цитирует Адама Смита, который, по его мнению, «определил с большой точностью первоначальный источник всякой меновой стоимости» (см. Смит, кн. I, гл. 5[8 - A. Smith. «An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations» (А. Смит. «Исследование о природе и причинах богатства народов»). Первое издание вышло в Лондоне в 1776 году. – 83.]). Затем он прибавляет:

«Учение о том, что именно это» (т. е. рабочее время) «является основанием меновой стоимости всех вещей, кроме тех, количество коих не может быть как угодно увеличено человеческим трудом, имеет для политической экономии чрезвычайно важное значение; ибо ничто не порождало так много ошибок и разногласий в этой науке, как именно неточность и неопределенность смысла, который вкладывался в слово «стоимость»» (т. I, стр. 8). «Если меновая стоимость товаров определяется количеством труда, воплощенного в них, то всякое возрастание этого количества должно неизбежно увеличивать стоимость товара, на производство которого затрачен этот труд, а всякое уменьшение количества труда – понижать ее» (т. I, стр. 8).

_К. МАРКС_84

Затем Рикардо упрекает А. Смита в том, что он:

1) «Дает стоимости еще другую меру, помимо труда: иногда стоимость хлеба, иногда то количество труда, которое можно купить за эту вещь», и т. д. (т. I, стр. 9 и 10).

2) «Принимая безоговорочно самый принцип, ограничивает, однако, его применение первобытным и грубым состоянием общества, предшествующим накоплению капиталов и установлению собственности на землю» (т. I, стр. 21).

Рикардо старается доказать, что земельная собственность, т. е. рента, не может изменить относительной стоимости сельскохозяйственных товаров и что накопление капиталов оказывает лишь преходящее и колебательное действие на относительные стоимости, определяемые сравнительным количеством труда, который употреблен на их производство. Для защиты этого положения он создает свою знаменитую теорию земельной ренты, разлагает капитал на его составные части и в конечном счете не находит в нем ничего, кроме накопленного труда. Затем он развивает целую теорию заработной платы и прибыли и доказывает, что заработная плата и прибыль повышаются и понижаются в обратном отношении друг к другу и что это не влияет на относительную стоимость продукта. Он не игнорирует того влияния, которое могут оказывать на пропорциональную стоимость продуктов накопление капиталов и различие в их природе (капиталы основные и капиталы оборотные), равно как и уровень заработной платы. Эти проблемы являются даже основными проблемами для Рикардо.

«Всякая экономия в труде», – говорит он, – «всегда понижает относительную стоимость[9 - Рикардо определяет, как известно, стоимость товара «количеством труда, потребного для его изготовления». Но форма обмена, господствующая при всяком способе производства, основанном на производстве товаров, а, следовательно, и при капиталистическом способе производства, приводит к тому, что эта стоимость выражается не прямо в количестве труда, а в количестве какого-нибудь другого товара. Стоимость товара, выраженная в определенном количестве другого товара (будут ли это деньги или нет – все равно), называется у Рикардо относительной стоимостью этого товара. – Ф. Э. (Примечание Энгельса к немецкому изданию 1885 г.)] товара, все равно, касается ли эта экономия труда, необходимого для изготовления самого предмета, или же труда, необходимого для образования капитала, употребляемого в этом производстве» (т. I, стр. 28). «Поэтому, пока труд одного дня продолжает давать одному то же самое количество рыбы, а другому то же самое количество дичи, естественный уровень соответствующих цен при обмене останется постоянно тем же самым, как бы при этом ни изменялась заработная плата и прибыль и какое бы действие ни оказывало накопление капитала» (т. I, стр. 32). «Мы рассматривали труд как основу стоимости вещей, а количество труда, необходимого для их производства, как норму, определяющую соответствующие количества товаров, которые должны обмениваться друг на друга; но мы и не думали отрицать случайного и временного отклонения рыночной цены товаров от этой их первичной и естественной цепы» (т. I, стр. 105 цит. соч.). «Цены вещей в конечном счете регулируются издержками производства, а не отношением между предложением и спросом, как это часто утверждали» (т. II, стр. 253).

Лорд Лодердель исследовал изменения меновой стоимости, исходя из закона предложения и спроса, или редкости и изобилия по отношению к спросу. По его мнению, стоимость вещи может увеличиваться, когда количество этой вещи уменьшается или когда спрос на нее увеличивается; стоимость может уменьшаться в силу увеличения количества этой вещи или в силу уменьшения спроса. Таким

образом, стоимость вещи может изменяться под действием восьми различных причин, а именно: четырех причин, относящихся к самой этой вещи, и четырех причин, относящихся к деньгам или ко всякому иному товару, служащему мерой ее стоимости. Вот как Рикардо опровергает этот взгляд:

«Стоимость продуктов, составляющих предмет монополии отдельного лица или компании, изменяется в соответствии с законом, который был установлен лордом Лодерделем: она понижается по мере увеличения предложения этих продуктов и повышается вместе с усилением требования на них со стороны покупателей. Цена их не стоит ни в какой необходимой связи с их естественной стоимостью. Что же касается цены тех вещей, которые являются предметом конкуренции среди продавцов и количество которых может быть увеличено в какой угодно умеренной степени, то она в конечном счете зависит не от отношения между спросом и предложением, а от увеличения или уменьшения издержек производства» (т. II, стр. 259).

Мы предоставляем самому читателю сравнить такой точный, такой ясный и такой простой язык Рикардо с риторическими потугами, к которым прибегает г-н Прудон для того, чтобы прийти к определению относительной стоимости рабочим временем.

Рикардо показывает нам действительное движение буржуазного производства – движение, конституирующее стоимость. Г-н Прудон, отвлекаясь от этого действительного движения, «бьется» над изобретением новых способов устроения мира по новой будто бы формуле, представляющей лишь теоретическое выражение реально существующего движения, так хорошо изображенного у Рикардо. Рикардо берет за отправной пункт современное общество, чтобы показать нам, каким образом оно конституирует стоимость; г-н Прудон берет за отправной пункт конституированную стоимость, чтобы посредством этой стоимости конституировать новый социальный мир. Согласно г-ну Прудону, конституированная стоимость должна описать круг и снова стать конституирующим началом по отношению к миру, уже целиком конституированному именно по этому способу оценки. Для Рикардо определение стоимости рабочим временем есть закон меновой стоимости; для г-на Прудона оно есть синтез потребительной и меновой стоимости. Теория стоимости Рикардо есть научное истолкование современной экономической жизни; теория стоимости г-на Прудона есть утопическое истолкование теории Рикардо. Рикардо устанавливает истинность своей формулы, выводя ее из всех экономических отношений и объясняя с ее помощью все явления, даже те, которые на первый взгляд кажутся ей противоречащими, как, например, рента, накопление капиталов и отношение заработной платы к прибыли; именно это и делает из его теории научную систему. Г-н Прудон, вновь – и притом лишь посредством совершенно произвольных гипотез – открывший эту формулу Рикардо, принужден затем изыскивать изолированные экономические факты, которые он насилует и фальсифицирует с целью выставить их в качестве примеров, в качестве существующих уже образцов применения, в качестве начала осуществления его спасительной идеи. (См. наш 3 «Применение конституированной стоимости».)

Перейдем теперь к тем выводам, которые г-н Прудон извлекает из конституированной (рабочим временем) стоимости.

– Данное количество труда равноценно продукту, созданному тем же количеством труда.

– Всякий день труда стоит другого дня труда, т. е. взятый в равном количестве труд одного человека стоит труда другого человека: между ними нет качественной разницы. При равном количестве труда продукт одного обменивается на продукт другого. Все люди суть наемные работники и притом работники, одинаково оплачиваемые за равное рабочее время. Обмен совершается на началах полного равенства.

Представляют ли собой эти выводы естественные, неоспоримые следствия стоимости «конституированной», или определенной рабочим временем?

Если относительная стоимость товара определяется количеством труда, требуемого для его производства, то отсюда естественно следует, что относительная стоимость труда, или заработная плата, тоже определяется количеством труда, необходимого для производства заработной платы. Заработная плата, т. е. относительная стоимость, или цена, труда определяется, следовательно, рабочим временем, нужным для производства всего того, что необходимо для содержания рабочего.

«Уменьшите издержки производства шляп, и цена их, в конце концов, понизится до уровня их новой естественной цены, хотя спрос мог бы удвоиться, утроиться или учетвериться. Уменьшите – посредством уменьшения естественной цены пищи и одежды, служащих для поддержания жизни, – издержки на содержание людей, и заработная плата, в конце концов, упадет, несмотря на то, что спрос на рабочие руки может значительно увеличиться» (Рикардо, т. II, стр. 253).

Конечно, язык Рикардо циничен до крайности. Ставить на одну доску издержки производства шляп и издержки на содержание человека – это значит превращать человека в шляпу. Но не кричите очень о цинизме! Цинизм заключается не в словах, описывающих действительность, а в самой действительности! Такие французские писатели, как гг. Дроз, Бланки, Росси и другие, доставляют себе невинное удовольствие доказывать свое превосходство над английскими экономистами соблюдением благопристойных форм «гуманного» языка; если они ставят в упрек Рикардо и его школе цинизм языка, то они делают это потому, что им неприятно видеть, как современные экономические отношения изображаются во всей их неприглядности и как разоблачаются сокровенные тайны буржуазии.

Резюмируем: труд, будучи сам товаром, измеряется в качестве такового рабочим временем, которое необходимо для производства труда-товара. А что нужно для производства труда-товара? Для этого нужно именно то рабочее время, которое затрачивается на производство предметов, необходимых для непрерывного поддержания труда, т. е. для предоставления рабочему возможности жить и продолжать свой род. Естественная цена труда есть не что иное, как минимум заработной платы[10 - Тезис о том, что «естественная», т. е. нормальная, цена рабочей силы совпадает с минимумом заработной платы, т. е. с эквивалентом стоимости средств существования, безусловно необходимых для жизни рабочего и продолжения его рода, был впервые выдвинут мною в «Набросках к критике политической экономии» («Deutsch-Franzosische Jahrbьchern», Париж, 1844) и в «Положении рабочего класса в Англии»45. Как видно из текста, Маркс принял тогда этот тезис. У нас обоих заимствовал его Лассаль. Но, хотя заработная плата и имеет в действительности постоянную тенденцию приближаться к своему минимуму, упомянутый тезис все-таки неверен. Тот факт, что рабочая сила оплачивается обыкновенно в среднем ниже своей стоимости, не может изменить ее стоимости. В «Капитале» Маркс исправил вышеприведенный тезис (параграф: «Купля и продажа рабочей силы»), а также выяснил обстоятельства (глава XXIII: «Всеобщий закон капиталистического накопления»), позволяющие при капиталистическом производстве все более и более снижать цену рабочей силы ниже ее стоимости. – Ф. Э. (Примечание Энгельса к немецкому изданию 1885 г.)] [11 - См. настоящее издание, том 1, стр. 544–571 и том 2, стр. 231–517. – 87.]

Если рыночная цена заработной платы поднимается выше ее естественной цены, то случается это именно потому, что закон стоимости, возведенный г-ном Прудоном в принцип, находит себе противовес в последствиях тех колебаний, которые происходят в отношениях между предложением и спросом. Но минимум заработной платы остается тем не менее центром, к которому тяготеют рыночные цены заработной платы.

Таким образом, измеряемая рабочим временем относительная стоимость роковым образом оказывается формулой современного рабства рабочего, вместо того чтобы быть, как того желает г-н Прудон, «революционной теорией» освобождения пролетариата.

Посмотрим теперь, в какой степени применение рабочего времени в качестве меры стоимости оказывается несовместимым с существующим антагонизмом классов и с неравным распределением продукта труда между непосредственным работником и владельцем накопленного труда.

Возьмем любой продукт, например, холст. Этот продукт, как таковой, заключает в себе определенное количество труда. Это количество труда останется всегда тем же самым, как бы ни изменялось взаимное положение тех, кто участвовал в создании этого продукта.

Возьмем другой продукт, сукно, и предположим, что его производство потребовало того же количества труда, что и производство холста.

Обменивая эти продукты один на другой, мы обмениваем равные количества труда. Обменивая эти равные количества рабочего времени, мы еще не изменяем взаимного

положения производителей, точно так же как не изменяем ничего во взаимоотношениях рабочих и фабрикантов. Утверждать, что этот обмен продуктов, стоимость которых измеряется рабочим временем, ведет к равному вознаграждению всех производителей, это значит предполагать, что равное участие в продукте существовало еще до обмена. Когда произойдет обмен сукна на холст, производители сукна будут иметь в холсте точно такие же доли, какие они раньше имели в сукне.

Заблуждение г-на Прудона происходит от того, что он принимает за следствие то, что в лучшем случае есть не более как необоснованное предположение. Пойдем далее.

Предполагаем ли мы, по крайней мере, беря рабочее время как меру стоимости, что рабочие дни эквивалентны и что день одного человека стоит дня другого? Нет.

Допустим на минуту, что рабочий день ювелира равноценен трем рабочим дням ткача; также и в этом случае всякое изменение стоимости ювелирных изделий по отношению к тканям, поскольку оно не является преходящим результатом колебаний спроса и предложения, должно иметь своей причиной уменьшение пли увеличение рабочего времени, употребленного той или другой стороной на производство. Если три рабочих дня различных работников будут относиться друг к другу как 1, 2, 3, то всякое изменение в относительной стоимости их продуктов будет пропорционально этим же числам – 1, 2, 3. Таким образом, можно измерять стоимость рабочим временем, несмотря на неравенство стоимости различных рабочих дней; но чтобы применять подобную меру, нужно иметь сравнительную шкалу стоимости различных рабочих дней; эта шкала устанавливается конкуренцией.

Стоит ли час вашей работы столько же, сколько час моей работы? Это вопрос, разрешаемый конкуренцией.

Конкуренция, по мнению одного американского экономиста, определяет, сколько дней простого труда содержится в одном дне сложного труда. Не предполагает ли это сведение дней сложного труда к дням простого труда, что за меру стоимости принимается именно простой труд? То обстоятельство, что мерой стоимости служит одно лишь количество труда безотносительно к его качеству, предполагает, в свою очередь, что стержнем производственной деятельности сделался простой труд. Оно предполагает, что различные виды труда приравниваются друг к другу путем подчинения человека машине или путем крайнего разделения труда; что труд оттесняет человеческую личность на задний план; что часовой маятник сделался точной мерой относительной деятельности двух рабочих, точно так же как он служит мерой скорости двух локомотивов. Поэтому не следует говорить, что рабочий час одного человека стоит рабочего часа другого, но вернее будет сказать, что человек в течение одного часа стоит другого человека в течение тоже одного часа. Время – все, человек – ничто; он, самоо большее, только воплощение времени. Теперь уже нет более речи о качестве. Количество одно только решает все: час за час, день за день; но это уравнивание труда не есть дело вечной справедливости г-на Прудона; оно просто-напросто факт современной промышленности.

На предприятии, работающем с помощью машин, труд одного рабочего почти ничем не отличается от труда другого рабочего; рабочие могут различаться только количеством времени, употребляемого ими на работу. Тем не менее эта количественная разница становится, с известной точки зрения, качественной, поскольку время, отдаваемое работе, зависит отчасти от причин чисто материального характера, каковы, например, физическое сложение, возраст, пол; отчасти же от моральных причин чисто негативного свойства, каковы, например, терпение, невозмутимость, усидчивость. Наконец, если и имеется качественная разница в труде рабочих, то это, самое большее, – качество наихудшего качества, которое далеко не представляет собой какой-либо отличительной особенности. Вот каково в последнем счете положение вещей в современной промышленности. И по этому-то уже осуществившемуся равенству машинного труда г-н Прудон проводит рубанком «уравнивания», которое он намеревается повсюду осуществить в «грядущие времена».

Все «уравнительные» следствия, выводимые г-ном Прудоном из учения Рикардо, основываются на одном коренном заблуждении. Дело в том, что он смешивает стоимость товаров, измеряемую количеством заключенного в них труда, со стоимостью товаров, измеряемой «стоимостью труда». Если бы эти два способа измерения стоимости товаров сливались в один, то можно было бы с одинаковым правом сказать: относительная стоимость какого бы то ни было товара измеряется

количеством заключенного в нем труда; или: она измеряется количеством труда, которое можно на нее купить; или еще иначе: она измеряется количеством труда, за которое можно ее приобрести. Но дело обстоит далеко не так. Стоимость труда так же мало может служить мерой стоимости, как и стоимость всякого другого товара. Достаточно нескольких примеров, чтобы еще лучше уяснить сказанное.

Если мюи[12 - французская старинная мера емкости; для сыпучих тел равна приблизительно 18 гектолитрам. Ред.] зерна стоит двух дней труда, между тем как прежде он стоил одного, то произойдет удвоение его первоначальной стоимости; но этот мюи зерна не может приводить в действие вдвое большее количество труда, потому что он продолжает содержать в себе только такое количество питательного вещества, что и прежде. Таким образом, стоимость зерна, измеряемая количеством труда, употребленного на его производство, возросла бы вдвое; но, измеряемая количеством труда, которое может быть на него куплено, или количеством труда, за которое можно его купить, она отнюдь не удвоилась бы. С другой стороны, если бы тот же самый труд стал производить вдвое больше одежды, чем прежде, то относительная стоимость одежды упала бы при этом наполовину; но тем не менее способность этого двойного количества одежды распоряжаться определенным количеством труда не уменьшилась бы вдвое, или, иначе, тот же самый труд не мог бы получить в свое распоряжение вдвое большего количества одежды; и это потому, что половина изготовленной теперь одежды продолжала бы служить рабочему точно так же, как такое же количество одежды в прошлом.

Таким образом, определять относительную стоимость товаров стоимостью труда значит противоречить экономическим фактам. Это значит вращаться в порочном кругу, это значит определять относительную стоимость посредством такой относительной стоимости, которая сама еще должна быть определена.

Нет никакого сомнения в том, что г-н Прудон смешивает два способа измерения: измерение посредством рабочего времени, необходимого для производства какого-либо товара, и измерение посредством стоимости труда. «Труд всякого человека, – говорит он, – может купить стоимость, которую он в себе заключает». Таким образом, по его мнению, определенное количество труда, заключенного в продукте, эквивалентно вознаграждению работника, т. е. эквивалентно стоимости труда. На том же самом основании он смешивает издержки производства с заработной платой.

«Что такое заработная плата? Это себестоимость хлеба и т. д., это полная цена всех вещей. Пойдем еще дальше. Заработная плата есть пропорциональность элементов, составляющих богатство».

Что такое заработная плата? Это стоимость труда.

Адам Смит принимает за меру стоимости иногда рабочее время, необходимое для производства товара, а иногда стоимость труда. Рикардо раскрыл эту ошибку, ясно показав различие между этими двумя способами измерения. Г-н Прудон усугубляет ошибку Адама Смита, отождествляя эти две вещи, в то время как у Адама Смита они только ставятся рядом.

Г-н Прудон ищет меру относительной стоимости товаров для того, чтобы найти затем правильную пропорцию, в которой рабочие должны участвовать в продукте, или, другими словами, чтобы определить относительную стоимость труда. Для определения же меры относительной стоимости товаров он не придумал ничего лучшего, как выдать за эквивалент определенного количества труда ту сумму продуктов, которая им создана, что равносильно предположению, будто все общество состоит из одних только непосредственных работников, получающих свой собственный продукт в виде заработной платы. Кроме того, он принимает за существующий факт равноценность рабочих дней различных работников. Словом, он ищет меру относительной стоимости товаров, чтобы найти равное вознаграждение работников, и принимает равенство заработных плат как данный, уже вполне установленный факт, чтобы, исходя из этого равенства, найти относительную стоимость товаров. Какая восхитительная диалектика!

«Сэй и следовавшие за ним экономисты указывали, что, принимая труд за принцип и действительную причину стоимости, мы попадаем в порочный круг, так как труд сам является предметом, стоимость которого надлежит установить, и таким же товаром, как и все другие. Замечу с позволения этих экономистов, что, говоря таким образом, они обнаружили поразительную невнимательность. Труду приписывают

стоимость не постольку, поскольку он сам есть товар, а имея в виду те стоимости, которые, как предполагают, потенциально заключены в нем. Стоимость труда есть фигуральное выражение, предвосхищающее переход причины в следствие. Это такая же фикция, как и производительность капитала. Труд производит, капитал стоит… Выражаясь эллиптически[13 - сокращенно, опуская некоторые звенья. Ред.], говорят о стоимости труда… Труд, как и свобода… по своей природе есть нечто неясное и неопределенное, но качественно определяющееся в своем объекте; иначе говоря, труд становится реальностью через свой продукт».

«Но к чему настаивать? Так как экономист» (читайте: г-н Прудон) «изменяет название вещей, vera rerum vocabula[14 - истинные наименования вещей. Ред.], то он сам молчаливо сознается в своем бессилии и устраняется от обсуждения вопроса» (Прудон, т. I, стр. 188).

Как мы видели, г-н Прудон превращает стоимость труда в «действительную причину» стоимости продуктов, так что заработная плата – официальное название «стоимости труда» – составляет, по его мнению, полную цену всякой вещи. Вот почему его смущает возражение Сэя. В труде-товаре, этой ужасной действительности, он видит только грамматическое сокращение. Значит, все современное общество, основанное на труде-товаре, отныне оказывается основанным лишь на некоторого рода поэтической вольности, на фигуральном выражении. И если общество захочет «устранить все те неудобства», от которых оно страдает, то ему стоит только устранить неблагозвучные выражения, изменить язык, а для этого ему лишь следует обратиться к Академии и попросить нового издания ее словаря. После всего этого не трудно понять, зачем в сочинении, посвященном политической экономии, г-н Прудон счел нужным войти в длинные рассуждения об этимологии и о других частях грамматики. Так, например, он все еще с ученым видом полемизирует против устаревшего представления, будто слово servus[15 - раб. Ред.] происходит от servare[16 - сохранять. Ред.]. Эти филологические рассуждения имеют глубокий смысл, эзотерический[17 - сокровенный, предназначенный только для посвященных. Ред.] смысл, они составляют существенную часть аргументации г-на Прудона.

Поскольку труд[18 - В экземпляре, подаренном Марксом в 1876 г. Н. Утиной, после слова «труд» добавлено: «рабочая сила». Это же добавление сделано во французском издании 1896 года. Ред.] продается и покупается, он является таким же товаром, как и всякий другой товар, и имеет, следовательно, меновую стоимость. Но стоимость труда, или труд в качестве товара, так же мало производит, как стоимость хлеба, или хлеб в качестве товара, служит пищей.

Труд «стоит» больше или меньше в зависимости от большей или меньшей дороговизны предметов питания, от той или иной величины спроса на рабочие руки и предложения их и т. д. и т. д.

Труд вовсе не есть «нечто неопределенное»; продается и покупается не труд вообще, а всегда тот или иной определенный труд. Не только труд качественно определяется объектом, по и объект, в свою очередь, определяется специфическими качествами труда.

Поскольку труд продается и покупается, он сам является товаром. Зачем его покупают? «Ввиду тех стоимостей, которые, как предполагают, потенциально заключены в нем». Но когда говорят, что такая-то вещь есть товар, то речь идет уже не о цели, ради которой ее покупают, т. е. не о пользе, которую хотят извлечь из нее, не об употреблении, которое думают из нее сделать. Она – товар как предмет торговли. Все рассуждения г-на Прудона сводятся только к следующему: труд покупается не в качестве непосредственного объекта потребления. Конечно, нет, – его покупают как орудие производства, как купили бы, например, машину. Поскольку труд есть товар, он имеет стоимость, но не производит. Г-н Прудон мог бы с таким же точно правом сказать, что не существует вообще никаких товаров, так как всякий товар покупается лишь ради той или иной его полезности и никогда – в качестве товара как такового.

Измеряя стоимость товаров трудом, г-н Прудон смутно догадывается, что нельзя не подвести под эту общую меру и труд, поскольку он имеет стоимость, является трудом-товаром. Он предчувствует, что это значит признать минимум заработной платы естественной и нормальной ценой непосредственного труда, а следовательно, признать современный общественный строй. Чтобы увернуться от этого рокового вывода, он делает крутой поворот и утверждает, что труд не товар, что он не может иметь стоимости. Он забывает, что сам же принял стоимость труда за меру,

забывает, что вся его система основана на труде-товаре, на труде – предмете торговли, который продается, покупается, обменивается на продукты и т. д., наконец, на труде, составляющем непосредственный источник дохода работника. Он забывает все. Чтобы спасти свою систему, он готов пожертвовать ее основой. Et propter vitam vivendi perdere causas![19 - И потерять ради жизни весь жизненный корень! (Ювенал, «Сатиры»). Ред.]

Теперь мы приходим к некоему новому определению «конституированной стоимости»:

«Стоимость есть отношение пропорциональности продуктов, составляющих богатство».

Заметим сначала, что в простом выражении «относительная или меновая стоимость» содержится уже представление о том или ином отношении, в котором продукты обмениваются друг на друга. Называя это отношение «отношением пропорциональности», вы ровно ничего не изменяете в относительной стоимости, кроме названия. Никакое повышение или понижение стоимости продукта нисколько не уничтожает его свойства – находиться в том или ином «отношении пропорциональности» к другим продуктам, составляющим богатство.

К чему же этот новый термин, не вносящий нового понятия?

«Отношение пропорциональности» наводит на мысль о многих других экономических отношениях, например, о пропорциональности производства, о надлежащей пропорции между спросом и предложением и т. д.; и обо всем этом думал г-н Прудон, формулируя эту дидактическую парафразу меновой стоимости.

Прежде всего: так как относительная стоимость продуктов определяется сравнительным количеством труда, употребленного на производство каждого из них, то в данном случае отношение пропорциональности обозначает относительное количество продуктов, могущих быть произведенными в данный промежуток времени и способных поэтому обмениваться друг на друга.

Посмотрим, какую пользу г-н Прудон извлекает из этого отношения пропорциональности.

Каждому известно, что в тех случаях, когда спрос и предложение уравновешивают друг друга, относительная стоимость любого продукта с точностью определяется заключенным в нем количеством труда, т. е. эта относительная стоимость выражает отношение пропорциональности как раз в том смысле, который мы только что выяснили. Г-н Прудон ставит на голову действительный порядок вещей. Начинайте с измерения относительной стоимости продукта количеством заключенного в нем труда, – говорит он, – и тогда спрос и предложение неизбежно придут в равновесие. Производство будет соответствовать потреблению, продукты всегда будут обмениваться беспрепятственно, а их рыночные цены будут с точностью выражать их истинную стоимость. Вместо того чтобы говорить, как все люди: в хорошую погоду можно встретить много гуляющих, г-н Прудон отправляет своих людей гулять, чтобы обеспечить им хорошую погоду.

То, что г-н Прудон выдает за следствие, вытекающее из априорного определения меновой стоимости рабочим временем, могло бы иметь место разве лишь в силу закона такого примерно содержания:

Отныне продукты должны обмениваться в точном соответствии с потраченным на них рабочим временем. Каково бы ни было отношение спроса к предложению, обмен товаров всегда должен совершаться так, как будто бы произведенное количество их вполне соответствовало спросу. Пусть г-н Прудон возьмется сформулировать и провести подобный закон; в таком случае мы не будем требовать от него доказательств. Но если он, напротив, желает оправдать свою теорию как экономист, а не как законодатель, то он должен будет доказать, что необходимое на производство товара время с точностью обозначает степень его полезности и выражает его отношение пропорциональности к спросу, а следовательно и к совокупности богатств. В таком случае при продаже продукта по цене, равной издержкам его производства, предложение и спрос всегда будут находиться в равновесии, так как предполагается, что издержки производства выражают истинное отношение предложения к спросу.

Г-н Прудон действительно старается доказать, что рабочее время, необходимое для производства продукта, выражает истинное отношение его к потребностям, так что

вещи, на производство которых требуется наименьшее количество времени, имеют наиболее непосредственную полезность, и так далее, в том же порядке. Уже один только факт производства какого-нибудь предмета роскоши доказывает, согласно этой теории, что у общества остается время, дающее ему возможность удовлетворять известную потребность в роскоши.

Что касается самого доказательства своего тезиса, то г-н Прудон находит его в том, что, по его наблюдениям, наиболее полезные вещи требуют наименьшего времени для производства, что общество всегда начинает с самых легких отраслей производства и что оно затем постепенно «переходит к производству предметов, стоящих наибольшего количества рабочего времени и соответствующих потребностям более высокого порядка».

Г-н Прудон заимствует у г-на Дюнуайе пример добывающей промышленности – сбор плодов, пастушество, охота, рыболовство и т. д., – промышленности наиболее простой, требующей наименьших издержек, с которой человек начал «первый день своего второго творения». Первый день его первого творения описан в Книге бытия, которая изображает нам бога как первого в мире промышленника.

В действительности дело происходит совсем иначе, чем думает г-н Прудон. С самого начала цивилизации производство начинает базироваться на антагонизме рангов, сословий, классов, наконец, на антагонизме труда накопленного и труда непосредственного. Без антагонизма нет прогресса. Таков закон, которому цивилизация подчинялась до наших дней. До настоящего времени производительные силы развивались благодаря этому режиму антагонизма классов. Утверждать же, что люди потому могли заняться созданием продуктов более высокого порядка и более сложными отраслями производства, что все потребности всех работников были удовлетворены, значит отвлекаться от антагонизма классов и изображать в перевернутом виде весь ход исторического развития. С таким же правом можно было бы сказать, что так как во времена римских императоров кое-кто занимался откармливанием мурен в искусственных прудах, то для всего римского населения в изобилии имелась пища; между тем как дело обстояло совсем наоборот: римскому народу не хватало необходимых средств для покупки хлеба, а у римских аристократов не было недостатка в рабах, чтобы кормить ими мурен.

Цены жизненных припасов почти постоянно возрастали, тогда как цены продуктов промышленности и предметов роскоши почти постоянно падали. Возьмем даже само сельское хозяйство: наиболее необходимые предметы – хлеб, мясо и т. д. – дорожают, цена же хлопка, сахара, кофе и т. д. постоянно, и в поразительной пропорции, понижается. И даже из числа съестных припасов в собственном смысле предметы роскоши, вроде артишоков, спаржи и т. д., стоят в настоящее время сравнительно дешевле, чем съестные припасы первой необходимости. В нашу эпоху излишнее легче производить, чем необходимое. Наконец, в различные исторические эпохи взаимные отношения цен не только различны, но и прямо противоположны. В продолжение всего средневековья земледельческие продукты были относительно дешевле промышленных; л новое время между ними существует обратное отношение. Следует ли из этого, что полезность земледельческих продуктов уменьшилась со времени средних веков?

Потребление продуктов определяется общественными условиями, в которые поставлены потребители, а сами эти условия основаны на антагонизме классов.

Хлопок, картофель и водка представляют собой наиболее распространенные предметы потребления. Картофель породил золотуху; хлопок в значительной степени вытеснил лен и шерсть, несмотря на то, что шерсть и лен во многих случаях полезнее хлопка, хотя бы с точки зрения гигиены; наконец, водка взяла верх над пивом и вином, несмотря на то, что водка, если ее употреблять в качестве пищевого продукта, является, по общему признанию, отравой. В течение целого столетия правительства тщетно боролись с этим европейским опиумом; экономика победила; она продиктовала свои законы потреблению.

Почему же хлопок, картофель и водка являются краеугольным камнем буржуазного общества? Потому, что их производство требует наименьшего труда, и они имеют, вследствие этого, наименьшую цену. А почему минимум цены обусловливает максимум потребления? Уж не вследствие ли абсолютной, внутренне присущей этим предметам полезности, их полезности в смысле способности наилучшим образом удовлетворять потребности рабочего как человека, а не человека как рабочего? Нет, это происходит потому, что в обществе, основанном на нищете, самые нищенские

продукты имеют роковое преимущество служить для потребления самых широких масс.

Утверждать, что раз самые дешевые предметы имеют наиболее широкое употребление, то они должны обладать самой большой полезностью, – это значит утверждать, что громадное распространение водки, обусловливаемое небольшими издержками ее производства, есть самое убедительное доказательство ее полезности; это значит говорить пролетарию, что для него картофель полезнее мяса; это значит примириться с существующим порядком вещей; это значит, наконец, выступать вместе с г-ном Прудоном апологетом общества, которого не понимаешь.

В будущем обществе, где исчезнет антагонизм классов, где не будет и самих классов, потребление уже не будет определяться минимумом времени, необходимого для производства; наоборот, количество времени, которое будут посвящать производству того или другого предмета, будет определяться степенью общественной полезности этого предмета.

Возвратимся, однако, к тезису г-на Прудона. Раз рабочее время, необходимое для производства предмета, не выражает степени его полезности, то и меновая стоимость этого предмета, заранее определенная воплощенным в нем рабочим временем, ни в каком случае не может регулировать правильного отношения предложения к спросу, т. е. отношения пропорциональности в том смысле, который придает ему теперь г-н Прудон. «Отношение пропорциональности» между предложением и спросом, т. е. пропорциональная доля данного продукта во всей совокупности производства, устанавливается вовсе не продажей этого продукта по цене, равной издержкам его производства. Лишь колебания спроса и предложения указывают производителю то количество, в котором следует произвести данный товар, чтобы получить в обмен, по меньшей мере, издержки производства. И так как колебания эти происходят постоянно, то в различных отраслях производства постоянно происходит также прилив и отлив капиталов.

«Только в результате таких колебаний капиталы как раз в надлежащей пропорции, а не сверх этого, направляются на производство различных товаров, на которые существует спрос. С повышением или понижением цен прибыли поднимаются выше или падают ниже их общего уровня, и вследствие этого капиталы то притекают в известную отрасль производства, то уходят из нее, в зависимости от происшедшего в ней того или иного изменения». – «Когда мы посмотрим на рынки больших городов, мы увидим, как регулярно они снабжаются всеми видами отечественных и иностранных товаров в требуемом количестве при всех условиях меняющегося спроса, зависящего от прихотей, вкуса или изменения в численности населения, и как редко происходит переполнение рынков от слишком изобильного предложения или возникает непомерная дороговизна от слишком слабого по сравнению со спросом предложения; и мы должны будем признать, что принцип, распределяющий капитал между отдельными отраслями производства в точно соответствующих пропорциях, проявляет свое действие гораздо сильнее, чем это обыкновенно полагают» (Рикардо, т. I, стр. 105 и 108).

Если г-н Прудон признает, что стоимость продуктов определяется рабочим временем, то он должен признать также и это колебательное движение, которое в обществах, основанных на индивидуальном обмене, одно только и делает из рабочего времени меру стоимости. Никакого вполне установленного «отношения пропорциональности» не существует, а есть только устанавливающее его движение.

Мы только что видели, в каком смысле было бы правильно говорить о «пропорциональности» как о следствии определения стоимости рабочим временем. Теперь мы увидим, как это измерение стоимости временем, названное г-ном Прудоном «законом пропорциональности», превращается в закон диспропорциональности.

Всякое новое изобретение, позволяющее производить в один час то, что производилось прежде в два часа, обесценивает все однородные продукты, имеющиеся на рынке. Конкуренция вынуждает производителя продавать продукт двух часов не дороже продукта одного часа. Она осуществляет закон, по которому относительная стоимость продукта определяется рабочим временем, необходимым для его производства. То обстоятельство, что рабочее время служит мерой меновой стоимости, становится, таким образом, законом постоянного обесценения труда. Более того. Обесценение распространяется не только на товары, вынесенные на рынок, но и на орудия производства – на все предприятие. На этот факт указывает уже Рикар-до, говоря:

«Увеличивая непрестанно легкость производства, мы непрестанно уменьшаем

стоимость некоторых из ранее произведенных вещей» (т. II, стр. 59).

Сисмонди идет еще дальше. Он видит в этой «стоимости, конституированной» рабочим временем, источник всех противоречий современной промышленности и торговли,

«Меновая стоимость», – говорит он, – «всегда в конечном счете определяется количеством труда, необходимого для получения данной вещи; не количеством труда, фактически на нее потраченного, а количеством того труда, который впредь должен быть на нее затрачен при усовершенствованных, быть может, средствах производства. И это количество труда, хотя его и нелегко определить с точностью, всегда верно устанавливается конкуренцией… Оно служит основанием для расчетов как при запросе цены со стороны продавца, так и при предложении цены со стороны покупателя. Первый станет, быть может, утверждать, что вещь стоила ему десяти дней труда; но если второй знает, что впредь она может производиться в восемь рабочих дней, и если конкуренция представит тому убедительные для обеих сторон доказательства, то стоимость сведется только к восьми дням, и рыночная цена установится на этом уровне. И продавец и покупатель знают, конечно, что вещь полезна, что ее желают иметь, что без потребности в данной вещи нельзя было бы продать ее; но установление цены вещи не имеет никакого отношения к ее полезности» («Очерки» и т. д., т. II, стр. 267, брюссельское издание).

Очень важно не упускать из виду того обстоятельства, что стоимость вещи определяется не тем временем, в течение которого она была произведена, а минимумом времени, в течение которого она может быть произведена, и этот минимум устанавливается конкуренцией. Предположим на минуту, что исчезла конкуренция и нет, следовательно, уже никакого средства установить минимум труда, необходимого для производства данного товара. Что тогда произойдет? Достаточно будет затратить на производство предмета шесть часов труда, чтобы иметь право требовать за него, по теории г-на Прудона, в шесть раз больше, чем требует тот, кто потратил лишь один час на производство такого же предмета.

Вместо «отношения пропорциональности» мы имеем отношение диспропорциональности, если только вообще мы все еще непременно хотим оставаться в сфере каких бы то ни было отношений, хороших или плохих.

Постоянное обесценение труда есть лишь одна сторона, лишь одно из следствий оценки товаров рабочим временем. Этим же способом оценки объясняется также чрезмерное повышение цен, перепроизводство и многие другие проявления анархии производства.

Но порождает ли принятие рабочего времени за меру стоимости хотя бы то пропорциональное разнообразие продуктов, которое так очаровывает г-на Прудона?

Как раз наоборот: оно приводит в сфере продуктов к господству той же монополии со всем ее монотонным однообразием, которая, как это все видят и как это все знают, охватывает сферу орудий производства. Очень быстро прогрессировать могут лишь некоторые отрасли производства, как, например, хлопчатобумажная промышленность. Естественным следствием такого прогресса является быстрое понижение цен на продукты, например, хлопчатобумажной промышленности; но, по мере того как удешевляется хлопок, цена льна должна повышаться по сравнению с хлопком. Что же получается в результате этого? Лен вытесняется хлопком. Таким именно образом лен был изгнан почти из всей Северной Америки, и вместо пропорционального разнообразия продуктов мы получили царство хлопка.

Что же остается от этого «отношения пропорциональности»? Ничего, кроме благих пожеланий добропорядочного человека, которому хочется, чтобы товары производились в пропорциях, позволяющих продавать их по добросовестным ценам. Во все времена добрые буржуа и экономисты-филантропы любили выражать это невинное пожелание.

Послушаем старика Буагильбера:

«Цена товаров», – говорит он, – «должна всегда быть пропорциональной, ибо только такое взаимное соглашение дает возможность им существовать вместе, чтобы обмениваться друг на друга в каждый момент» (вот она, прудоновская постоянная способность к обмену) «и в каждый момент быть снова воспроизводимыми друг другом… Так как богатство есть не что иное, как этот постоянный обмен между человеком и человеком, между предприятием и предприятием и т. д., то было бы

ужасным заблуждением искать причины нищеты в чем-либо ином, а не в том нарушении этого обмена, которое вызывается отклонениями от пропорциональных цен» («Рассуждение о природе богатств», издание Дэра[20 - Сочинение Буагильбера цитируется по сборнику: «Economistes-financiers du XVIII siecle». Precedes de notices historiques sur chaque auteur, et accompagnes de commentaires et de notes explicatives, par Eugene Daire. Paris, 1843 («Экономисты-финансисты XVIII века». С историческими очерками о каждом авторе, комментариями и пояснительными примечаниями Эжена Дэра. Париж, 1843). – 100.]).

Послушаем также одного новейшего экономиста:

«Великий закон, который должен быть применен к производству, есть закон пропорциональности (the law of proportion), который один только в состоянии удержать постоянство стоимости… Эквивалент должен быть гарантирован… Все нации в различные эпохи пытались посредством многочисленных торговых регламентов и ограничений осуществить этот закон пропорциональности, хотя бы до известной степени. Но эгоизм, присущий человеческой природе, довел до того, что вся эта система регулирования была ниспровергнута. Пропорциональное производство (proportionate production) есть осуществление истинной социально-экономической науки» (У. Аткинсон. «Основы политической экономии», Лондон, 1840, стр. 170–195[21 - W. Atkinson. «Principles of Political Economy». London, 1840. – 101.]).

Fuit Troja![22 - Не стало Трои! Ред.] Эта правильная пропорция между предложением и спросом, которая опять начинает становиться предметом столь обильных пожеланий, давным-давно перестала существовать. Она пережила себя; она была возможна лишь в те времена, когда средства производства были ограничены, когда обмен происходил в крайне узких границах. С возникновением крупной индустрии эта правильная пропорция должна была необходимо исчезнуть, и производство должно было с необходимостью законов природы проходить постоянную последовательную смену процветания и упадка, кризиса, застоя, нового процветания и так далее.

Те, которые, подобно Сисмонди, хотят возвратиться к правильной пропорциональности производства и при этом сохранить современные основы общества, суть реакционеры, так как они, чтобы быть последовательными, должны бы были стремиться к восстановлению и других условий промышленности прежних времен.

Что удерживало производство в правильных, или почти правильных, пропорциях? Спрос, который управлял предложением, предшествовал ему; производство следовало шаг за шагом за потреблением. Крупная индустрия, будучи уже самым характером употребляемых ею орудий вынуждена производить постоянно все в больших и больших размерах, не может ждать спроса. Производство идет впереди спроса, предложение силой берет спрос.

В современном обществе, в промышленности, основанной на индивидуальном обмене, анархия производства, будучи источником стольких бедствий, есть в то же время причина прогресса.

Поэтому одно из двух:

либо желать правильных пропорций прошлых веков при средствах производства нашего времени, – и это значит быть реакционером и утопистом вместе в одно и то же время;

либо желать прогресса без анархии, – и тогда необходимо отказаться от индивидуального обмена для того, чтобы сохранить производительные силы.

Индивидуальный обмен совместим лишь или с мелкой промышленностью прошлых веков и со свойственной ей «правильной пропорциональностью» или же с крупной промышленностью вместе со всем, что ее сопровождает, – с нищетой и анархией.

В конце концов получается, что определение стоимости рабочим временем, т. е. та формула, которую г-н Прудон выдает нам за формулу будущего возрождения, есть, стало быть, не что иное, как научное выражение экономических отношений современного общества, как это, задолго до г-на Прудона, ясно и четко доказал Рикардо.

Но не принадлежит ли г-ну Прудону, по крайней мере, «уравнительное» применение этой формулы? Он ли первый задумал преобразовать общество путем превращения всех людей в непосредственных работников, обменивающихся равными количествами труда? Ему ли упрекать коммунистов – этих людей, лишенных всяких познаний в политической экономии, этих «упрямых глупцов», этих «мечтателей о рае», – упрекать их в том, что они не нашли до него этого «решения проблемы пролетариата»?

Кто хоть мало-мальски знаком с развитием политической экономии в Англии, тот не может не знать, что в разное время почти все социалисты этой страны предлагали уравнительное применение рикардовской теории. Мы могли бы указать г-ну Прудону на «Политическую экономию» Годскина, 1827[23 - Th. Hodgskin. «Popular Political Economy». London, 1827 (Т. Годскин. «Популярная политическая экономия». Лондон, 1827). // В оригинале в этом месте ошибочно стоит фамилия Гопкинс. В 1892 г. во втором немецком издании «Нищеты философии» Энгельс исправил эту неточность, использованную австрийским буржуазным юристом Менгером для высказывания необоснованных предположений относительно этой ссылки Маркса. В предисловии к изданию 1892 г. Энгельс писал: // «По поводу второго издания я должен лишь сказать, что ошибочно указанное во французском тексте имя Гопкинс заменено правильным именем: Годскин, и там же исправлен год издания книги Уильяма Томпсона на 1824. Теперь, надеемся, библиографическая совесть господина профессора Антона Менгера будет успокоена. // Лондон, 29 марта 1892 г. Фридрих Энгельс». – 102.], на сочинения: Уильям Томпсон, «Исследование принципов распределения богатства, наиболее способствующих человеческому счастью», 1824; Т. Р. Эдмондс, «Практическая, моральная и политическая экономия», 1828[24 - W. Thompson. «An Inquiry into the Principles of the Distribution of Wealth Most Conducive to Human Happiness». London, 1824. // T. R. Edmonds. «Practical Moral and Political Economy». London, 1828. – 102.], и т. д. и т. д., заполнив еще четыре страницы названиями таких работ. Мы ограничимся тем, что предоставим слово одному английскому коммунисту, г-ну Брею. Мы приведем главнейшие места из его замечательного произведения «Несправедливости в отношении труда и средства к их устранению», Лидс, 1839[25 - J. F. Bray. «Labour's Wrongs and Labour's Remedy». Leeds, 1839. – 102.], и довольно долго задержимся на нем, во-первых, потому, что г-н Брей еще мало известен во Франции, а во-вторых, потому, что в произведениях этого писателя мы нашли, как нам кажется, ключ ко всем прошлым, настоящим и будущим сочинениям г-на Прудона.

«Выяснение основных принципов есть единственное средство для достижения истины. Поднимемся же сразу к тому источнику, откуда ведут свое происхождение сами правительства. Дойдя, таким образом, до самой первоосновы вещей, мы найдем, что всякая форма правления, всякая социальная и политическая несправедливость проистекают из господствующей в настоящее время социальной системы – из института собственности в его современной форме (the institution of property as it at present exists). Поэтому, чтобы раз и навсегда положить конец существующим несправедливостям и бедствиям, необходимо разрушить до основания современный общественный строй… Атакуя экономистов в их собственной области и их собственным оружием, мы избегнем той бессмысленной болтовни о мечтателях и доктринерах, которую они всегда готовы пустить в ход. Если только экономисты не захотят отрицать или опровергать общепризнанные истины и принципы, на которых построены их собственные аргументы, то они никак не смогут отвергнуть те выводы, к которым мы приходим, следуя этому методу» (Брей, стр. 17 и 41). «Только труд создает стоимость (It is labour alone which bestows value)… Каждый человек имеет неоспоримое право на все то, что может доставить ему его честный труд. Присваивая себе плоды своего труда, он не совершает никакой несправедливости по отношению к другим людям, так как нисколько не нарушает их права действовать таким же образом… Все понятия о высших и низших, о хозяине и наемном рабочем порождены пренебрежением к основным принципам и возникшим отсюда неравенством имуществ (and to the consequent rise of inequality of possessions). Пока сохранится это неравенство, не будет возможности ни искоренить такие идеи, ни ниспровергнуть основанные на них учреждения. До сих пор еще многие питают напрасную надежду исправить господствующий теперь противоестественный порядок вещей посредством уничтожения существующего неравенства, не затрагивая при этом причины неравенства; но мы скоро докажем, что правительство является не причиной, а следствием, что оно не создает, а, наоборот, само создано, что, словом, оно само является результатом неравенства имуществ (the offspring of inequality of possessions) и что неравенство имуществ неразрывно связано с существующей теперь общественной системой» (Брей, стр. 33, 36 и 37).

«Система равенства не только имеет за собой величайшие преимущества, но она также строго справедлива… Каждый человек является звеном, и притом необходимым звеном в той цепи следствий, которая берет свое начало от некоторой идеи, чтобы завершиться, быть может, производством куска сукна. Поэтому из того, что мы питаем различные чувства по отношению к тем или другим профессиям, не следует делать того вывода, что труд одного человека должен вознаграждаться лучше труда другого. Изобретатель, кроме причитающегося ему справедливого денежного вознаграждения, всегда будет получать еще дань восхищения, которое вызывает в нас только гений…

По самой природе труда и обмена, строгая справедливость требует, чтобы выгоды обменивающихся были не только взаимны, но и равны (all exchangers should be not only mutually but they should likewise be equally benefited). Существуют только две вещи, которые люди могут между собой обменивать, а именно: труд и продукты труда. При справедливой системе обмена стоимость всех продуктов определялась бы полной совокупностью издержек их производства, и равные стоимости всегда обменивались бы на равные стоимости (If a just system of exchanges were acted upon, the value of all articles would be determined by the entire cost of production, and equal values should always exchange for equal values). Например, если шляпник, употребляющий один рабочий день на производство шляпы, и башмачник, изготовляющий за то же время пару башмаков (предполагается, что оба употребляют сырье одинаковой стоимости), обмениваются между собой этими продуктами, то полученная ими выгода от этого обмена будет взаимна и в то же время равна. Здесь выгода для одной стороны не может быть убытком для другой, так как обе доставили одинаковое количество труда и употребили материалы одинаковой стоимости. Но если бы, при тех же предположенных выше условиях, шляпник получил две пары башмаков за одну шляпу, то очевидно, что обмен был бы несправедлив. Шляпник надул бы башмачника на один рабочий день и, поступая таким же образом во всех своих меновых сделках, получил бы за свой полугодовой труд продукт целого года труда другого лица. До сих пор мы всегда следовали этой в высшей степени несправедливой системе обмена: рабочие отдавали капиталисту труд целого года в обмен на полугодовую стоимость (the workmen have given the capitalist the labour of a whole year, in exchange for the value of only half a year). Именно отсюда, а вовсе не из предполагаемого неравенства физических и умственных сил индивидов, произошло неравенство богатства и власти. Неравенство обмена, различие цен при покупках и продажах могут существовать лишь при том условии, что капиталисты навсегда останутся капиталистами, а рабочие – рабочими; одни – классом тиранов, другие – классом рабов… Эта сделка между капиталистами и рабочими ясно показывает, что за недельный труд рабочего капиталисты и собственники дают ему лишь часть богатства, полученного ими от него же в течение предыдущей недели, другими словами, что они получают от рабочего нечто, не давая ему за это ничего (nothing for something)… Вся сделка между рабочим и капиталистом оказывается простой комедией: в действительности это по большей части не что иное, как бесстыдный, хотя и узаконенный, грабеж (The whole transaction between the producer and the capitalist is a mere farce: it is, in fact, in thousands of instances, no other than a barefaced though legalised robbery)» (Брей, стр. 45, 48, 49 и 50).

«Прибыль предпринимателя всегда будет потерей для рабочего до тех пор, пока обмен между ними остается неравным; обмен же не может сделаться равным, пока общество делится на капиталистов и производителей, причем последние живут своим трудом, тогда как первые жиреют от прибыли с чужого труда…

Ясно», – продолжает г-н Брей, – «что, какую бы форму правления вы ни установили… сколько бы вы ни проповедовали во имя морали и братской любви… взаимность несовместима с неравенством обмена. Неравенство обмена, являясь источником неравенства имуществ, есть тайный враг, который нас пожирает (No reciprocity can exist where there are unequal exchanges. Inequality of exchanges, as being the cause of inequality of possessions, is the secret enemy that devours us)» (Брей, стр. 51 и 52).

«Рассмотрение цели и задачи общества дает мне право заключить, что не только все люди должны трудиться и таким образом достигать возможности обмениваться, но что обмениваться должны равные стоимости на равные же стоимости. Далее, для того чтобы прибыль одного не могла составить потери для другого, стоимость должна определяться издержками производства. Мы видели, однако, что при существующем общественном строе прибыль капиталиста и богача всегда является потерей для рабочего, что этот результат неизбежен и что при всех формах правления бедный

всецело будет отдан на произвол богатого, пока сохранится неравенство обмена. Равенство обмена может быть обеспечено лишь таким общественным строем, при котором признавалась бы общеобязательность труда… Равенство обмена вызвало бы постепенный переход богатств из рук современных капиталистов в руки рабочих классов» (Брей, стр. 53–55).

«Пока остается в силе эта система неравенства обмена, производители всегда будут так же бедны, так же невежественны и так же чрезмерно обременены работой, как и в настоящее время, если бы даже были отменены все правительственные подати, все налоги… Только полное изменение системы, только введение равенства труда и обмена может улучшить это положение вещей и обеспечить людям подлинное равенство прав… Производителям достаточно сделать усилие, – а именно от них-то и должны исходить все усилия для их собственного спасения, – и их цепи будут разбиты навсегда… В качестве цели политическое равенство есть ошибка, оно оказывается также ошибкой и в качестве средства (As an end, the political equality is there a failure, as a means, also, it is there a failure).

При равенстве обмена прибыль одного не может быть потерей для другого, потому что всякий обмен является тогда простым перенесением труда и богатства, не требующим никаких жертв. Таким образом, при господстве социальной системы, основанной на равенстве обмена, производитель будет еще иметь возможность богатеть посредством своих сбережений, но его богатство будет лишь накопленным продуктом его собственного труда. Он будет иметь возможность обменивать свое богатство или дарить его другим, но, перестав работать, он не сможет остаться богатым в течение сколько-нибудь продолжительного времени. С установлением равенства обмена богатство потеряет присущую ему теперь способность возобновляться и воспроизводиться, так сказать, посредством самого себя; оно не будет уже в состоянии восполнять потери, понесенные им от потребления, так как однажды потребленное богатство будет навсегда потеряно, если оно не будет воспроизводиться трудом. При режиме равного обмена не сможет больше существовать то, что мы теперь называем прибылями и процентами. Как производители, так и лица, занятые распределением, будут получать одинаковое вознаграждение, и стоимость каждого произведенного и доставленного потребителю продукта будет определяться общей суммой потраченного ими на него труда…

Принцип равенства обмена должен, следовательно, по самой своей природе привести к тому, что труд станет всеобщим» (Брей, стр. 67, 88, 89, 94 и 109–110).

Опровергнув возражения экономистов против коммунизма, г-н Брей продолжает:

«Если, с одной стороны, для успешного осуществления социальной системы, основанной на общности имущества, в ее совершенной форме необходимо изменение человеческого характера; если, с другой стороны, современный строй не дает ни условий, ни благоприятных возможностей для такого изменения характера и для того, чтобы подготовить людей к лучшему, всем нам желательному порядку, то очевидно, что положение вещей необходимо должно оставаться таким, как оно есть, если не будет открыт и применен переходный общественный этап, – процесс, принадлежащий частично к современной, частично к будущей системе» (к системе, основанной на общности имущества), – «своего рода промежуточное состояние, в которое общество вступило бы со всеми своими эксцессами и безумствами, чтобы впоследствии выйти из него обогащенным качествами и свойствами, составляющими жизненное условие системы, основанной на общности имущества» (Брей, стр. 134).

«Для всего этого процесса необходима была бы лишь самая простая форма кооперации… Издержки производства при всяких обстоятельствах определяли бы стоимость продукта, и равные стоимости всегда обменивались бы на равные стоимости. Если из двух лиц одно лицо работало бы целую неделю, а другое лишь половину недели, то вознаграждение первого вдвое превышало бы вознаграждение второго; но этот излишек платы не был бы получен одним за счет другого: потеря, понесенная последним, никоим образом не пошла бы на пользу первому. Каждый обменивал бы полученную им лично заработную плату на предметы одинаковой с ней стоимости, и прибыль, полученная каким-нибудь лицом или какой-нибудь отраслью производства, ни в коем случае не составляла бы потери для другого человека или для другой отрасли производства. Труд каждого человека был бы единственной мерой его прибылей или его потерь…

… Количество различных нужных для потребления продуктов, относительная стоимость каждого предмета по сравнению с другими (число рабочих, требуемых различными

отраслями труда), словом, все, относящееся к общественному производству и распределению, определялось бы при помощи центральных и местных контор (boards of trade). В применении к целой нации эти расчеты совершались бы с такой же малой затратой времени и с такой же легкостью, с какими они, при существующем строе, делаются в применении к какой-нибудь частной компании… Индивиды группировались бы в семьи, семьи – в общины, как и при существующем строе… Даже распределение населения между городом и деревней, как ни вредно такое распределение, не было бы отменено сразу… Каждый индивид сохранил бы в этой ассоциации предоставленную ему в настоящее время свободу накоплять сколько ему угодно и употреблять свои сбережения по собственному усмотрению… Наше общество было бы, так сказать, большой акционерной компанией, составленной из бесконечного числа более мелких акционерных компаний, которые все трудились бы, производили и обменивали свои продукты на основе полнейшего равенства… Наша новая система акционерных компаний, являясь лишь уступкой, сделанной современному обществу с целью перехода к коммунизму, допускает совместное существование индивидуальной собственности на продукты с общей собственностью на производительные силы; она ставит судьбу каждого индивида в зависимость от его собственной деятельности и дает ему равную долю во всех выгодах, доставляемых природой и успехами техники. Поэтому такая система может быть применена к обществу в его современном состоянии и может подготовить его к дальнейшим изменениям» (Брей, стр. 158, 160, 162, 168, 194 и 199).

Нам только остается теперь в нескольких словах ответить г-ну Брею, занявшему, помимо нашего желания и даже против нашей воли, место г-на Прудона, с той, однако, разницей, что г-н Брей отнюдь не выдает себя за обладателя последнего слова человечества, считая предлагаемые им меры пригодными лишь для эпохи, переходной между современным обществом и строем, основанным на общности имущества.

Рабочий час Петра обменивается на рабочий час Павла. Вот основная аксиома г-на Брея.

Предположим, что Петр проработал двенадцать часов, а Павел только шесть часов; в таком случае Петр может обмениваться с Павлом только шестью часами на шесть часов, остальные же шесть часов останутся у него в запасе. Что сделает он с этими шестью рабочими часами?

Или ровно ничего не сделает, и, таким образом, шесть рабочих часов пропали для него даром, или он просидит без работы другие шесть часов, чтобы восстановить равновесие, или, наконец, – и это для него последний исход – он отдаст эти ненужные ему шесть часов Павлу впридачу к остальным.

Итак, что же, в конце концов, выигрывает Петр по сравнению с Павлом? Рабочие часы? Нет. Он выигрывает только часы досуга, он будет вынужден бездельничать в продолжение шести часов. Чтобы это новое право на безделье не только признавалось, по и ценилось в новом обществе, это последнее должно находить в лености величайшее счастье и считать труд тяжелым бременем, от которого следует избавиться во что бы то ни стало. И если бы еще, возвращаясь к нашему примеру, эти часы досуга, которые Петр выиграл у Павла, были для Петра действительным выигрышем! Но нет. Павел, который вначале работал только шесть часов, достигает посредством регулярного и умеренного труда того же результата, что и Петр, начавший работу чрезмерным трудом. Каждый захочет быть Павлом, и возникнет конкуренция, конкуренция лености, с целью достичь положения Павла.

Итак, что же принес нам обмен равных количеств труда? Перепроизводство, обесценение, чрезмерный труд, сменяемый бездействием, словом, все существующие в современном обществе экономические отношения за вычетом конкуренции труда.

Но нет, мы ошибаемся. Существует еще одно средство спасения для нового общества, общества Петров и Павлов. Петр сам потребит продукт тех шести часов труда, которые у него остаются. Но раз у него уже нет необходимости прибегать к обмену произведенного им продукта, то у него нет и необходимости производить для обмена, а это разрушает всю нашу предпосылку об обществе, основанном на разделении труда и обмене. Равенство обмена было бы спасено только посредством прекращения всякого обмена: Павел и Петр превратились бы в Робинзонов.

Итак, если предположить, что все члены общества являются непосредственными работниками, то обмен равными количествами рабочих часов возможен лишь при

условии предварительного соглашения насчет числа часов, которые следует употребить на материальное производство. Но такое соглашение есть отрицание индивидуального обмена.

Мы придем к тому же заключению, если вместо распределения произведенных продуктов возьмем за отправной пункт самый акт производства. В крупной промышленности Петр не может произвольно определять время своего труда, так как без содействия всех остальных Петров и Павлов, из которых образуется предприятие, труд Петра – ничто. Этим как нельзя лучше объясняется упорное противодействие английских фабрикантов биллю о десятичасовом рабочем дне. Они слишком хорошо знали, что уменьшение на два часа рабочего времени женщин и подростков[26 - Билль о десятичасовом рабочем дне, распространявшийся только на подростков и женщин-работниц, был принят английским парламентом 8 июня 1847 года. Однако на практике многие фабриканты игнорировали этот закон. – 108.] должно повлечь за собой также сокращение рабочего времени мужчин. Сама природа крупной промышленности требует равного для всех рабочего времени. То, что сегодня является результатом действия капитала и конкуренции между рабочими, завтра, с устранением отношения труда к капиталу, будет достигаться посредством соглашения, основанного на отношении суммы производительных сил к сумме существующих потребностей.

Но такое соглашение является смертным приговором индивидуальному обмену; значит, мы снова приходим к нашему первому результату.

В принципе, нет обмена продуктов, но есть обмен участвующих в производстве видов труда. От способа обмена производительных сил зависит и способ обмена продуктов. Вообще форма обмена продуктов соответствует форме производства. Измените эту последнюю, и следствием этого будет изменение формы обмена. Поэтому в истории общества мы видим, что способ обмена продуктов регулируется способом их производства. Индивидуальный обмен тоже соответствует определенному способу производства, который, в свою очередь, соответствует антагонизму классов. Поэтому без антагонизма классов не может быть и индивидуального обмена.

Но сознание добропорядочного буржуа отказывается прп-впать этот очевидный факт. Пока человек остается буржуа, он не может не видеть в этих антагонистических отношениях отношений, основанных на гармонии и вечной справедливости, никому не позволяющей удовлетворять свои интересы за счет другого. По мнению буржуа, индивидуальный обмен может существовать без антагонизма классов: для него эти два явления совершенно не связаны между собой. Индивидуальный обмен, каким себе представляет его буржуа, имеет очень мало сходства с индивидуальным обменом, как он существует на практике.

Г-н Брей из иллюзии добропорядочного буржуа делает идеал, который он хотел бы осуществить. Очищая индивидуальный обмен, устраняя из него все заключающиеся в нем антагонистические элементы, он воображает, что нашел «уравнительное» отношение, которое ему хотелось бы ввести в общество.

Г-н Брей не видит, что то уравнительное отношение, тот корректирующий идеал, который он хотел бы ввести в мир, сам является лишь отражением существующего мира и что поэтому абсолютно невозможно перестроить общество на основе, которая есть не более как собственная приукрашенная тень этого общества. По мере того как эта тень вновь становится чем-то телесным, оказывается, что вместо рисовавшегося в мечтах преображенного общества появляется лишь тело современного общества[27 - Как и всякая другая теория, теория г-на Брея нашла себе сторонников, обманувшихся ее видимостью. В Лондоне, в Шеффилде, в Лидсе и во многих других городах Англии были основаны equitable-labour-exchange-bazars. Поглотив значительные капиталы, все эти базары потерпели скандальное банкротство. Это навсегда отбило от них охоту у этих людей. Предостережение для г-на Прудона! (Примечание Маркса.) // Как известно, Прудон не воспользовался этим предостережением. В 1849 г. он сам пытался устроить новый обменный банк в Париже. Но банк этот потерпел крах даже раньше, чем начал регулярно функционировать. Судебное преследование против Прудона заслонило собой этот крах. – Ф. Э. (Добавление Энгельса к немецкому изданию 1885 г.)]

III. ПРИМЕНЕНИЕ ЗАКОНА ПРОПОРЦИОНАЛЬНОСТИ СТОИМОСТЕЙ

А. ДЕНЬГИ

«Золото и серебро были первыми товарами, стоимость которых достигла конституирования».

Итак, золото и серебро оказываются первыми применениями «стоимости, конституированной»… г-ном Прудоном. А так как г-н Прудон конституирует стоимость продуктов посредством определения ее сравнительным количеством заключенного в них труда, то ему следовало бы сделать только одно: доказать, что колебания в стоимости золота и серебра всегда объясняются колебаниями рабочего времени, необходимого для их производства. Но г-н Прудон и не думает об этом. Он говорит о золоте и серебре как о деньгах, а не как о товаре.

Вся его логика, если только тут есть логика, состоит в том, что на все товары, стоимость которых измеряется рабочим временем, он фокусническим образом распространяет свойство золота и серебра служить деньгами. Конечно, во всем этом фокусе больше наивности, чем лукавства.

Так как стоимость того или иного полезного продукта измеряется необходимым для его производства рабочим временем, то он всегда обладает способностью приниматься в обмен. Доказательство этому, восклицает г-н Прудон, мы имеем в золоте и серебре, находящихся в искомых условиях «обмениваемости». Значит, золото и серебро – это стоимость, достигшая конституированного состояния, т. е. воплощение идеи г-на Прудона. Он как нельзя более счастлив в выборе своего примера. Помимо того, что золото и серебро являются товарами, стоимость которых, как и всяких других товаров, измеряется рабочим временем, они имеют еще свойство служить всеобщим средством обмена, т. е. быть деньгами. Поэтому, принимая золото и серебро за применение «стоимости, конституированной» рабочим временем, нет ничего легче, как доказать, что каждый товар, стоимость которого будет конституирована рабочим временем, получит постоянную способность к обмену, станет деньгами. В уме г-на Прудона возникает совсем простой вопрос: почему золото и серебро обладают привилегией служить типом «конституированной стоимости»?

«Специальная функция, которую обычай присвоил драгоценным металлам, – служить средством общения – есть функция чисто условная, и каждый иной товар мог бы выполнять эту роль столь же аутентично, хотя, быть может, и с меньшими удобствами; это признается экономистами, которые указывают немало подобных примеров. Где же причина этой привилегии служить деньгами, которой повсюду наделяются металлы, и как объяснить такую специализацию функции серебра, не имеющую аналогии в политической экономии?.. Нельзя ли восстановить тот ряд явлений, из которого деньги были, невидимому, вырваны, и тем привести деньги к их истинному принципу?»

Формулируя вопрос таким образом, г-н Прудон уже заранее предполагает деньги. Прежде всего г-н Прудон должен был бы задать себе вопрос: почему при обмене, как он сложился к настоящему времени, потребовалось, так сказать, индивидуализировать меновую стоимость, создав специальное средство обмена? Деньги – не вещь, а общественное отношение. Почему отношение, выраженное деньгами, как и всякое другое экономическое отношение, как разделение труда и т. д., есть производственное отношение? Если бы г-н Прудон составил себе ясное представление об этом отношении, деньги не казались бы ему исключением, членом неизвестного или искомого ряда, вырванным из этого ряда.

Он нашел бы, наоборот, что это отношение есть лишь одно из звеньев целой цепи других экономических отношений, с которыми оно поэтому очень тесно связано; он признал бы, что это отношение соответствует определенному способу производства, точно так же, как ему соответствует индивидуальный обмен. Что же делает он? Он начинает с того, что выделяет деньги из всей совокупности современного способа производства, чтобы сделать их впоследствии первым членом воображаемого ряда, ряда, который нужно еще открыть.

Раз признана необходимость в специальном средстве обмена, т. е. необходимость денег, остается лишь объяснить, почему эта особая функция досталась золоту и серебру, а не какому-нибудь иному товару. Это вопрос вторичного порядка, и его объяснение следует искать уже не в общей системе производственных отношений, а в специфических свойствах, присущих золоту и серебру как определенного рода материи. Отсюда ясно, что если экономисты в этом случае «бросились за пределы своей науки и занялись физикой, механикой, историей и т. д.», в чем упрекает их г-н Прудон, то они сделали лишь то, что должны были сделать. Вопрос лежит уже вне области политической экономии.

«Чего не увидел и не понял ни один экономист», – говорит г-н Прудон, – «это экономической причины, создавшей для драгоценных металлов ту привилегию, которой они пользуются».

Г-н Прудон увидел, понял и завещал потомству ту экономическую причину, которой никто – и не без основания – не видел и не понимал.

«Никто не заметил того факта, что из всех товаров золото и серебро были первыми товарами, стоимость которых достигла конституирования. В патриархальном периоде золото и серебро выступают как предметы торговли и обмениваются еще в слитках, но уже с явной тенденцией к господству и с заметным преимуществом перед другими товарами. Мало-помалу государи завладевают драгоценными металлами и налагают на них свою печать; эта монаршая санкция и порождает деньги, т. е. товар par excellence[28 - по преимуществу, в истинном значении слова. Ред.], товар, сохраняющий определенную пропорциональную стоимость при всех потрясениях торговли и принимаемый при всех платежах… Отличительная черта золота и серебра заключается, повторяю, в том, что благодаря своим металлическим свойствам, трудности добывания, а главное – вмешательству государственной власти они в качестве товаров рано приобрели устойчивость и аутентичность».

Утверждать, что из всех товаров золото и серебро были первыми товарами, стоимость которых достигла конституирования, это значит, как это следует из сказанного им выше, утверждать только то, что золото и серебро первые сделались деньгами. Вот великое откровение г-на Прудона, вот та истина, которую никто не открыл до него.

Если бы г-н Прудон хотел этим сказать, что время, необходимое на добывание золота и серебра, было известно раньше, чем время, необходимое для производства других товаров, то это опять было бы одним из тех предположений, которыми он так щедро угощает своих читателей. И если бы мы желали придерживаться этой патриархальной эрудиции, мы сообщили бы г-ну Прудону, что прежде всего стало известно время, необходимое для производства предметов первой необходимости, каковыми являются железо и т. д. Мы не говорим уже о классическом луке Адама Смита.

Но каким образом после всего этого г-н Прудон может еще толковать о конституировании стоимости, раз ни одна стоимость не конституируется в отдельности? Стоимость конституируется не временем, необходимым для производства данного продукта и отдельности, а пропорционально количеству всех других продуктов, которые могут быть произведены за этот же самый промежуток времени. Таким образом, конституирование стоимости золота и серебра предполагает уже осуществившееся конституирование стоимости множества других продуктов.

Следовательно, не товар, в виде золота и серебра, достиг положения «конституированной стоимости», а наоборот, «конституированная стоимость» г-на Прудона достигла, в виде золота и серебра, положения денег.

Рассмотрим теперь поближе те экономические причины, благодаря которым, по мнению г-на Прудона, золото и серебро по сравнению со всеми другими продуктами приобрели преимущество быть возведенными в достоинство денег, пройдя через состояние, конституирующее стоимость.

Эти экономические причины суть: «явная тенденция к господству», «заметное преимущество», достигнутое уже в «патриархальный период», и другие пересказы самого этого факта, которые только увеличивают наше затруднение, так как благодаря возрастанию числа случаев, приводимых г-ном Прудоном для объяснения факта, увеличивается число фактов, требующих объяснения. Но г-н Прудон еще не исчерпал всех так называемых экономических причин. Вот одна из таких причин

суверенной, неотразимой силы:

«Монаршая санкция порождает деньги: государи завладевают золотом и серебром и налагают на них свою печать».

Итак, произвол государей является, по мнению г-на Прудона, верховной причиной в политической экономии!

Поистине нужно не иметь никаких исторических познаний, чтобы не знать того факта, что во все времена государи вынуждены были подчиняться экономическим условиям и никогда не могли предписывать им законы. Как политическое, так и гражданское законодательство всего только выражает, протоколирует требования экономических отношений.

Государь ли завладел золотом и серебром, чтобы приложением своей печати сделать из них всеобщие средства обмена, или, наоборот, эти всеобщие средства обмена завладели государем и добились от него приложения печати и политической санкции?

Штемпель, который прикладывали и прикладывают к серебру, говорит не о его стоимости, а о его весе. Та устойчивость и та аутентичность, о которых толкует г-н Прудон, относятся только к пробе монеты, и эта проба указывает, сколько чистого металла содержится в куске серебра, превращенном в монету.

«Единственная стоимость, внутренне присущая серебряной марке», – говорит Вольтер со своим обычным здравым смыслом, – «есть марка серебра, полфунта серебра весом в восемь унций. Только вес и проба и создают эту внутреннюю стоимость» (Вольтер, «Система Ло»[29 - Маркс цитирует одну из глав работы Вольтера «История парламента» («Histoire du parlement»); глава носит название: «Финансы в период регентства и система Ло». – 113.]).

Но вопрос: сколько стоит унция золота или серебра? – все еще остается неразрешенным.

Если бы на кашемире из магазина «Гран Кольбер» ставилось фабричное клеймо с надписью «чистая шерсть», то подобное фабричное клеймо еще ничего не сказало бы нам о стоимости кашемира. Нам все еще оставалось бы узнать, сколько стоит шерсть.

«Французский король Филипп I», – говорит г-н Прудон, – «примешал к турскому ливру Карла Великого одну треть лигатуры. Он вообра-зил, что, обладая монопольным правом чеканить монету, он может поступать с нею, как поступает со своим товаром каждый торговец, имеющий монополию на какой-нибудь продукт. Что же такое в действительности представляла собой эта подделка монет, которую так ставят в упрек Филиппу и его преемникам? Соображение, очень верное с точки зрения коммерческой рутины, но совершенно ложное с точки зрения экономической пауки. Это соображение сводится к тому, что так как стоимость регулируется предложением и спросом, то можно повысить оценку, а тем самым и стоимость вещей, либо создав искусственную редкость, либо завладев всецело их производством, и что в применении к золоту и серебру это столь же верно, как в применении к хлебу, вину, маслу, табаку. А между тем едва только мошенничество Филиппа начало вызывать подозрения, его монеты пали до их истинной стоимости, и он потерял все то, что надеялся выиграть за счет своих подданных. Та же судьба постигла и все другие аналогичные попытки».

Во-первых, много и много раз было уже доказано, что когда государь решается подделывать монету, то он же и проигрывает при этом. То, что им выигрывается один раз при первом выпуске, теряется затем каждый раз, когда фальсифицированные монеты возвращаются к нему в виде налогов и т. д. Но Филипп и его преемники умели более или менее уберегаться от этой потери, так как, пустив в обращение поддельную монету, они немедленно же издавали приказы о всеобщей перечеканке монет по старому образцу.

А затем, если бы Филипп I действительно рассуждал так, как г-н Прудон, то его рассуждения вовсе не были бы безупречны «с коммерческой точки зрения». Ни Филипп I, ни г-н Прудон не обнаруживают больших коммерческих способностей, воображая, что стоимость золота, равно как и стоимость всякого другого товара, может быть изменена по той только причине, что их стоимость определяется отношением предложения к спросу.

Если бы король Филипп приказал называть один мюи хлеба двумя, он оказался бы мошенником. Он обманул бы всех получателей ренты, всех тех людей, которым предстояло получить 100 мюи хлеба; по его милости, вместо 100 мюи все эти люди получили бы только 50. Предположите, что король был должен кому-нибудь 100 мюи хлеба; он мог бы в данном случае отдать только 50. Но в торговле 100 мюи стоили бы ничуть не больше прежних 50. Перемена названия не изменяет вещи. Количество хлеба, служащего объектом как спроса, так и предложения, не уменьшится и не увеличится от одной перемены названия. Поэтому, раз отношение предложения к спросу не изменится, несмотря на эту перемену названия, то и цена хлеба тоже не подвергнется никакому действительному изменению. Когда говорят о предложении и спросе, то под этим понимают предложение и спрос вещей, а не их название. Филипп I не создавал золота и серебра, как это вытекает из слов г-на Прудона, он создавал только названия монет. Выдайте свои французские кашемиры за азиатские, и очень может быть, что вам удастся обмануть одного или двух покупателей; но едва только плутня откроется, цена ваших так называемых азиатских кашемиров упадет до цены французских. Прикладывая фальшивые клейма к золоту и серебру, король Филипп I мог надувать людей лишь до той минуты, пока его проделка не была раскрыта. Как и всякий другой лавочник, он обманывал своих клиентов ложным обозначением товара; но это могло длиться лишь некоторое время. Рано или поздно ему пришлось почувствовать всю суровость законов торговли. Это ли хотел доказать г-н Прудон? Нет, не это. По его мнению, не торговля, а государь дает деньгам их стоимость. А что доказал он в действительности? Что торговля обладает большей властью, чем государь. Пусть государь приказывает марке сделаться отныне двумя марками, – торговля вам всегда скажет, что эти две новые марки стоят лишь столько, сколько одна старая марка.

Но все это ни на шаг не подвигает вопроса о стоимости, определяемой количеством труда. Все еще остается решить, определяется ли стоимость этих двух марок, снова превратившихся в одну прежнюю марку, издержками производства или законом предложения и спроса?

Г-н Прудон продолжает:

«Следует даже заметить, что если бы вместо подделки монет у короля была власть удвоить их массу, то меновая стоимость золота и серебра тотчас же упала бы наполовину все по той же причине пропорциональности и равновесия».

Если верен этот взгляд, разделяемый г-ном Прудоном с другими экономистами, то он говорит лишь в пользу их теория предложения и спроса, а вовсе не в пользу пропорциональности г-на Прудона. Ибо, согласно этому взгляду, какое бы количество труда ни было заключено в удвоенной массе золота и серебра, стоимость их упала бы наполовину только оттого, что спрос остался неизменным, а предложение удвоилось. Или же на этот? раз «закон пропорциональности» случайно совпадает со столь презираемым законом предложения и спроса? Эта правильная пропорциональность г-на Прудона действительно до такой степени эластична, обнаруживает готовность к стольким изменениям, сочетаниям и перестановкам, что легко может совпасть иной раз и с отношением предложения к спросу.

Приписывать «всякому товару если не фактическую, то по крайней мере юридическую способность приниматься в обмен» и ссылаться при этом на роль золота и серебра, значит не понимать этой роли. Золото и серебро имеют юридическую способность приниматься в обмен лишь потому, что они обладают фактической способностью к этому, а фактической способностью приниматься в обмен они обладают потому, что современная организация производства нуждается во всеобщем средстве обмена. Право есть лишь официальное признание факта.

Мы видели, что пример денег как практического применения стоимости, достигшей конституированного состояния, избран г-ном Прудоном лишь с целью протащить контрабандой всю его теорию обмениваемости, т. е. с целью доказать, что всякий товар, оцениваемый по издержкам производства, должен сделаться деньгами. Все это было бы прекрасно, не будь того маленького неудобства, что из всех товаров именно золото и серебро в качестве денег являются единственными товарами, не определяющимися издержками их производства; и это до такой степени верно, что в обращении они могут быть заменены бумагой. Пока соблюдается известная пропорция между потребностями обращения и количеством выпущенных денег – будь они бумажные, золотые, платиновые или медные, – не может ставиться вопрос о соблюдении пропорции между внутренней (определяемой издержками производства) и

номинальной стоимостью денег. Конечно, в международной торговле деньги, как и всякий другой товар, определяются рабочим временем. Но это происходит потому, что в международной торговле даже золото и серебро являются средством обмена лишь как продукты, а не как деньги, т. е. они теряют черты «устойчивости и аутентичности», черты предмета, наделенного «монаршей санкцией», составляющие, по мнению г-на Прудона, их специфический характер. Рикардо так хорошо понял эту истину, что, положив в основу всей своей системы стоимость, определяемую рабочим временем, и указав, что «золото и серебро, так же как и все другие товары, имеют стоимость лишь соответственно количеству труда, необходимого для производства и доставки их на рынок», он добавляет тем не менее, что стоимость денег определяется не рабочим временем, воплощенным в их веществе, а лишь законом предложения и спроса.

«Хотя бумажные деньги не имеют никакой внутренней стоимости, все же при ограничении их количества меновая стоимость их может быть так же велика, как стоимость металлических монет того же наименования или металла, содержащегося в этих монетах. В силу того же самого принципа, а именно благодаря ограничению количества денег, стертая монета может обращаться по стоимости, которую она имела бы, если бы обладала законным весом и пробой, а не по внутренней стоимости того количества чистого металла, которое она действительно содержит. Вот почему в истории британского монетного дела мы часто замечаем, что деньги никогда не обесценивались в той же самой степени, в какой они ухудшались по своим качествам. Причина этого лежит в том, что количество их никогда не увеличивалось пропорционально уменьшению их внутренней стоимости» (Рикардо, цит. соч.).

Вот что замечает Ж. Б. Сэй по поводу этих слов Рикардо:

«Этого примера, как мне кажется, должно было бы быть достаточно, чтобы убедить автора, что основанием всякой стоимости служит не количество труда, необходимого для производства данного товара, а потребность в нем, сопоставленная с его редкостью»[30 - Имеется в виду примечание Сэя к французскому изданию книги Рикардо, т. II, стр. 206–207. – 116.].

Итак, деньги, которые, по мнению Рикардо, уже не представляют собой стоимости, определяемой рабочим временем, и которые именно по этой причине берутся Ж. Б. Сэем в качестве примера, долженствующего убедить Рикардо в том, что и другие стоимости не могут определяться рабочим временем, – эти самые деньги, говорю я, которые Ж. Б. Сэй приводит как пример стоимости, определяемой исключительно предложением и спросом, оказываются, по мнению г-на Прудона, примером par excellence применения стоимости, конституированной… рабочим временем.

Чтобы покончить с этим, заметим, что если деньги не представляют собой «стоимости, конституированной» рабочим временем, то еще того меньше могут они иметь что-нибудь общее с правильной «пропорциональностью» г-на Прудона. Золото и серебро всегда способны к обмену потому, что они имеют специальную функцию служить всеобщим средством обмена, а вовсе не потому, что они имеются в количестве, пропорциональном общей сумме богатств; или, лучше сказать, они всегда пропорциональны потому, что они одни из всех товаров служат деньгами, всеобщим средством обмена, каково бы ни было их количество по отношению к общей сумме богатств.

«Находящиеся в обращении деньги никогда не могут быть в таком изобилии, чтобы оказаться излишними; ибо, уменьшая их стоимость, вы в той же самой пропорции увеличиваете их количество, а увеличивая их стоимость, вы уменьшаете их количество» (Рикардо).

«Какая путаница эта политическая экономия!» – восклицает г-н Прудон.

«Проклятое золото! – забавно восклицает» (устами г-на Прудона) «коммунист. С таким же правом можно было бы сказать: проклятая пшеница, проклятый виноград, проклятые овцы! – потому что, подобно золоту и серебру, всякая коммерческая стоимость должна прийти к своему точному и строгому определению».

Мысль о том, чтобы придать овцам и винограду свойства денег, не отличается новизной. Во Франции она принадлежит веку Людовика XIV. В эту эпоху, когда начало устанавливаться всемогущество денег, послышались жалобы на обесценение всех других товаров, и люди страстно желали наступления такого момента, когда «всякая коммерческая стоимость» могла бы прийти к своему точному и строгому

определению, сделавшись деньгами. Вот что мы находим уже у Буагильбера, одного из старейших экономистов Франции:

«Тогда деньги благодаря вторжению бесчисленных конкурентов в лице самих товаров, восстановленных в их справедливой стоимости, будут введены в свои естественные границы» («Экономисты-финансисты XVIII века», стр. 422, издание Дэра).

Как видно, первые иллюзии буржуазии являются также и последними ее иллюзиями.

В. ИЗЛИШЕК, ДОСТАВЛЯЕМЫЙ ТРУДОМ

«В политико-экономических сочинениях можно встретить следующую нелепую гипотезу: если бы удвоилась цена всех вещей… Как будто цена всех вещей не есть отношение вещей и как будто отношение, пропорция или закон могут быть удвоены!» (Прудон, т. I, стр. 81.)

Экономисты впали в это заблуждение вследствие того, что не умели применить «закон пропорциональности» и «конституированную стоимость».

К несчастью, в I томе сочинения самого г-на Прудона мы встречаемся на стр. 110 с этой же нелепой гипотезой: «если бы заработная плата испытала общее повышение, то возросла бы цена всех вещей». Кроме того, если в политико-экономических сочинениях и попадается упомянутая фраза, то там же можно найти и ее объяснение.

«Если говорят, что повышается или понижается цена всех товаров, то при этом всегда исключается тот или другой товар; исключаемым товаром оказываются обыкновенно деньги или труд» («Столичная энциклопедия, или Универсальный словарь знаний», т. VI, статья Сениора «Политическая экономия», Лондон, 1836[31 - N. W. Senior. «Political Economy». In: «Encyclopedia Metropolitana, or Universal Dictionary of Knowledge». Vol. VI, London, 1836. – 118.]. См. также относительно этого выражения: Дж. Ст. Милль, «Очерки о некоторых нерешенных вопросах политической экономии». Лондон, 1844, и Тук, «История цен» и т. д., Лондон, 1838[32 - J. St. Mill. «Essays on Some Unsettled Questions of Political Economy». London, 1844. // Th. Tooke. «A History of Prices, and of the State of the Circulation, from 1793 to 1837». Vol. I–II, London, 1838 (Т. Тук. «История цен и состояние обращения с 1793 по 1837 год». Тт. I–II, Лондон, 1838). – 118.]).

Перейдем теперь ко второму применению «конституированной стоимости» и других пропорциональностей, единственный недостаток которых заключается в том, что они мало пропорциональны, и посмотрим, не будет ли г-н Прудон в этом случае счастливее, чем в попытке объявить овец деньгами.

«Общим признанием экономистов пользуется та аксиома, что всякий труд должен оставлять некоторый излишек. Для меня это положение является универсальной и абсолютной истиной; это – необходимое следствие закона пропорциональности, который можно рассматривать как итог всей экономической науки. Но пусть извинят меня экономисты: в пределах их теории положение, что всякий труд должен оставлять некоторый излишек, не имеет смысла и не поддается никакому доказательству» (Прудон).

Чтобы доказать, что всякий труд должен оставлять некоторый излишек, г-н Прудон персонифицирует общество; он делает из него общество-лицо, общество, которое представляет собой далеко не то же самое, что общество, состоящее из лиц, потому что у него есть свои особые законы, не имеющие никакого отношения к составляющим общество лицам, и свой «собственный разум» – не обыкновенный человеческий разум, а разум, лишенный здравого смысла. Г-н Прудон упрекает экономистов в непонимании личного характера этого коллективного существа. Мы считаем не лишним противопоставить его словам следующую выдержку из сочинения одного американского экономиста, который упрекает других экономистов в совершенно противоположном:

«Юридическому лицу (the moral entity), – грамматическому существу (the grammatical being), называемому обществом, – были приписаны свойства, на самом деле существующие лишь в воображении тех, которые из слова делают вещь… Вот что

вызывало в политической экономии множество трудностей и плачевных недоразумений» (Т. Кушр. «Лекции об элементах политической экономии», Колумбия, 1826[33 - Th. Cooper. «Lectures on the Elements of Political Economy». Первое издание книги вышло в Колумбии в 1826 г.; второе, дополненное, издание – в Лондоне в 1831 году. – 118.]).

Г-н Прудон продолжает:

«По отношению к индивидам этот принцип излишка, доставляемого трудом, верен лишь потому, что он проистекает из общества, которое переносит таким путем на них благотворное действие своих собственных законов».

Хочет ли г-н Прудон этим просто сказать, что индивид, живущий в обществе, может произвести больше, чем изолированный индивид? Имеет ли он в виду излишек производства ассоциированных индивидов сравнительно с производством индивидов, не связанных между собой? Если да, то мы можем указать ему целую сотню экономистов, выражавших эту простую истину без того мистицизма, которым окружает себя г-н Прудон. Вот что говорит, например, г-н Садлер:

«Соединенный труд дает такие результаты, к каким никогда не мог бы привести труд индивидуальный. Значит, по мере того как человечество будет численно возрастать, продукты его соединенного труда будут значительно превышать ту сумму, которая получается от простого сложения чисел, соответствующих приросту населения… В настоящее время как в механических искусствах, так и в научных работах один человек может в один день сделать больше, чем изолированный индивид сделал бы за всю свою жизнь. В применении к рассматриваемому нами предмету оказывается неверной математическая аксиома, гласящая, что целое равно своим частям. Что касается труда, этой великой опоры человеческого существования (the great pillar of human existence), то можно сказать, что продукт совокупных усилий намного превышает все то, что когда-либо могли создать индивидуальные и разъединенные усилия» (Т. Садлер. «Закон народонаселения», Лондон, 1830[34 - M. Th. Sadler. «The Law of Population». Vol. I, London, 1830, p. 83, 84. – 119.]).

Возвратимся к г-ну Прудону. Излишек, доставляемый трудом, говорит он, находит свое объяснение в обществе-лице. Жизнь этого лица подчиняется таким законам, которые противоположны законам, определяющим деятельность человека как индивида; г-н Прудон хочет доказать это «фактами».

«Открытие нового приема в хозяйственной области никогда не может принести изобретателю выгоды, равной той, которую оно приносит обществу… Было замечено, что железнодорожные предприятия служат в гораздо меньшей степени источником обогащения предпринимателей, чем государства… Перевозки товаров гужевым транспортом обходятся в среднем по 18 сантимов с тонно-километра, включая сюда стоимость погрузки товаров и доставки их на склад. Было подсчитано, что при таком тарифе обычное железнодорожное предприятие не дало бы и 10 % чистой прибыли, т. е. принесло бы приблизительно столько же, сколько дает гужевое предприятие. Но допустим, что скорость перевозки по железной дороге относится к скорости гужевого транспорта, как 4 к 1; в таком случае, так как для общества время есть сама стоимость, то, при равенстве тарифа, железная дорога будет давать по сравнению с гужевым транспортом выгоду в 400 %. Между тем эта огромная, очень реальная для общества выгода далеко не реализуется в той же пропорции для владельца транспортного предприятия: доставляя обществу 400 % прибыли, он не приобретает для себя и 10 %. В самом деле, предположим для еще большей наглядности, что железная дорога подняла тариф до 25 сантимов, тогда как цена гужевого транспорта продолжает оставаться 18 сантимов; в таком случае железная дорога тотчас же лишилась бы всех заказов на перевозку грузов. Отправители и получатели все возвратились бы к старым фургонам или даже, если бы понадобилось, к телегам. Локомотив был бы покинут: общественная выгода в 400 % была бы принесена в жертву частной потере в 35 %. И понятно почему: выигрыш от быстроты перевозок по железным дорогам есть выигрыш всецело общественный; каждый индивид пользуется им лишь в самых незначительных размерах (не следует забывать, что речь идет в данный момент лишь о перевозке товаров). тогда как потеря касается потребителя прямо и лично. Общественная прибыль, равная 400, представляет для индивида – если общество состоит только из одного миллиона человек – четыре десятитысячных, тогда как понесенная потребителем потеря в 33 % предполагала бы общественный дефицит в 33 миллиона» (Прудон).

Пусть бы еще г-н Прудон выражал учетверенную скорость в виде 400 %

первоначальной скорости. Но сопоставлять проценты скорости с процентами прибыли и устанавливать пропорцию между двумя отношениями, которые – если и измеряются каждое в отдельности процентами – являются тем не менее несоизмеримыми друг с другом, это значит устанавливать пропорцию между процентами, оставляя в стороне самые вещи, к которым эти проценты относятся.

Проценты всегда остаются процентами. 10 % и 400 % соизмеримы; они относятся друг к другу, как 10 к 400. Следовательно, умозаключает г-н Прудон, 10 % прибыли стоят в 40 роз меньше учетверенной скорости. Чтобы сохранить внешнее приличие, он говорит при этом, что для общества время – деньги (time is money). Он впадает в эту ошибку потому, что смутно припоминает о каком-то отношении между стоимостью и рабочим временем и спешит уподобить рабочее время времени перевозки, т. е. он отождествляет с целым обществом нескольких кочегаров, кондукторов и проводников, рабочее время которых действительно полностью совпадает с временем перевозки. Таким образом, внезапно превратив скорость в капитал, он уже с полным основанием говорит: «Прибыль в 400 % будет принесена в жертву потере в 35 %». Установив в качестве математика это странное положение, он объясняет его нам с точки зрения экономиста.

«Общественная прибыль, равная 400, представляет для индивида – если общество состоит только из одного миллиона человек – четыре десятитысячных». Пусть будет так; но ведь дело идет не о 400, а о 400 %; прибыль же в 400 % и для индивида представляет не больше не меньше как 400 %. Каков бы ни был капитал, дивиденды всегда будут в этом случае составлять 400 %. Что же делает г-н Прудон? Он принимает проценты за капитал и, словно опасаясь, что наделанная им путаница окажется недостаточно очевидной, недостаточно «наглядной», продолжает:

«Понесенная потребителем потеря в 33 % предполагала бы общественный дефицит в 33 миллиона». Понесенная каждым из потребителей потеря в 33 % останется потерей в 33 % и для миллиона потребителей. Далее, как же г-н Прудон может хоть с каким-нибудь пониманием дела утверждать, что в случае потери, равной 33 %, общественный дефицит достигнет 33 миллионов, когда он не знает ни величины общественного капитала, ни даже размеров капитала отдельного заинтересованного лица? Таким образом, г-н Прудон не довольствуется тем, что смешивает капитал с процентами, но превосходит самого себя, отождествляя капитал, вложенный в предприятие, с числом, заинтересованных в нем лиц.

«В самом деле, предположим для еще большей наглядности» какой-нибудь определенный капитал. Общественная прибыль в 400 %, распределенная между миллионом участников, внесших по одному франку каждый, дает 4 франка дохода на человека, а не 0,0004, как утверждает г-н Прудон. Точно так же понесенная каждым из участников потеря в 33 % представляет общественный дефицит в 330000 франков, а не в 33000000 (100:33= = 1000000:330000).

Всецело занятый своей теорией общества-лица, г-н Прудон забывает произвести деление на 100. Итак, получается 330000 франков потери. Но 4 франка прибыли на человека составляют для общества прибыль в 4000000 франков. Таким образом, у общества остается 3670000 франков чистой прибыли. Это точное вычисление доказывает как раз противоположное тому, что хотел доказать г-н Прудон, а именно, что выгоды и потери общества отнюдь не стоят в обратном отношении к выгодам и потерям индивидов.

Исправив эти простые ошибки чисто арифметического характера, бросим взгляд на те следствия, к которым мы пришли бы, если бы, отвлекаясь от этих арифметических ошибок, мы решились принять для железных дорог установленное г-ном Прудоном отношение скорости к капиталу. Предположим, что вчетверо более быстрая перевозка стоит вчетверо дороже; в таком случае эта перевозка приносила бы не меньшую прибыль, чем перевозка гужевым транспортом, вчетверо более медленная и стоящая вчетверо дешевле. Значит, если перевозка гужевым транспортом обходится по 18 сантимов, то железная дорога могла бы брать по 72 сантима. Это было бы «строго математическим» следствием из предположений г-на Прудона, отвлекаясь опять-таки от его арифметических ошибок. Но вот совершенно неожиданно он заявляет нам, что если бы железная дорога стала брать даже не 72, а только 25 сантимов, то она тотчас же лишилась бы всех своих заказов на перевозку грузов. Конечно, в таком случае пришлось бы вернуться к фургонам и даже к телегам. Мы советуем только гну Прудону не забывать производить деление на сто в его «Программе прогрессивной ассоциации». Но увы! У нас нет ни малейшей надежды на то, что наш совет будет услышан, ибо г-н Прудон до такой степени очарован своим «прогрессивным»

вычислением, соответствующим «прогрессивной ассоциации», что у него вырывается напыщенное восклицание:

«Разрешением антиномии стоимости я во второй главе уже показал, что полезное открытие несравненно менее выгодно для самого изобретателя, что бы он ни делал, чем для общества; доказательство этой мысли доведено мною до строго математической точности!»

Возвратимся к фикции общества-лица, фикции, введенной с единственной целью доказать ту простую истину, что каждое новое изобретение понижает меновую стоимость продукта, давая возможность посредством того же количества труда производить большее количество товаров. Общество выигрывает, следовательно, не потому, что получает большее количество меновых стоимостей, а потому, что получает больше товаров за ту же стоимость. Что же касается изобретателя, то под влиянием конкуренции его прибыль постепенно падает до общего уровня прибыли. Доказал ли г-н Прудон это положение так, как он хотел это сделать? Нет. Это не мешает ему, однако, упрекать экономистов в том, что они оставили это положение недоказанным. Чтобы убедить его в противном, процитируем только Рикардо и Лодерделя. Рикардо – глава школы, определяющей стоимость рабочим временем; Лодердель – один из самых ярых защитников определения стоимости предложением и спросом. Но оба они доказывают одно и то же положение.

«Увеличивая непрестанно легкость производства, мы в то же время непрестанно уменьшаем стоимость некоторых из товаров, произведенных ранее, хотя этим же самым путем мы увеличиваем не только национальное богатство, но и способность производить в будущем… Как только с помощью машин или наших знаний в области естественных наук мы заставляем силы природы выполнять работу, которая прежде совершалась человеком, меновая стоимость этой работы соответственно понижается. Если мукомольная мельница приводилась в движение трудом десяти человек, а затем было открыто, что при помощи ветра или воды можно сберечь труд этих десяти человек, то стоимость муки, поскольку последняя является продуктом работы мельницы, понизилась бы с этого момента пропорционально количеству сбереженного труда, и общество стало бы богаче на всю стоимость тех вещей, которые могли бы быть произведены трудом этих десяти человек, так как фонд, предназначенный на их содержание, при этом нисколько не уменьшился бы» (Рикардо).

Со своей стороны, Лодердель говорит:

«Прибыль с капиталов получается всегда или потому, что капиталы замещают часть труда, которую человек должен был бы выполнить собственными руками, или же потому, что они выполняют такой труд, который превосходит личные силы человека и который человек не мог бы сам выполнить. Незначительность прибыли, достающейся обыкновенно владельцам машин, по сравнению с ценой труда, этими машинами замещаемого, даст, быть может, повод усомниться в правильности нашего взгляда.

Так, например, паровой насос в один день выкачивает из каменноугольной шахты больше воды, чем могли бы вынести на своих спинах триста человек, если бы даже они пользовались бадьями; и не подлежит никакому сомнению, что насос выполняет их работу с гораздо меньшими издержками. То же можно сказать и относительно всех других машин. Они выполняют по более низкой цене ту работу, которая совершалась прежде руками замещенных ими людей… Предположим, что изобретатель машины, заменяющей труд четырех человек, получил патент; так как вследствие исключительной привилегии у него не может быть иной конкуренции, кроме конкуренции, порождаемой трудом рабочих, замещенных его машиной, то ясно, что, пока длится привилегия, мерилом, определяющим цену, по которой он может продавать свои продукты, будет заработная плата этих рабочих; следовательно, чтобы обеспечить сбыт своей продукции, изобретателю надо будет требовать лишь немного меньше, чем составляет заработная плата за труд, замещенный его машиной. Но, как только кончается срок привилегии и появляются другие машины того же самого рода, они вступают в конкуренцию с его собственной. Тогда он будет регулировать свою цену на основании общего принципа, ставя ее в зависимость от изобилия машин. Прибыль на затраченный капитал… хотя она здесь и является результатом замещенного труда, регулируется в конечном счете не стоимостью этого труда, а, как и во всех других случаях, конкуренцией между владельцами капиталов; степень же такой конкуренции всегда определяется отношением между количеством предлагаемых для данной цели капиталов и спросом на них».

В конце концов оказывается, следовательно, что если в новой отрасли производства

прибыль будет выше, нежели в остальных, то всегда найдутся капиталы, которые будут устремляться в эту отрасль до тех пор, пока норма прибыли не упадет там до общего уровня.

Мы только что видели, насколько пример железных дорог неспособен пролить хоть какой-нибудь свет на фикцию общества-лица. Тем не менее г-н Прудон смело продолжает свое рассуждение:

«Коль скоро выяснена эта сторона дела, нет ничего легче, как объяснить, почему труд каждого производителя должен приносить ему излишек».

То, что за этим следует, относится к области классической древности. Это – поэтическая сказка, имеющая целью доставить отдых читателю, утомленному строгостью предшествовавших математических доказательств. Г-н Прудон дает своему обществу-лицу имя Прометей и следующим образом прославляет его подвиги:

«Сначала, выйдя из недр природы, Прометей пробуждается к жизни в бездействии, полном прелести», и т. д. и т. д. «Но вот Прометей принимается за дело, и с первого же дня, первого дня второго творения, продукт Прометея, т. е. его богатство, его благосостояние, равняется десяти. На второй день Прометей осуществляет разделение своего труда, и его продукт возрастает до ста, На третий и в каждый из следующих дней Прометей изобретает машины, открывает новые полезные свойства тел, новые силы природы… С каждым шагом его трудовой деятельности увеличивается цифра его производства, возвещая ему рост его счастья. Наконец, так как для него потреблять – значит производить, то ясно, что каждый день потребления, унося с собой лишь продукт предыдущего дня, оставляет ему излишек продукта для следующего дня».

Престранный субъект этот Прометей г-на Прудона! Он так же слаб в логике, как и в политической экономии. Пока Прометей ограничивается назидательными разговорами о том, что разделение труда, применение машин, использование сил природы и сил науки увеличивают производительные силы людей и дают излишек по сравнению с продуктом изолированного труда, – несчастье этого нового Прометея состоит лишь в том, что он является слишком поздно. Но, как только Прометей пускается в рассуждение о производстве и потреблении, он положительно делается смешным. Потреблять для него – значит производить; он на другой день потребляет то, что произвел накануне, и, таким образом, всегда имеет один рабочий день в запасе; этот запасный день и составляет его «излишек, доставляемый трудом». Но, потребляя сегодня то, что он произвел вчера, Прометей должен был в первый день, не имевший предыдущего, поработать сразу за два дня, чтобы иметь затем один рабочий день в запасе. Как мог он достичь этого излишка в первый день, когда не было ни разделения труда, ни машин, ни знакомства с другими силами природы, кроме силы огня? Таким образом, если вопрос отодвигается к «первому дню второго творения», то от этого дело не двигается вперед ни на шаг. Этот отчасти греческий, отчасти еврейский, одновременно и мистический и аллегорический способ объяснения явлений дает г-ну Прудону полное право сказать:

«Принцип, в силу которого всякий труд должен оставлять некоторый излишек, доказан мною как при помощи теории, так и посредством фактов».

Факты – это знаменитое прогрессивное вычисление; роль теории играет миф о Прометее.

«Но этот принцип, обладающий достоверностью арифметических истин, осуществлен еще далеко не для всех», – продолжает г-н Прудон. – «В то время как прогресс коллективной трудовой деятельности постоянно увеличивает продукт Каждого индивидуального рабочего дня и необходимым следствием этого увеличения должно бы быть, при сохранении прежней заработной платы, непрерывное обогащение работника, – мы видим, что одни слои общества наживаются, другие же гибнут от нищеты».

В 1770 г. население Соединенного королевства Великобритании достигало 15 миллионов, производительная же часть населения составляла 3 миллиона. Производительная сила технических усовершенствований соответствовала приблизительно еще 12 миллионам человек; следовательно, общая сумма производительных сил равнялась 15 миллионам. Таким образом, производительные силы относились к населению, как 1 к 1, производительность же технических усовершенствований относилась к производительности ручного труда, как 4 к 1.

В 1840 г. население не превышало 30 миллионов, его производительная часть равнялась 6 миллионам, тогда как производительность технических усовершенствований достигла 650 миллионов, т. е. относилась ко всему населению, как 21 к 1, к производительности же ручного труда – как 108 к 1.

Производительность рабочего дня в английском обществе увеличилась, следовательно, в течение семидесяти лет на 2700 процентов, т. е. в 1840 г. за день производилось в двадцать семь раз больше, чем в 1770 году. Согласно г-ну Прудону следовало бы поставить такой вопрос: почему английский рабочий 1840 года не сделался в двадцать семь раз богаче рабочего 1770 года? Подобного рода вопрос заранее, конечно, предполагает, что англичане могли бы произвести все эти богатства помимо тех исторических условий, при которых они были произведены, т. е. без накопления капиталов частными лицами, без современного разделения труда, без фабрики, без анархической конкуренции, без системы наемного труда, словом, без всего того, что основывается на антагонизме классов. Но именно эти-то условия и были как раз необходимы для развития производительных сил и возрастания излишка, доставляемого трудом. Следовательно, чтобы достигнуть такого развития производительных сил и получить такой излишек, доставляемый трудом, необходимо было существование классов, из которых одни наживаются, другие же гибнут от нищеты.

Но что же такое в конечном счете этот воскрешенный г-ном Прудоном Прометей? Это – общество, общественные отношения, основанные на антагонизме классов. Это – не отношения одного индивида к другому индивиду, а отношения рабочего к капиталисту, фермера к земельному собственнику и т. д. Устраните эти общественные отношения, и вы уничтожите все общество. Ваш Прометей превратится в привидение без рук и без ног, т. е. без фабрики и без разделения труда, – словом, без всего того, чем вы его с самого начала снабдили для того, чтобы он мог получать этот излишек, доставляемый трудом.

Значит, если бы в области теории было достаточно, как это делает г-н Прудон, дать уравнительную интерпретацию формулы излишка, доставляемого трудом, не принимая во внимание современных условий производства, то в области практики было бы достаточно провести среди рабочих уравиительное распределение всех приобретенных к настоящему времени богатств, ничего не изменяя в современных условиях производства. Такой дележ не обеспечил бы, конечно, каждому из его участников особенно большого благополучия.

Однако г-н Прудон вовсе не такой пессимист, как можно было бы думать. Так как для него все дело сводится к пропорциональности, то в Прометее, каким он существует в действительности, т. е. в современном обществе, он не может не усмотреть начало осуществления своей излюбленной идеи.

«Но вместе с тем прогресс богатства, т. о. пропорциональность стоимостей, везде является господствующим законом; и когда экономисты противопоставляют жалобам социальной партии прогрессирующий рост общественного благосостояния и облегчение положения даже самых несчастных классов общества, то, сами того не подозревая, они провозглашают такую истину, которая является осуждением их теорий».

Что такое в действительности коллективное богатство, общественное благосостояние? Это – богатство буржуазии, а не богатство каждого отдельного буржуа. И вот экономисты доказали лишь то, что при существующих производственных отношениях выросло и должно еще более расти богатство буржуазии. Что же касается рабочего класса, то большой еще вопрос – улучшилось ли его положение в результате увеличения так называемого общественного богатства. Когда в защиту своего оптимизма экономисты ссылаются на пример английских рабочих, занятых в хлопчатобумажной промышленности, то они рассматривают их положение лишь в редкие моменты процветания торговли. К периодам кризиса и застоя такие моменты процветания находятся в «правильно-пропорциональном» отношении 3 к 10. Или, быть может, экономисты, говоря об улучшении положения рабочих, имеют в виду те миллионы рабочих, которые должны были погибнуть в Ост-Индии, чтобы доставить 1

/

миллионам занятых в той же отрасли производства английских рабочих 3 года

процветания из 10 лет?

Что касается временного участия в росте общественного богатства, то это – вопрос другой. Факт этого временного участия объясняется теорией экономистов. Он является подтверждением этой теории, а отнюдь не «осуждением» ее, как уверяет г-н Прудон. Если что-нибудь и подлежит осуждению, то это, конечно, система г-на Прудона, которая, как мы показали, обрекла бы рабочих на минимум заработной платы, несмотря на рост богатства. Только обрекая их на минимум заработной платы, Прудон мог бы применить здесь принцип правильной пропорциональности стоимостей, принцип «стоимости, конституированной» рабочим временем. Именно потому, что вследствие конкуренции заработная плата колеблется, то поднимаясь выше, то опускаясь ниже цены жизненных средств, необходимых для существования рабочего, этот последний может в некоторой, хотя бы самой ничтожной, степени воспользоваться ростом общественного богатства; но именно поэтому он может также и погибнуть от нищеты. В этом и состоит вся теория экономистов, которые не строят себе иллюзий на этот счет. После долгих отступлений по вопросу о железных дорогах, о Прометее и о новом обществе, которое нужно переконституировать на основе «конституированной стоимости», г-н Прудон впадает в благоговейно-сосредоточенное настроение; им овладевает волнение, и он восклицает отеческим тоном:

«Я заклинаю экономистов хотя бы на миг спросить себя, отрешившись в глубине души от смущающих их предрассудков, от забот о занимаемых или ожидаемых ими должностях, об интересах, которым они служат, о голосах одобрения, которых они добиваются, об отличиях, льстящих их тщеславию, – спросить себя и сказать: представлялся ли им до сих пор принцип, в силу которого всякий труд должен оставлять некоторый излишек, в свете этой цепи предпосылок и выводов, которую мы выявили?»

ГЛАВА ВТОРАЯ МЕТАФИЗИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

I. МЕТОД

Теперь мы в самом сердце Германии! Рассуждая о политической экономии, мы должны будем в то же самое время рассуждать о метафизике. И в этом случае мы последуем лишь за «противоречиями» г-на Прудона. Только что он заставлял нас говорить по-английски, превращаться до известной степени в англичанина. Теперь сцена меняется. Г-н Прудон переносит нас в наше дорогое отечество и заставляет нас поневоле снова превратиться в немца.

Если англичанин превращает людей в шляпы, то немец превращает шляпы в идеи. Англичанин – это Рикардо, богатый банкир и выдающийся экономист; немец – это Гегель, ординарный профессор философии в Берлинском университете.

Людовик XV, последний абсолютный монарх и представитель упадка французской монархии, имел при своей особе медика, который вместе с тем был первым экономистом Франции. Этот медик, этот экономист был провозвестником неминуемого и верного торжества французской буржуазии. Доктор Кенэ сделал из политической экономии науку; он резюмировал ее в своей знаменитой «Экономической таблице». Кроме тысячи и одного комментария, которые были написаны по поводу этой таблицы, мы имеем комментарий, автором которого был сам доктор. Это – «Анализ Экономической таблицы», сопровождаемый «семью важными замечаниями»[35 - Имеются в виду две основные экономические работы Кенэ: «Tableau economique» (1758) и «Analyse du Tableau economique» (1766). – 128.].

Г-н Прудон является вторым доктором Кенэ. Он – Кенэ метафизики политической экономии.

Но метафизика, как и вообще вся философия, резюмируется, по мнению Гегеля, в методе. Мы должны, следовательно, постараться выяснить метод г-на Прудона, по

меньшей мере столь же туманный, как и «Экономическая таблица». С этой целью мы сами сделаем семь более или менее важных замечаний. Если доктор Прудон останется недоволен нашими замечаниями, что ж, в таком случае он может принять на себя роль аббата Бодо и сам написать «разъяснение экономико-метафизического метода»[36 - Маркс намекает на работу современника Кенэ Н. Бодо «Разъяснение Экономической таблицы» («Explication du Tableau economique»), опубликованную в 1770 году. - 129.].

Замечание первое

«Мы излагаем здесь не ту историю, которая соответствует порядку времен, а ту, которая соответствует последовательности идей. Экономические фазы или категории бывают то одновременны в своих проявлениях то идут в обратном порядке… Тем не менее экономические теории имеют свою логическую последовательность и свой определенный ряд в разуме: именно этот их порядок нам и удалось, как мы надеемся, открыть» (Прудон, т. I, стр. 145 и 146).

Поистине г-н Прудон хотел нагнать страху на французов, забрасывая их этими, квазигегельянскими, фразами. Таким образом, мы имеем дело с двумя лицами: во-первых, с г-ном Прудоном, а во-вторых, с Гегелем. Чем отличается г-н Прудон от других экономистов? И какую роль играет Гегель в политической экономии г-на Прудона?

Экономисты изображают отношения буржуазного производства – разделение труда, кредит, деньги и т. д. – как застывшие, неизменные, вечные категории. Г-н Прудон, который имеет перед собой эти категории в совершенно сформировавшемся виде, хочет объяснить нам акт формирования, происхождение всех этих категорий, принципов, законов, идей, мыслей.

Экономисты объясняют нам, как совершается производство при указанных отношениях; но у них остается невыясненным, каким образом производятся сами эти отношения, т. е. то историческое движение, которое их порождает. Так как г-н Прудон берет эти отношения в качестве принципов, категорий, абстрактных мыслей, то ему остается лишь привести в порядок эти мысли, которые уже расположены в алфавитном порядке в конце любого трактата по политической экономии. Материалом для экономистов служит деятельная и подвижная человеческая жизнь; материалом для г-на Прудона служат догмы экономистов. Но раз мы упускаем из виду историческое развитие производственных отношений, для которых категории служат лишь теоретическим выражением, раз мы желаем видеть в этих категориях лишь идеи, самопроизвольные мысли, независимые) от действительных отношений, то мы волей-неволей должны искать происхождение этих мыслей в движении чистого разума.

Как порождает эти мысли чистый, вечный, безличный разум? Каким образом создает он их?

Если бы мы обладали неустрашимостью г-на Прудона по части гегельянства, то мы сказали бы, что разум различает себя в самом себе от самого себя. Что это значит? Так как безличный разум не имеет вне себя ни почвы, на которую он мог бы поставить себя, ни объекта, которому он мог бы себя противопоставить, ни субъекта, с которым он мог бы сочетаться, то он поневоле должен кувыркаться, ставя самого себя, противополагая себя самому же себе и сочетаясь с самим собой: положение, противоположение, сочетание. Говоря по-гречески, мы имеем: тезис, антитезис, синтез. Что касается читателей, незнакомых с гегельянским языком, то мы им сообщим сакраментальную формулу: утверждение, отрицание, отрицание отрицания. Вот что значит орудовать словами. Это, конечно, не кабалистика, не в обиду будь сказано г-ну Прудону, но это язык этого столь чистого разума, отделенного от индивида. Вместо обыкновенного индивида, с его обыкновенной манерой говорить и мыслить, мы имеем здесь не что иное, как эту обыкновенную манеру в чистом виде, без самого индивида.

Надо ли удивляться тому, что в последней степени абстракции, – так как мы имеем здесь дело с абстракцией, а не с анализом, – всякая вещь представляется в виде логической категории? Надо ли удивляться тому, что, устраняя мало-помалу все, составляющее индивидуальную особенность данного дома, отвлекаясь от материалов, из которых он построен, от формы, которая составляет его отличительную черту, мы получаем, в конце концов, лишь тело вообще; что, отвлекаясь от границ этого

тела, мы имеем в результате лишь пространство; что, отвлекаясь от измерений этого пространства, мы приходим, наконец, к тому, что имеем дело лишь с количеством в чистом виде, с логической категорией количества? Абстрагируя таким образом от всякого предмета все его так называемые акциденции, одушевленные или неодушевленные, человеческие или вещественные, мы имеем основание сказать, что в последней степени абстракции у нас получаются в качестве субстанции логические категории. Так, метафизики, воображающие, что, производя эти абстракции, они занимаются анализом и что, все более и более отрываясь от предметов, они приближаются к предметам и проникают вглубь вещей, – эти метафизики по-своему правы, говоря, что вещи нашего мира представляют собой всего лишь узоры, для которых канвой служат логические категории. Тем-то и отличается философ от христианина, что христианин знает лишь одно воплощение Логоса, вопреки логике; у философа же нет конца этим воплощениям. Удивительно ли после этого, что все существующее, все живущее на земле и под водой может быть сведено с помощью абстракции к логической категории, что весь реальный мир может, таким образом, потонуть в мире абстракций, в мире логических категорий?

Все существующее, все живущее на земле или под водой существует, живет лишь в силу какого-нибудь движения. Так, движение истории создает общественные отношения, движение промышленности дает нам промышленные продукты и т. д.

Как посредством абстракции мы превращаем всякую вещь в логическую категорию, точно так же стоит нам только отвлечься от всяких отличительных признаков различных родов движения, чтобы прийти к движению в абстрактном виде, к чисто формальному движению, к чисто логической формуле движения. И если в логических категориях мы видим субстанцию всех вещей, то нам не трудно вообразить, что в логической формуле движения мы нашли абсолютный метод, который не только объясняет каждую вещь, но и включает в себя движение каждой вещи.

Об этом абсолютном методе Гегель говорит следующим образом:

«Метод есть абсолютная, единственная, высшая, бесконечная сила, которой никакой объект не может оказывать сопротивление; это есть стремление разума обрести и познать самого себя в каждой вещи» («Логика», т. III[37 - G. W. F. Hegel. «Wissenschaft der Logik»,Bd. III; Werke, 2-te Aufl., Bd. V, Berlin, 1841, S. 320 (Г. В. Ф. Гегель. «Наука логики», т. III; Сочинения, 2 изд., т. V, Берлин, 1841, стр. 320). – 131.]).

Если всякая вещь сводится к логической категории, а всякое движение, всякий акт производства – к методу, то отсюда само собой следует, что всякая совокупность продуктов и производства, предметов и движения сводится к прикладной метафизике. Г-н Прудон пытается сделать для политической экономии то же, что Гегель сделал для религии, права и т. д.

Итак, что же такое этот абсолютный метод? Абстракция движения. Что такое абстракция движения? Движение в абстрактном виде. Что такое движение в абстрактном виде? Чисто логическая формула движения или движение чистого разума. В чем состоит движение чистого разума? В том, что он полагает себя, противополагает себя самому себе и сочетается с самим собой, в том, что он формулирует себя как тезис, антитезис и синтез, или еще в том, что он себя утверждает, себя отрицает и отрицает свое отрицание.

Каким образом разум делает так, что он себя утверждает или полагает в виде той или другой определенной категории? Это уж дело самого разума и его апологетов.

Но раз он достиг того, что положил себя как тезис, то этот тезис, эта мысль, противополагаясь сама себе, раздваивается на две мысли, противоречащие одна другой, – на положительное и отрицательное, на «да» и «нет». Борьба этих двух заключенных в антитезисе антагонистических элементов образует диалектическое движение. «Да» превращается в «нет», «нет» превращается в «да», «да» становится одновременно и «да» и «нет», «нет» становится одновременно и «нет» и «да». Таким путем противоположности взаимно уравновешиваются, нейтрализуют и парализуют друг друга. Слияние этих двух мыслей, противоречащих одна другой, образует новую мысль – их синтез. Эта новая мысль опять раздваивается на две противоречащие друг другу мысли, которые, в свою очередь, сливаются в новый синтез. Этот процесс рождения создает группу мыслей. Группа мыслей подчиняется тому же диалектическому движению, как и простая категория, и имеет в качестве своего антитезиса другую, противоречащую ей группу. Из этих двух групп мыслей рождается

новая группа мыслей – их синтез.

Как из диалектического движения простых категорий рождается группа, так из диалектического движения групп возникает ряд, а диалектическое движение рядов порождает всю систему в целом.

Примените этот метод к категориям политической экономии, и вы получите логику и метафизику политической экономии, или, другими словами, вы переведете всем известные экономические категории на мало известный язык, благодаря которому они получают такой вид, как будто бы они только что родились в голове, полной чистого разума: до такой степени эти категории кажутся порождающими друг друга, связанными и переплетенными одни с другими посредством одного только диалектического движения. Пусть читатель не пугается этой метафизики со всем ее нагромождением категорий, групп, рядов и систем. Несмотря на величайшее старание взобраться на вершину системы противоречий, г-н Прудон никогда не мог подняться выше двух первых ступеней: простого тезиса и антитезиса, да и сюда он добирался лишь два раза, причем из этих двух раз один раз он полетел кувырком.

К тому же мы до сих пор излагали только диалектику Гегеля. Ниже мы увидим, каким образом г-ну Прудону удалось свести ее к самым жалким размерам. Итак, по мнению Гегеля, все, что происходило, и все, что происходит еще в мире, тождественно с тем, что происходит в его собственном мышлении. Таким образом, философия истории оказывается лишь историей философии – его собственной философии. Нет более «истории, соответствующей порядку времен», существует лишь «последовательность идей в разуме». Он воображает, что строит мир посредством движения мысли; между тем как в действительности он лишь систематически перестраивает и располагает, согласно своему абсолютному методу, те мысли, которые имеются в голове у всех людей.

Замечание второе

Экономические категории представляют собой лишь теоретические выражения, абстракции общественных отношений производства. Как истинный философ, г-н Прудон понимает вещи навыворот и видит в действительных отношениях лишь воплощение тех принципов, тех категорий, которые дремали, как сообщает нам тот же г-н Прудон-философ, в недрах «безличного разума человечества».

Г-н Прудон-экономист очень хорошо понял, что люди выделывают сукно, холст, шелковые ткани в рамках определенных производственных отношений. Но он не понял того, что эти определенные общественные отношения так же произведены людьми, как и холст, лен и т. д. Общественные отношения тесно связаны с производительными силами. Приобретая новые производительные силы, люди изменяют свой способ производства, а с изменением способа производства, способа обеспечения своей жизни, – они изменяют все свои общественные отношения. Ручная мельница дает вам общество с сюзереном во главе, паровая мельница – общество с промышленным капиталистом.

Те же самые люди, которые устанавливают общественные отношения соответственно развитию их материального производства, создают также принципы, идеи и категории соответственно своим общественным отношениям.

Таким образом, эти идеи, эти категории столь же мало вечны, как и выражаемые ими отношения. Они представляют собой исторические и преходящие продукты.

Непрерывно совершается движение роста производительных сил, разрушение общественных отношений, возникновение идей, неподвижна лишь абстракция движения – «бессмертная смерть»[38 - Маркс приводит слова из следующего места поэмы Лукреция «О природе вещей» (книга III, стих 869): «mortalem vitam mors immortalis ademit» («смертную жизнь унесла бессмертная смерть»), – 133.].

Замечание третье

В каждом обществе производственные отношения образуют некоторое единое целое. Г-н Прудон рассматривает экономические отношения как соответственное количество

общественных фаз, которые порождают одна другую, вытекают одна из другой, как антитезис из тезиса, и в своей логической последовательности осуществляют безличный разум человечества.

Единственное неудобство этого метода состоит в том, что, принимаясь за рассмотрение какой-нибудь одной из этих фаз, г-н Прудон не может объяснить ее без помощи всех других общественных отношений, которых он, однако, не успел еще вызвать к жизни посредством своего диалектического движения. А когда г-н Прудон переходит затем, с помощью чистого разума, к порождению других фаз, то он обращается с этими последними, как с новорожденными детьми, забывая, что они столь же стары, как и первая фаза.

Так, чтобы конституировать стоимость, которая есть, по его мнению, основа всякого экономического развития, он не мог обойтись без разделения труда, без конкуренции и т. д. А между тем эти отношения тогда еще совсем не существовали в определенном ряду, в разуме г-на Прудона, в логической последовательности.

Тот, кто из категорий политической экономии конструирует здание некоторой идеологической системы, тем самым разъединяет различные звенья общественной системы. Он превращает различные звенья общества в соответственное число отдельных обществ, следующих одно за другим. В самом деле, каким образом одна только логическая формула движения, последовательности, времени могла бы объяснить нам общественный организм, в котором все отношения существуют одновременно и опираются одно на другое?

Замечание четвертое

Посмотрим теперь, каким видоизменениям подвергает г-н Прудон гегелевскую диалектику, применяя ее к политической экономии.

По его, г-на Прудона, мнению, всякая экономическая категория имеет две стороны: хорошую и дурную. Он рассматривает категории, как мелкий буржуа рассматривает великих исторических деятелей: Наполеон – великий человек; он сделал много добра, но он принес также много зла.

Взятые вместе, хорошая сторона и дурная сторона, польза и вред составляют, по мнению г-на Прудона, противоречие, свойственное каждой экономической категории.

Подлежащая разрешению задача гласит: сохранить хорошую сторону, устраняя дурную.

Рабство есть такая же экономическая категория, как и всякая другая. Следовательно, и оно тоже имеет две стороны.

Оставим дурную сторону рабства и займемся хорошей его стороной. Само собой разумеется, что при этом речь идет лишь о прямом рабстве, рабстве чернокожих в Суринаме, в Бразилии, в южных штатах Северной Америки.

Подобно машинам, кредиту и т. д. прямое рабство является основой буржуазной промышленности. Без рабства не было бы хлопка; без хлопка немыслима современная промышленность. Рабство придало ценность колониям, колонии создали мировую торговлю, мировая торговля есть необходимое условие крупной промышленности. Таким образом, рабство представляет собой в высшей степени важную экономическую категорию.

Без рабства Северная Америка, страна наиболее быстрого прогресса, превратилась бы в патриархальную страну. Сотрите Северную Америку с карты земного шара, – и вы получите анархию, полный упадок современной торговли и современной цивилизации. Уничтожьте рабство, – и вы сотрете Америку с карты народов[39 - Для 1847 г. это было совершенно справедливо. В то время торговля Соединенных Штатов с остальным миром ограничивалась главным образом ввозом иммигрантов и продуктов промышленности и вывозом хлопка и табака, т. е. продуктов рабского труда Юга. Северные штаты производили главным образом хлеб и мясо для рабовладельческих штатов. Отмена рабства стала возможна лишь с того времени, как Север начал производить хлеб и мясо для вывоза и наряду с этим сделался промышленной страной, а хлопковая монополия Америки встретила сильную конкуренцию со стороны Индии, Египта, Бразилии и т. д. Да и тогда следствием этой отмены было разорение

Юга, которому не удалось заменить открытое рабство негров замаскированным рабством индийских и китайских кули. – Ф. Э. (Примечание Энгельса к немецкому изданию 1885 г.)].

Так как рабство есть экономическая категория, то оно всегда входило в число общественных институтов различных народов. Современные народы сумели лишь замаскировать рабство в своих собственных странах, а в Новом Свете ввели его без всякой маскировки.

Что предпримет г-н Прудон для спасения рабства? Он поставит задачу: сохранить хорошую сторону этой экономической категории и устранить дурную.

У Гегеля нет надобности ставить задачи. У него есть лишь диалектика. Г-н Прудон заимствовал из диалектики Гегеля только язык. Диалектическое движение для самого г-на Пру-дона состоит лишь в догматическом различении хорошего и дурного.

Примем на минутку самого г-на Прудона за категорию. Рассмотрим его хорошую и его дурную сторону, его достоинства и его недостатки.

Если, сравнительно с Гегелем, он обладает тем достоинством, что он ставит задачи, оставляя за собой право разрешать их для вящего блага человечества, то он имеет также и недостаток, обнаруживая полнейшее бесплодие там, где речь идет о выведении при помощи диалектики какой-либо новой категории. Сосуществование двух взаимно-противоречащих сторон, их борьба и их слияние в новую категорию составляют сущность диалектического движения. Тот, кто ставит себе задачу устранения дурной стороны, уже одним этим сразу кладет конец диалектическому движению. Перед нами уже не категория, полагающая себя и противополагающая себя самой себе в силу своей противоречивой природы, а г-н Прудон, приходящий в движение, барахтающийся и мечущийся между двумя сторонами категории.

Попав таким образом в тупик, из которого трудно выбраться с помощью законных средств, г-н Прудон делает отчаянное усилие и одним прыжком переносится в область новой категории. Тогда-то и раскрывается перед его восхищенными очами определенный ряд в разуме.

Он берет первую попавшуюся категорию и произвольно приписывает ей свойство устранять недостатки категории, подлежащей очищению. Так, налоги устраняют, если верить гну Прудону, недостатки монополии, торговый баланс – недостатки налогов, земельная собственность – недостатки кредита.

Перебирая, таким образом, последовательно все экономические категории одну за другой и делая одну категорию противоядием по отношению к другой, г-н Прудон сочиняет с помощью этой смеси из противоречий и противоядий от противоречий два тома противоречий, которые он справедливо называет «Системой экономических противоречий».

Замечание пятое

«В абсолютном разуме все эти идеи… одинаково просты и всеобщи… Фактически мы приходим к науке лишь посредством сооружения из наших идей чего-то вроде строительных лесов. Но, взятая сама по себе, истина не зависит от этих диалектических фигур и свободна от комбинаций нашего ума» (Прудон, т. II, стр. 97).

Таким образом, неожиданно, посредством крутого поворота, секрет которого нам теперь известен, метафизика политической экономии превратилась в иллюзию! Никогда еще г-н Прудон не высказывал более справедливого мнения. Конечно, раз весь процесс диалектического движения сводится к простому приему противопоставления добра злу, к постановке задач, назначение которых заключается в устранении зла и в употреблении одной категории в качестве противоядия по отношению к другой, то категории утрачивают свое самостоятельное движение; идея «не функционирует больше»; в ней уже нет внутренней жизни.

Она уже не может ни полагать себя в виде категорий, ни разлагать себя на них. Последовательность категорий превращается в подобие строительных лесов. Диалектика уже не представляет собой движения абсолютного разума. От диалектики

ничего не остается, и на ее месте оказывается в лучшем случае чистейшая мораль.

Когда г-н Прудон говорил об определенном ряде в разуме, о логической последовательности категорий, он положительно заявил, что не намеревается излагать историю, соответствующую порядку времен, т. е., по мысли г-на Прудона, ту историческую последовательность, в которой категории проявлялись. Все совершалось тогда у него в чистом эфире разума. Все должно было вытекать из этого эфира посредством диалектики. Теперь, когда дело идет о практическом применении этой диалектики, разум изменяет ему. Диалектика г-на Прудона отрекается от диалектики Гегеля, и г-н Прудон оказывается вынужденным признать, что порядок, в котором он излагает экономические категории, не соответствует тому порядку, в котором они порождают одна другую. Экономические эволюции не являются более эволюциями самого разума.

Что же в таком случае дает нам г-н Прудон? Действительную историю, т. е., согласно пониманию г-на Прудона, последовательность, в которой категории проявлялись соответственно порядку времен? – Нет. Историю, как она совершается в самой идее? – Еще того менее. Значит, он не дает нам ни земной истории категорий, ни их священной истории! Но какую же историю он нам дает в конце концов? – Историю своих собственных противоречий. Посмотрим же, как шествуют эти противоречия и как они влекут за собой г-на Прудона.

Прежде чем приступить к этому рассмотрению, которое послужит поводом к шестому важному замечанию, мы должны сделать еще одно менее важное замечание.

Предположим вместе с г-ном Прудоном, что действительная история, история, соответствующая порядку времен, представляет собой ту историческую последовательность, в которой проявлялись идеи, категории, принципы.

Каждый принцип имел особый век для своего проявления. Так, например, принципу авторитета соответствовал XI век, принципу индивидуализма – XVIII век. Переходя от следствия к следствию, мы должны будем сказать, что не принцип принадлежал веку, а век принципу. Другими словами, не история создавала принцип, а принцип создавал историю. Но если, – чтобы спасти как принципы, так и историю, – мы спросим себя, далее, почему же данный принцип проявлялся в XI или в XVIII, а не в каком-нибудь другом веке, то мы неизбежно будем вынуждены тщательно исследовать, каковы были люди в XI веке, каковы они были в XVIII веке, каковы были в каждом из этих столетий потребности людей, их производительные силы, их способ производства, применявшееся в их производстве сырье; каковы, наконец, были те отношения человека к человеку, которые вытекали из всех этих условий существования. Разве изучать все эти вопросы не значит заниматься действительной земной историей людей каждого столетия, изображать этих людей в одно и то же время как авторов и как действующих лиц их собственной драмы? Но раз вы изображаете людей как действующих лиц и авторов их собственной истории, то вы приходите окольным путем к истинной точке отправления, потому что вы покидаете вечные принципы, от которых вы отправлялись вначале.

Что касается г-на Прудона, то он даже на том окольном пути, по которому следует идеолог, недостаточно продвинулся для того, чтобы выйти на большую дорогу истории.

Замечание шестое

Последуем за г-ном Прудоном по окольному пути.

Допустим, что экономические отношения, рассматриваемые как неизменные законы, как вечные принципы, как идеальные категории, предшествовали деятельной и подвижной жизни людей; допустим, кроме того, что эти законы, эти принципы, эти категории испокон веков дремали в недрах «безличного разума человечества». Мы уже видели, что все эти неизменные и неподвижные вечности не оставляют места для истории; самое большее, что остается, – это история в идее, т. е. история, отражающаяся в диалектическом движении чистого разума. Говоря, что в диалектическом движении идеи уже не «дифференцируют» себя, г-н Прудон уничтожает как всякую тень движения, так и всякое движение теней, с помощью которых еще можно было бы создать хоть какое-нибудь подобие истории. Вместо этого он приписывает истории свое собственное бессилие и сетует на всех и вся, до

французского языка включительно.

«Говоря, что что-нибудь появляется или что-нибудь производится, мы выражаемся не точно», – сообщает нам г-н Прудон-философ, – «в цивилизации, как и во вселенной, все существует, все действует от века… Так

же обстоит дело и со всей социальной экономией» (т. II, стр. 102).

Действенная сила противоречий, функционирующих в системе г-на Прудона и заставляющих функционировать самого г-на Прудона, так велика, что, желая объяснить историю, он оказывается вынужденным отрицать ее; желая объяснить последовательное появление общественных отношений, он отрицает, что что-либо вообще могло появиться; желая объяснить производство и все его фазы, он отрицает, что что-либо могло производиться.

Таким образом, для г-на Прудона нет больше ни истории, ни последовательности идей; а между тем продолжает существовать его книга, та самая книга, которая, по его собственному выражению, есть не что иное, как «история, соответствующая последовательности идей». Как же найти ту формулу – ибо г-н Прудон является человеком формул, – при помощи которой можно одним прыжком перепрыгнуть через все эти противоречия?

Для этого он изобрел новый разум, который не является ни абсолютным, чистым и девственным разумом, ни обыкновенным разумом деятельных и подвижных людей, живших в различные исторические эпохи; это – разум совершенно особого рода, разум общества-лица, разум того субъекта, который именуется человечеством, разум, который под пером г-на Прудона иногда выступает также в качестве «социального гения», или в качестве «всеобщего разума», или, наконец, в качестве «человеческого разума». Однако этот носящий множество имен разум всякий раз оказывается индивидуальным разумом г-на Прудона со всеми его хорошими и дурными сторонами, с его противоядиями и задачами.

«Человеческий разум не создает истины», таящейся в глубинах абсолютного вечного разума. Он может только открывать ее. Но открытые им до сих пор истины неполны, недостаточны и потому противоречивы. Следовательно, и экономические категории, представляющие собой истины, обнаруженные и раскрытые человеческим разумом, социальным гением, также неполны и носят в себе зародыш противоречия. До г-на Прудона социальный гений видел лишь антагонистические элементы и не находил синтетической формулы, хотя и элементы и формула одновременно таятся в абсолютном разуме. Поэтому экономические отношения, будучи лишь земным осуществлением этих недостаточных истин, этих неполных категорий, этих противоречивых понятий, содержат в себе самих противоречие и представляют две стороны: одну – хорошую, другую – дурную.

Найти законченную истину, понятие во всей его полноте, синтетическую формулу, которая уничтожила бы антиномию, – такова задача, которую должен разрешить социальный гений.

И еще вот почему тот же самый социальный гений в воображении г-на Прудона вынужден был переходить от одной категории к другой, не сумев до сих пор, несмотря на целую батарею своих категорий, вырвать у бога, у абсолютного разума, синтетическую формулу:

«Сначала общество» (социальный гений) «полагает некоторый первый факт, выдвигает некоторую гипотезу… истинную антиномию, антагонистические результаты которой развертываются в социальной экономия совершенно таким же порядком, как они могли бы быть выведены в уме в качестве следствий, так что промышленное движение, следуя во всем за дедукцией идей, подразделяется на два потока: поток полезных действий и поток пагубных результатов… Чтобы гармонически конституировать этот двойственный принцип и разрешить эту антиномию, общество порождает вторую антиномию, за которой вскоре следует третья, и таково будет шествие социального гения до тех пор, пока, исчерпав все свои противоречия, – а я предполагаю, хотя это и не доказано, что свойственные человечеству противоречия имеют конец, – он не возвратится одним прыжком ко всем своим прежним положениям и не разрешит всех своих задач в единой формуле» (т. I, стр. 133).

Как прежде антитезис превратился в противоядие, так теперь тезис становится гипотезой. Но теперь нас уже не может удивить эта совершаемая г-ном Прудоном

перемена терминов. Человеческий разум, который менее всего чист, так как обладает лишь неполными взглядами, на каждом шагу наталкивается на новые задачи, требующие решения. Каждый новый тезис, открываемый им в абсолютном разуме и представляющий собой отрицание первого тезиса, становится для него синтезом и довольно наивно принимается им за решение данной задачи. Так этот разум мечется в постоянно новых противоречиях, пока, очутившись у конечного пункта противоречий, он не замечает, что все эти тезисы и синтезы представляют собой не более, как противоречивые гипотезы. В состоянии полного замешательства «человеческий разум, социальный гений, возвращается одним прыжком ко всем своим прежним положениям и разрешает все свои задачи в единой формуле». Заметим мимоходом, что эта единственная формула составляет подлинное открытие г-на Прудона. Это – конституированная, стоимость.

Гипотезы создаются лишь с какой-нибудь определенной целью. Цель, которую прежде всего ставит себе говорящий устами г-на Прудона социальный гений, заключается в устранении всего дурного в каждой экономической категории, с тем чтобы в ней осталось только хорошее. Для него добро, высшее благо, истинная практическая цель сводятся к равенству. А почему социальный гений предпочитает равенство неравенству или братству, или католицизму, или какому-либо другому принципу? Ответ: «человечество лишь потому и осуществляло одну за другой столько частных гипотез, что имело в виду одну высшую гипотезу», которая именно и есть равенство. Другими словами, – потому что равенство есть идеал г-на Прудона. Он воображает, что разделение труда, кредит, фабрика, словом, все экономические отношения были изобретены лишь для того, чтобы послужить на пользу равенства, а между тем они всегда обращались в конце концов против этого последнего. Из того, что история и фикция г-на Прудона противоречат друг другу на каждом шагу, он заключает о существовании противоречия. Но если противоречие и существует, то лишь между его навязчивой идеей и действительным движением.

Отныне хорошей стороной каждого экономического отношения оказывается та, которая утверждает равенство, дурной – та, которая его отрицает и утверждает неравенство. Всякая новая категория есть гипотеза социального гения, имеющая целью устранение неравенства, порожденного предыдущей гипотезой, Словом, равенство есть изначальное намерение, мистическая тенденция, провиденциальная цель, которую социальный гений никогда не теряет из виду, вертясь в кругу экономических противоречий. Поэтому провидение есть тот локомотив, с помощью которого весь экономический багаж г-на Прудона движется гораздо лучше, чем с помощью его выдохшегося чистого разума. Наш автор посвятил провидению целую главу, следующую за главой о налогах.

Провидение, провиденциальная цель – вот то громкое слово, которым теперь пользуются для объяснения хода истории. На деле это слово не объясняет ровно ничего. Это в лучшем случае риторическая форма, один из многих способов многословного пересказывания фактов.

Известно, что благодаря развитию английской промышленности возросла стоимость земельной собственности в Шотландии. Эта промышленность открыла для шерсти новые рынки сбыта. Чтобы производить шерсть в больших количествах, нужно было превратить пахотные поля в пастбища. Чтобы совершить это превращение, нужно было концентрировать собственность. Чтобы концентрировать собственность, нужно было уничтожить мелкие хозяйства наследственных арендаторов, согнать тысячи арендаторов с их родной земли и поселить вместо них несколько пастухов, пасущих миллионы овец. Таким образом, в Шотландии земельная собственность путем следовавших друг за другом превращений привела к вытеснению людей овцами. Скажите теперь, что провиденциальной целью института земельной собственности в Шотландии было вытеснение людей овцами, – и вы получите провиденциальную историю.

Конечно, стремление к равенству свойственно нашему веку. Но говорить, что все предшествовавшие столетия с их совершенно различными потребностями, средствами производства и т. д. провиденциально действовали для осуществления равенства, говорить это – значит, прежде всего, ставить людей и средства нашего века на место людей и средств предшествовавших столетий и не признавать того исторического движения, посредством которого следовавшие друг за другом поколения преобразовывали результаты, добытые предшествовавшими им поколениями. Экономисты очень хорошо знают, что та же самая вещь, которая для одного была обработанным продуктом, другому служит только сырьем для нового производства.

Предположите вместе с г-ном Прудоном, что социальный гений произвел или, вернее, импровизировал феодалов, имея в виду провиденциальную цель превратить землепашцев в несущих ответственность и равных между собой работников, и вы сделаете подстановку целей и лиц. вполне достойную того самого провидения, которое в Шотландии учредило земельную собственность с целью доставить себе злобное удовольствие при виде того, как овцы вытесняют людей.

Но так как г-н Прудон проявляет к провидению столь нежный интерес, то мы отсылаем его к «Истории политической экономии» г-на де Вильнёва-Баржемона[40 - A. de Villeneuve-Bargemont. «Histoire de l'economie politique». Первое издание вышло в Брюсселе в 1839 году. - 142.], который тоже гоняется за провиденциальной целью. Этой целью является уже не равенство, а католицизм.

Замечание седьмое и последнее

Экономисты употребляют очень странный прием в своих рассуждениях. Для них существует только два рода институтов: одни - искусственные, другая - естественные. Феодальные институты - искусственные, буржуазные - естественные. В этом случае экономисты похожи на теологов, которые тоже устанавливают два рода религий. Всякая чужая религия является выдумкой людей, тогда как их собственная религия есть эманация бога. Говоря, что существующие отношения - отношения буржуазного производства - являются естественными, экономисты хотят этим сказать, что это именно те отношения, при которых производство богатства и развитие производительных сил совершаются сообразно законам природы. Следовательно, сами эти отношения являются не зависящими от влияния времени естественными законами. Это - вечные законы, которые должны всегда управлять обществом. Таким образом, до сих пор была история, а теперь ее более нет. До сих пор была история, потому что были феодальные институты и потому что в этих феодальных институтах мы находим производственные отношения, совершенно отличные от производственных отношений буржуазного общества, выдаваемых экономистами за естественные и потому вечные.

Феодализм тоже имел свой пролетариат - крепостное сословие, заключавшее в себе все зародыши буржуазии. Феодальное производство тоже имело два антагонистических элемента, которые тоже называют хорошей и дурной стороной феодализма, не учитывая при этом, что в конце концов дурная сторона всегда берет верх над хорошей. Именно дурная сторона, порождая борьбу, создает движение, которое образует историю. Если бы в эпоху господства феодализма экономисты, вдохновленные рыцарскими добродетелями, прекрасной гармонией между правами и обязанностями, патриархальной жизнью городов, процветанием домашней промышленности в деревнях, развитием промышленности, организованной в корпорации, гильдии и цехи, словом, если бы они, вдохновленные всем тем, что составляет хорошую сторону феодализма, поставили себе задачей устранить все то, что является теневой стороной этой картины, - крепостное состояние, привилегии, анархию, - то что бы из этого получилось? Все элементы, порождающие борьбу, были бы уничтожены, развитие буржуазии было бы пресечено в самом зародыше. Экономисты поставили бы себе нелепую задачу устранить историю.

Когда взяла верх буржуазия, то уже не было более речи ни о хорошей, ни о дурной стороне феодализма. Буржуазия вступила в обладание производительными силами, развитыми ею при господстве феодализма. Все старые экономические формы, все соответствовавшие им гражданские отношения, политический строй, служивший официальным выражением старого гражданского общества, были разбиты.

Таким образом, чтобы правильно судить о феодальном производство, нужно рассматривать его как способ производства, основанный на антагонизме. Нужно показать, как в рамках этого антагонизма создавалось богатство, как одновременно с антагонизмом классов развивались производительные силы, как один из классов, представлявший собой дурную, отрицательную сторону общества, неуклонно рос до тех пор, пока не созрели, наконец, материальные условия его освобождения. Разве это не означает, что способ производства, те отношения, в рамках которых развиваются производительные силы, менее всего являются вечными законами, а соответствуют определенному уровню развития людей и их производительных сил, и что всякое изменение производительных сил людей необходимо ведет за собой изменение в их производственных отношениях. Так как важнее всего не лишиться плодов цивилизации - приобретенных производительных сил, то надо разбить те

традиционные формы, в которых они были произведены. С этого момента прежний революционный класс становится консервативным.

Буржуазия начинает свое историческое развитие с таким пролетариатом, который, в свою очередь, является остатком пролетариата[41 - В экземпляре, подаренном Н. Утиной, пометка: «трудящегося класса». Ред.] феодальных времен. В ходе своего исторического развития буржуазия неизбежно развивает свой антагонистический характер, который вначале более или менее замаскирован, существует лишь в скрытом состоянии. По мере развития буржуазии в недрах ее развивается новый пролетариат, современный пролетариат; между классом пролетариев и классом буржуазии развертывается борьба, которая, прежде чем обе стороны со почувствовали, заметили, оценили, поняли, признали и открыто провозгласили, проявляется на первых порах лишь в частичных и кратковременных конфликтах, в отдельных актах разрушения. С другой стороны, если все члены современной буржуазии имеют один и тот же интерес, поскольку они образуют один класс, противостоящий другому классу, то интересы их противоположны, антагонистичны, поскольку они противостоят друг другу. Эта противоположность интересов вытекает из экономических условий их буржуазной жизни. Таким образом, с каждым днем становится все более и более очевидным, что характер тех производственных отношений, в рамках которых совершается движение буржуазии, отличается двойственностью, а вовсе не единством и простотой; что в рамках тех же самых отношений, в которых производится богатство, производится также и нищета; что в рамках тех же самых отношений, в которых совершается развитие производительных сил, развивается также и сила, производящая угнетение; что эти отношения создают буржуазное богатство, т. е. богатство класса буржуазии, лишь при условии непрерывного уничтожения богатства отдельных членов этого класса и образования постоянно растущего пролетариата.

Чем более обнаруживается этот антагонистический характер, тем более экономисты, эти ученые представители буржуазного производства, приходят в разлад со своей собственной теорией, и среди них образуются различные школы.

Есть экономисты-фаталисты, которые так же равнодушны в своей теории к тому, что они называют отрицательными сторонами буржуазного производства, как сами буржуа равнодушны на практике к страданиям пролетариев, с помощью которых они приобретают свои богатства. Эта фаталистическая школа имеет своих классиков и своих романтиков. Классики, как, например, Адам Смит и Рикардо, являются представителями той буржуазии, которая, находясь еще в борьбе с остатками феодального общества, стремилась лишь очистить экономические отношения от феодальных пятен, увеличить производительные силы и придать новый размах промышленности и торговле. С их точки зрения, пролетариат, принимающий участие в этой борьбе и поглощенный этой лихорадочной деятельностью, испытывает только преходящие, случайные страдания и сам воспринимает эти страдания как преходящие. Миссия таких экономистов, как Адам Смит и Рикардо, являющихся историками этого периода, состоит лишь в том, чтобы показать, каким образом богатство приобретается в рамках отношений буржуазного производства, сформулировать эти отношения в виде категорий и законов и доказать, что эти законы и категории гораздо удобнее для производства богатств, чем законы и категории феодального общества. В их глазах нищета – это лишь муки, сопровождающие всякие роды как в природе, так и в промышленности.

Романтики принадлежат нашей эпохе – эпохе, когда буржуазия находится в прямой противоположности к пролетариату, когда нищета порождается в таком же огромном изобилии, как и богатство. Тогда экономисты разыгрывают из себя пресыщенных фаталистов, с высоты своего величия бросающих презрительный взгляд на те машины в человеческом образе, трудом которых создается богатство. Они копируют все рассуждения своих предшественников, но равнодушие, бывшее у тех наивностью, у этих становится кокетством.

Затем, выступает гуманистическая школа, принимающая близко к сердцу дурную сторону современных производственных отношений. Для очистки совести она старается по возможности сгладить существующие контрасты; она искренне оплакивает бедствия пролетариев и безудержную конкуренцию между буржуа; она советует рабочим быть умеренными, хорошо работать и производить поменьше детей; она рекомендует буржуазии умерить свой пыл в области производства. Вся теория этой школы основана на бесконечных различениях между теорией и практикой, между принципами и их последствиями, между идеей и ее применением, между содержанием и формой, между сущностью и действительностью, между правом и фактом, между

хорошей и дурной стороной.

Филантропическая школа есть усовершенствованная гуманистическая школа. Она отрицает необходимость антагонизма; она хочет всех людей превратить в буржуа; она хочет осуществить теорию, поскольку эта теория отличается от практики и не содержит в себе антагонизма. Само собой разумеется, что в области теории нетрудно отвлекаться от противоречий, встречаемых в действительности на каждом шагу. Подобная теория стала бы тогда идеализированной действительностью. Таким образом, филантропы хотят сохранить категории, выражающие собой буржуазные отношения, но без того антагонизма, который составляет сущность этих категорий и от них неотделим. Филантропам кажется, что они серьезно борются против буржуазной практики, между тем как сами они буржуазны более чем кто бы то ни было.

Точно так же, как экономисты служат учеными представителями буржуазного класса, социалисты и коммунисты являются теоретиками класса пролетариев. Пока пролетариат не настолько еще развит, чтобы конституироваться как класс, пока самая борьба пролетариата с буржуазией не имеет еще, следовательно, политического характера и пока производительные силы еще не до такой степени развились в недрах самой буржуазии, чтобы можно было обнаружить материальные условия, необходимые для освобождения пролетариата и для построения нового общества, – до тех пор эти теоретики являются лишь утопистами, которые, чтобы помочь нуждам угнетенных классов, придумывают различные системы и стремятся найти некую возрождающую науку. Но по мере того как движется вперед история, а вместе с тем и яснее обрисовывается борьба пролетариата, для них становится излишним искать научную истину в своих собственных головах; им нужно только отдать себе отчет в том, что совершается перед их глазами, и стать сознательными выразителями этого. До тех пор, пока они ищут науку и только создают системы, до тех пор, пока они находятся лишь в начале борьбы, они видят в нищете только нищету, не замечая ее революционной, разрушительной стороны, которая и ниспровергнет старое общество. Но раз замечена эта сторона, наука, порожденная историческим движением и принимающая в нем участие с полным знанием дела, перестает быть доктринерской и делается революционной.

Возвратимся к г-ну Прудону.

Каждое экономическое отношение имеет свою хорошую и свою дурную сторону – это единственный пункт, в котором г-н Прудон не изменяет самому себе. Хорошая сторона выставляется, по его мнению, экономистами; дурная – изобличается социалистами. У экономистов он заимствует убеждение в необходимости вечных экономических отношений; у социалистов – ту иллюзию, в силу которой они видят в нищете только нищету. Он соглашается и с теми и с другими, пытаясь сослаться при этом на авторитет науки. Наука же сводится в его представлении к тощим размерам некоторой научной формулы; он находится в вечной погоне за формулами. Вот почему г-н Прудон воображает, что он дал критику как политической экономии, так и коммунизма; на самом деле он стоит ниже их обоих. Ниже экономистов – потому, что он как философ, обладающий магической формулой, считает себя избавленным от необходимости вдаваться в чисто экономические детали; ниже социалистов – потому, что у него не хватает ни мужества, ни проницательности для того, чтобы подняться – хотя бы только умозрительно – выше буржуазного кругозора.

Он хочет быть синтезом, но оказывается не более как совокупной ошибкой.

Он хочет парить над буржуа и пролетариями, как муж науки, но оказывается лишь мелким буржуа, постоянно колеблющимся между капиталом и трудом, между политической экономией и коммунизмом.

II. РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА И МАШИНЫ

Разделением труда открывается, согласно г-ну Прудону, ряд экономических эволюций.

Хорошая сторона разделения труда.

«Рассматриваемое в своей сущности разделение труда есть способ осуществления равенства условий и умствен ных способностей» (т. I, стр. 93).

Дурная сторона разделения труда.

«Разделение труда сделалось для нас источником нищеты» (т. I, стр. 94).

Вариант

«Труд, разделяясь сообразно свойственному ему закону, составляющему первое условие его плодотворности, приходит в конце концов к отрицанию своих целей и сам себя уничтожает» (т. I, стр. 94).

Задача, подлежащая разрешению.

Найти «новое сочетание, которое устранило бы вредные стороны разделения, сохраняя при этом его полезные действия» (т. I, стр. 97).

Разделение труда есть, согласно г-ну Прудону, вечный закон, простая и абстрактная категория. Он должен, следовательно, найти в абстракция, в идее, в слове достаточное объяснение разделения труда в различные исторические эпохи. Касты, цехи, мануфактура, крупная промышленность должны быть объяснены при помощи одного слова: разделять. Изучите сначала хорошенько смысл слова «разделять», и вам уже не нужно будет изучать те многочисленные влияния, которые в каждую эпоху придают разделению труда тот или иной определенный характер.

Конечно, сводить вещи к категориям г-на Прудона значило бы слишком уж упрощать их. Ход истории не так категоричен. Целых три столетия понадобилось Германии для того, чтобы установить первое крупное разделение труда, каковым является отделение города от деревни. По мере того как видоизменялось одно только это отношение между городом и деревней, видоизменялось и все общество. Даже если взять одну только эту сторону разделения труда, то мы имеем в одном случае античные республики, в другом случае – христианский феодализм; в одном случае – старую Англию с ее баронами, в другом случае – современную Англию с ее хлопчатобумажными лордами (cotton-lords). В XIV и XV веках, когда еще не было колоний, когда Америка еще не существовала для Европы, а с Азией сношения велись лишь через посредство Константинополя, когда Средиземное море было центром торговой деятельности, разделение труда имело совсем иную форму и иной характер, чем в XVII веке, когда испанцы, португальцы, голландцы, англичане и французы имели колонии во всех частях света. Размеры рынка, его облик придают разделению труда в различные эпохи такой облик, такой характер, вывести которые из одного слова «разделять», из идеи, из категории было бы нелегким делом.

«Все экономисты, начиная с А. Смита», – говорит г-н Прудон, – «указывали на полезные и вредные стороны закона разделения труда, но они придавали первым гораздо большее значение, чем последним, так как ото более соответствовало их оптимизму; при этом ни один из экономистов не задал себе вопроса, что представляют собой вредные стороны какого-либо закона… Каким образом один и тот же принцип, строго проведенный во всех своих последствиях, приводит к диаметрально противоположным результатам? Ни один экономист ни до, ни после А. Смита даже не заметил здесь проблемы, требующей разъяснения. Сэй доходит до признания, что в разделении труда та же самая причина, которая производит добро, порождает также и зло».

А. Смит был дальновиднее, чем думает г-н Прудон. Он очень хорошо видел, что «в действительности различие между индивидами по их природным способностям гораздо менее значительно, чем нам кажется, и эти столь различные предрасположения, отличающие, повидимому, друг от друга людей различных профессий, когда они достигли зрелого возраста, составляют не столько причину, сколько следствие разделения труда»[42 - Маркс цитирует книгу А. Смита «Исследование о природе и

причинах богатства народов» по французскому изданию: «Recherches sur la nature et les causes de la richesse des nations». T. I, Paris, 1802, p. 33–34. – 149.]. Первоначальное различие между носильщиком и философом менее значительно, чем между дворняжкой и борзой. Пропасть между ними вырыта разделением труда. Все это не мешает г-ну Прудону утверждать в другом месте, что Адам Смит даже и не подозревал о существовании вредных последствий разделения труда, и заявлять, будто Ж. Б. Сэй первый признал, «что в разделении труда та же самая причина, которая производит добро, порождает также и зло».

Но послушаем Лемонте; suum cuiquo[43 - каждому свое. Ред.].

«Г-н Ж. Б. Сэй сделал мне честь, приняв в своем превосходном трактате по политической экономии принцип, выдвинутый мной в этом фрагменте о моральном влиянии разделения труда. Несколько легкомысленное заглавие моей книги[44 - Лемонте имеет в виду свою книгу: «Raison, folie, chacun son mot; petit cours de morale mis a la portee des vieux enfants». Paris, 1801 («Разум, безумие – каждому свое слово; маленький курс морали, доступный для понимания старых детей». Париж, 1801). // Маркс цитирует работу Лемонте «Influence morale de la division du travail» («Моральное влияние разделения труда»), в которой Лемонте ссылается на вышеуказанную книгу. – 149.], без сомнения, не позволило ему сослаться на меня. Только этим я и могу объяснить молчание писателя, слишком богатого собственными мыслями, чтобы отрицать такое маленькое заимствование» (Лемонте. Полное собрание сочинений, т. I, стр. 245, Париж, 1840).

Отдадим должное Лемонте: он остроумно изобразил пагубные последствия разделения труда в том виде, в каком оно установилось в наши дни, и г-н Прудон не нашел ничего к этому прибавить. Но раз уж, по вине г-на Прудона, мы ввязались в этот спор о приоритете, то скажем еще мимоходом, что задолго до Лемонте и за семнадцать лет до Адама Смита, ученика А. Фергюсона, последний ясно изложил этот предмет в главе, специально посвященной разделению труда.

«Можно было бы даже усомниться, увеличиваются ли общие способности нации пропорционально прогрессу техники. Во многих механических искусствах… цель вполне достигается без всякого участия ума и чувства, и невежество является матерью промышленности так же, как и суеверия. Размышление и воображение подвержены ошибкам, но привычное движение руки или ноги не зависит ни от того, ни от другого. Таким образом, можно было бы сказать, что по отношению к мануфактуре наивысшее совершенство заключается в том, чтобы обходиться без участия умственных способностей, так что без всяких усилий головы мастерскую можно было бы рассматривать как машину, частями которой являются люди… Генерал может отличаться большим искусством в военном деле, тогда как все, что требуется от солдата, сводится к выполнению нескольких движений рук и ног. Первый выиграл, быть может, то, что потерял последний… В такой период, когда все функции отделены друг от друга, само искусство мышления может превратиться в отдельное ремесло» (Л. Фергюсон. «Опыт истории гражданского общества», Париж, 1783[45 - A. Ferguson. «Essai sur l'histoire de la societe civile». T. II, Paris, 1783, p. 108–110. – 149.]).

Заканчивая наш литературный экскурс, отметим, что мы положительно отрицаем, будто «все экономисты придавали полезным сторонам разделения труда гораздо большее значение, чем вредным». Достаточно назвать Сисмонди.

Итак, что касается полезных сторон разделения труда, то г-ну Прудону оставалось только перефразировать в более или менее напыщенной форме общие, всем известные фразы.

Посмотрим теперь, каким образом у Прудона из разделения труда, рассматриваемого как общий закон, как категория, как идея, выводятся связанные с ним вредные стороны. Как получается, что эта категория, этот закон заключает в себе неравное распределение труда в ущерб уравнительной системе г-на Прудона?

«В этот торжественный час разделения труда бурный ветер начинает бушевать над человечеством. Прогресс совершается не для всех равным и одинаковым образом… Он начинает с того, что охватывает небольшое число привилегированных… Это пристрастие прогресса к определенному кругу лиц, которое заставляло так долго верить в естественное и провиденциальное неравенство положений, и породило касты и создало иерархический строй всех обществ» (Прудон, т. I, стр. 94).

Разделение труда создало касты. Касты – это вредная сторона разделения труда; следовательно, вредная сторона порождена разделением труда. Quod erat demonstrandum[46 - Что и требовалось доказать. Ред.]. Если мы захотим пойти дальше и спросим, что привело разделение труда к созданию каст, иерархического строя и привилегий, то г-н Прудон ответит нам: прогресс. А что вызвало прогресс? Разграничение. Разграничением г-н Прудон называет пристрастие прогресса к определенному кругу лиц.

За философией следует история. Теперь уже не описательная и не диалектическая история, а сравнительная. Г-н Прудон проводит параллель между современным и средневековым типографским рабочим, между рабочим заводов Крезо и деревенским кузнецом, между современным писателем и средневековым писателем; он заставляет чашу весов склоняться на сторону тех, которые в большей или меньшей степени являются представителями разделения труда, сложившегося в средние века или унаследованного от средних веков. Он противопоставляет разделение труда одной исторической эпохи разделению труда другой исторической эпохи. Это ли должен был доказать г-н Прудон? Нет. Он должен был показать нам вредные стороны разделения труда вообще, разделения труда как категории. Зачем, однако, останавливаться на этой части произведения г-на Прудона, когда, как мы увидим немного дальше, он сам недвусмысленно отрекается от всех этих мнимых доводов?

«Первым следствием раздробленного труда», – продолжает г-н Прудон, – «после растления души, является удлинение рабочего дня, который растет обратно пропорционально сумме затраченных умственных сил… Но так как продолжительность рабочего дня не может превышать шестнадцати-восемнадцати часов, то с того момента, когда становится невозможным компенсировать уменьшение затраты умственных сил за счет увеличения рабочего времени, компенсация будет происходить за счет цены труда, и заработная плата будет падать… Несомненно одно, и только это одно нам и необходимо здесь отметить: всеобщая совесть не ставит на одну доску труд фабричного мастера и труд чернорабочего. Следовательно, понижение цены рабочего дня необходимо, и, таким образом, работник, душа которого была изувечена выполнением принижающей его функции, неизбежно должен понести и физические лишения от умеренности вознаграждения».

Мы не будем останавливаться на логическом достоинстве этих силлогизмов, которые Кант назвал бы отводящими в сторону паралогизмами. Вот их сущность:

Разделение труда сводит рабочего к принижающей его функции; этой принижающей функции соответствует растленная душа, а растлению души соответствует постоянно усиливающееся падение заработной платы. А чтобы доказать, что уменьшенная заработная плата вполне соответствует растленной душе, г-н Прудон, для очистки совести, утверждает, что такова воля всеобщей совести. Интересно знать, входит ли душа г-на Прудона в эту всеобщую совесть?

Машины являются для г-на Прудона «логическим антитезисом разделения труда», и, в подтверждение своей диалектики, он начинает с того, что превращает машины в фабрику.

Для того чтобы из разделения труда вывести нищету, г-н Прудон предполагал наличие современной фабрики; вслед за этим он предполагает порожденную разделением труда нищету, чтобы прийти к фабрике и иметь возможность представить ее в качестве диалектического отрицания этой нищеты. Наказав работника в нравственном отношении принижающей функцией, в физическом – умеренностью заработной платы, поставив рабочего в зависимость от фабричного мастера, низведя его труд до уровня труда чернорабочего, г-н Прудон вслед за тем снова обращается к фабрике и машинам, обвиняя их в том, что это они принижают работника путем «подчинения его хозяину», и – в довершение унижения работника – заставляет его «опуститься с положения ремесленника до положения чернорабочего». Прекрасная диалектика! И если бы он хоть на этом остановился. Но нет, ему требуется еще новая история разделения труда, на этот раз уже не для извлечения из нее противоречий, а для того, чтобы реконструировать фабрику на свой лад. Для достижения этой цели он вынужден забыть все только что сказанное им о разделении труда.

Труд организуется и разделяется различно, в зависимости от того, какими орудиями он располагает. Ручная мельница предполагает иное разделение труда, чем паровая. Начать с разделения труда вообще, чтобы затем прийти от него к одному из особых орудий производства, к машине, – это значит просто издеваться над историей.

Машина столь же мало является экономической категорией, как и бык, который тащит плуг. Машина – это только производительная сила. Современная же фабрика, основанная на употреблении машин, есть общественное отношение производства, экономическая категория.

Посмотрим теперь, как происходит дело в блестящем воображении г-на Прудона.

«В обществе беспрестанное появление все новых и новых машин является антитезисом, обратной формулой разделения труда: это протест промышленного гения против раздробленного и человекоубийственного труда. Что такое, в самом деле, машина? Это особый способ соединения различных частиц труда, отделенных друг от друга разделением труда. Каждую машину можно рассматривать как соединение многих операций… Следовательно, посредством машины будет происходить восстановление работника… Машины, являющиеся в политической экономии противоположностью разделения труда, представляют собой синтез, который в человеческом уме противополагается анализу… Разделение лишь отделяло друг от друга различные части труда, предоставляя каждому заняться той специальностью, к которой он чувствовал наибольшую склонность; фабрика группирует работников сообразно отношению каждой части к целому… Она вводит в область труда принцип власти… Но это еще не все: машина, или фабрика, принизив работника путем подчинения его хозяину, довершает его унижение, заставляя его опуститься с положения ремесленника до положения чернорабочего… Период, нами теперь переживаемый, а именно, период машин, отличается одной характерной особенностью, а именно, наемным трудом. Наемный труд появился позже разделения труда и обмена».

Сделаем г-ну Прудону одно простое замечание. Разъединение различных частей труда, предоставляющее каждому возможность заняться той специальностью, к которой он чувствует наибольшую склонность, – это разъединение, начало которого г-н Прудон относит к первым дням существования мира, существует только в современной промышленности, при господство конкуренции.

Далее г-н Прудон дает нам чрезвычайно «интересную генеалогию», имеющую целью показать, каким образом фабрика была порождена разделением труда, а наемный труд – фабрикой.

1) Он предполагает человека, который «заметил, что, разделяя производство на его различные части и предоставляя выполнение каждой из этих частей отдельному рабочему», можно умножить производительные силы.

2) Этот человек, «прослеживая нить этой идеи, говорит себе, что, образовав постоянную группу работников, подобранных для поставленной им себе специальной цели, он достигнет более регулярного производства и т. д.».

3) Этот человек делает другим людям предложение с целью заставить их усвоить его идею и проследить ее нить.

4) В самом начале промышленного процесса этот человек договаривается, как равный с равным, со своими сотоварищами, которые становятся впоследствии его рабочими.

5) «Понятно, конечно, что это первоначальное равенство должно было быстро исчезнуть ввиду выгодного положения хозяина и зависимости наемного рабочего».

Таков новый образчик исторического и описательного метода г-на Прудона.

Рассмотрим теперь с исторической и экономической точек зрения, действительно ли принцип власти введен в общество фабрикой и машиной позже разделения труда; произошла ли при этом, с одной стороны, реабилитация рабочего, хотя он, с другой стороны, и попал в подчинение чужой власти; является ли, наконец, машина воссоединением разделенного труда, его синтезом, противоположным его анализу.

Общество, как целое, имеет с внутренним устройством фабрики ту общую черту, что и в нем тоже имеется свое разделение труда. Если мы возьмем за образец разделение труда на современной фабрике, чтобы применить его затем к целому обществу, то мы найдем, что общество, наилучшим образом организованное для производства богатств, бесспорно должно было бы иметь лишь одного главного предпринимателя, распределяющего между различными членами общественного коллектива их работу по заранее установленным правилам. Но в действительности

дело обстоит совсем иначе. Тогда как внутри современной фабрики разделение труда регулируется до мелочей властью предпринимателя, современное общество для распределения труда не имеет других правил, другой власти, кроме свободной конкуренции.

При патриархальном строе, при кастовом строе, при феодальном и цеховом строе разделение труда в целом общество совершалось по определенным правилам. Были ли эти правила установлены неким законодателем? Нет. Вызванные к жизни первоначально условиями материального производства, они были возведены в законы лишь гораздо позднее. Именно таким образом эти различные формы разделения труда и легли в основу различных форм организации общества. Что же касается разделения труда внутри мастерской, то при всех указанных выше формах общества оно было очень мало развито.

Можно даже установить в качестве общего правила, что, чем менее власть руководит разделением труда внутри общества, тем сильнее развивается разделение труда внутри мастерской и тем сильнее оно там подчиняется власти одного лица. Таким образом, по отношению к разделению труда власть в мастерской и власть в обществе обратно пропорциональны друг другу.

Посмотрим теперь, что представляет собой фабрика, в которой занятия резко разделены, где труд каждого рабочего сводится к очень простой операции и где власть, т. е. капитал, группирует и направляет работы. Как возникла эта фабрика? Чтобы ответить на этот вопрос, нам следовало бы рассмотреть, как развивалась собственно мануфактурная промышленность. Я имею в виду ту промышленность, которая не превратилась еще в современную промышленность с ее машинами, но не представляет собой уже ни средневекового ремесла, ни домашней промышленности. Мы не будем входить в большие подробности, а наметим только несколько суммарных пунктов, чтобы показать, что на формулах в исторической науке далеко не уедешь.

Одним из необходимейших условий для образования мануфактурной промышленности было накопление капиталов, облегченное открытием Америки и ввозом ее драгоценных металлов.

Достаточно доказано, что следствием увеличения средств обмена было, с одной стороны, обесценение заработной платы и земельной ренты, а с другой – рост промышленных прибылей. Иными словами: в той мере, в какой пришли в упадок класс земельных собственников и класс трудящихся, феодальные сеньоры и народ, в такой же мере возвысился класс капиталистов, буржуазия.

Были еще и другие обстоятельства, одновременно с этим содействовавшие развитию мануфактурной промышленности: увеличение количества находящихся в обращении товаров с тех пор, как были установлены торговые сношения с Ост-Индией морским путем вокруг мыса Доброй Надежды, колониальная система, развитие морской торговли.

Другим условием, которое еще не было достаточно оценено в истории мануфактурной промышленности, был роспуск многочисленных свит феодальных сеньоров, в результате которого входившие в эти свиты зависимые элементы превратились в бродяг, прежде чем поступить в мастерские. Созданию мануфактурной мастерской предшествовало почти повсеместное бродяжничество в XV и XVI веках. Мастерская нашла, кроме того, сильную опору в большом числе крестьян, приток которых в города продолжался в течение целых столетий, так как превращение пашен в пастбища и успехи земледелия, уменьшившие количество необходимых для обработки земли рабочих рук, постоянно гнали крестьян из деревень.

Расширение рынка, накопление капиталов, перемены в общественном положении классов, появление множества людей, лишенных своих источников дохода, – вот исторические условия для образования мануфактуры. Не полюбовные соглашения между равными, как утверждает г-н Прудон, собрали людей в мастерские. Мануфактура возникла не в недрах старинных цехов. Главой новейшей мастерской сделался купец, а не старый цеховой мастер. Почти всюду между мануфактурой и ремеслами велась ожесточенная борьба.

Накопление и концентрация орудий производства и работников предшествовали развитию разделения труда внутри мастерской. Отличительным свойством мануфактуры было скорее соединение многих работников и многих ремесел в одном месте, в одном помещении, под командой одного капитала, а не разложение труда на его составные

части и приспособление специальных рабочих к очень простым операциям.

Полезность мануфактурной мастерской заключалась но столько в разделении труда в собственном смысле слова, сколько в том обстоятельстве, что производство велось здесь в больших размерах, что сокращались многие накладные расходы и т. д. В конце XVI и в начале XVII века голландская мануфактура была еще едва знакома с разделением труда.

Развитие разделения труда предполагает соединение работников в одной мастерской. Ни в XVI, ни в XVII веке мы не встречаем даже ни одного примера такого развития отделенных друг от друга отраслей одного и того же ремесла, при котором достаточно было бы соединить их в одном месте, чтобы получилась совершенно готовая мануфактурная мастерская. Но коль скоро люди и орудия производства были соединены в одном месте, разделение труда в том виде, в каком оно существовало при цеховом строе, неизбежно воспроизводилось и находило свое отражение внутри мастерской.

Для г-на Прудона, который, если и видит вещи, то видит их навыворот, разделение труда в понимании Адама Смита предшествует мануфактурной мастерской, между тем как на деле такая мастерская является условием существования разделения труда.

Машины, в собственном смысле слова, появляются лишь в конце XVIII века. Нет ничего нелепее, как видеть в них антитезис разделения труда, синтез, восстанавливающий единство раздробленного труда.

Машина есть соединение орудий труда, а вовсе не комбинация работ для самого рабочего.

«Когда каждая отдельная операция сведена разделением труда к употреблению одного простого инструмента, тогда соединение всех этих инструментов, приводимых в действие одним двигателем, образует машину» (Баббедж. «Трактат об экономической природе машин» и т. д., Париж, 1833[47 - Ch. Babbage. «Traite sur l'economie des machines et des manufactures)). Paris, 1833, p. 230 (Ч. Баббедж. «Трактат об экономической природе машин и фабрик». Париж, 1833, стр. 230). – 156.]).

Простые орудия, накопление орудий, сложные орудия; приведение в действие сложного орудия одним двигателем – руками человека, приведение этих инструментов в действие силами природы; машина; система машин, имеющая один двигатель; система машин, имеющая автоматически действующий двигатель, – вот ход развития машин.

Концентрация орудий производства и разделение труда так же неотделимы друг от друга, как в области политики неразлучны концентрация государственной власти и расхождение частных интересов. Англия, при своей концентрации земель, этих орудий земледельческого труда, имеет также разделение земледельческого труда и применяет машины для обработки земли. Франция же, где орудия земледельческого труда раздроблены, где существует система парцелл, не имеет, вообще говоря, ни разделения земледельческого труда, ни применения машин в земледелии.

По мнению г-на Прудона, концентрация орудий труда есть отрицание разделения труда. В действительности мы опять-таки видим обратное. По мере того как развивается концентрация орудий, развивается также разделение труда, и vice versa[48 - наоборот. Ред.]. Вот почему за каждым крупным изобретением в области меха-пики следует усиление разделения труда, а всякое усиление разделения труда ведет, в свою очередь, к новым изобретениям в механике.

Нет надобности напоминать, что крупные успехи в разделении труда начались в Англии после изобретения машин. Так, ткачи и прядильщики были по большей части такими же крестьянами, каких мы и до сих пор встречаем в отсталых странах. Изобретение машин довершило отделение мануфактурного труда от сельскохозяйственного. Ткач и прядильщик, соединенные прежде в одной семье, были разъединены машиной.

Благодаря этой последней прядильщик может теперь жить в Англии, в то время как ткач находится в Ост-Индии. До изобретения машин промышленность данной страны занималась главным образом обработкой того сырья, которое было продуктом ее собственной почвы. Так, Англия обрабатывала шерсть, Германия – лен, Франция – шелк и лен, Ост-Индия и Левант – хлопок и т. д. Благодаря применению машин и

пара разделение труда приняло такие размеры, что крупная промышленность, оторванная от национальной почвы, зависит ужо исключительно от мирового рынка, от международного обмена и международного разделения труда. Наконец, машина оказывает такое влияние на разделение труда, что, как только в производстве какого-нибудь предмета появляется возможность изготовлять машинным способом те или иные его части, производство тотчас же разделяется на две, независимые одна от другой, отрасли.

Нужно ли говорить о провиденциальной и филантропической цели, открытой г-ном Прудоном в изобретении и первоначальном применении машин?

Когда в Англии торговля получила такое развитие, что ручной труд не мог уже удовлетворять имевшийся на рынке спрос, почувствовалась потребность в машинах. Тогда стали думать о применении науки – механики, уже вполне сложившейся в XVIII веке.

Появление фабрики отмечено такими действиями, которые меньше всего отличались филантропичностью. Плетью удерживали там детей за работой; дети сделались предметом торговли, и о доставке их заключали контракты с сиротскими домами. Все законы относительно рабочего ученичества были отменены, так как, употребляя выражение г-на Прудона, не было уже более надобности в синтетических рабочих. Наконец, начиная с 1825 г., почти все новые изобретения были результатом конфликтов между рабочими и предпринимателями, которые всеми силами старались обесценить специальную подготовку рабочих. После каждой новой сколько-нибудь значительной стачки появлялась какая-нибудь новая машина. Рабочий же столь мало видел в применении машин свою реабилитацию, или свое восстановление, как утверждает г-н Прудон, что в XVIII веке он долго оказывал сопротивление зарождавшемуся господству автоматически действующего механизма.

«Уайатт», – говорит доктор Юр, – «задолго до Аркрайта изобрел прядильные пяльцы (ряд снабженных желобками валиков)… Но главная трудность заключалась не столько в изобретении автоматически действующего механизма… Она состояла главным образом в воспитании дисциплины, необходимой для того, чтобы заставить людей отказаться от их беспорядочных привычек в работе и помочь им слиться с неизменной регулярностью движения большой автоматически действующей машины. Изобрести и провести на практике кодекс фабричной дисциплины, приноровленный к потребностям и быстроте машинной системы, – это дело, достойное Геркулеса, было благородным делом Аркрайта».

В итоге, введение машин усилило разделение труда внутри общества, упростило функции рабочего внутри мастерской, увеличило концентрацию капитала и еще больше расчленило человека.

Когда у г-на Прудона является желание быть экономистом и покинуть на минуту «развитие определенного ряда в разуме», он черпает свою эрудицию у А. Смита, писавшего в такое время, когда фабрика только еще зарождалась. Разница между разделением труда, существовавшим во времена Адама Смита, и тем разделением труда, какое мы видим в современной фабрике, действительно громадна. Для лучшего ее понимания достаточно будет процитировать несколько мест из «Философии фабрики» доктора Юра.

«Когда А. Смит писал свой бессмертный труд об основах политической экономии, система машинной промышленности едва была известна. Разделение труда справедливо казалось ему великим принципом усовершенствования мануфактуры. На примере производства булавок он показал, что рабочий, совершенствуясь благодаря выполнению одной и той же операции, становится более быстрым в работе и более дешевым. Он видел, что, сообразно этому принципу, в каждой отрасли мануфактуры выполнение некоторых операций – вроде разрезывания медной проволоки на равные части – значительно облегчается; другие же операции, как, например, отделка и прикрепление булавочных головок, остаются сравнительно более трудными; из этого он заключил, что будет совершенно естественно приспособить к каждой из этих операций одного рабочего, заработная плата которого будет соответствовать его искусству. Это приспособление и составляет сущность разделения труда. Но то, что могло служить полезным примером во времена доктора Смита, в настоящее время может лишь ввести публику в заблуждение относительно действительного принципа фабричной промышленности. В самом деле, распределение, или, вернее, приспособление работ к различным индивидуальным способностям, едва ли входит в план действий фабрики; напротив, в каждом процессе, требующем большой ловкости и

точности, рука искусного, но часто склонного к различного рода неправильностям рабочего заменяется тем или иным специальным механизмом, автоматическая работа которого так правильна, что надзор за ней может осуществлять ребенок.

Принцип фабричной системы заключается, следовательно, в вытеснении ручного труда машинным и в замене разделения труда между ремесленниками разложением процесса на его составные части. При системе ручного труда человеческий труд составлял обыкновенно наиболее дорогой элемент любого продукта; при системе машинного труда искусство ремесленника все больше и больше заменяется простым надзором за машинами.

Такова уж слабость человеческой природы, что, чем искуснее рабочий, тем он своевольнее и несговорчивее и тем менее он пригоден поэтому для механической системы, общему действию которой он может нанести значительный ущерб своими капризными выходками. Великая цель современного фабриканта заключается, следовательно, в том, чтобы, сочетая науку со своими капиталами, свести функции своих рабочих к употреблению в дело лишь одной внимательности и ловкости – способностей, которые хорошо совершенствуются в молодости, если их сосредоточивают на одном и том же предмете.

При системе градаций труда требуется многолетнее обучение, прождо чем глаза и руки рабочего достигнут искусства, необходимого для выполнения некоторых особенно трудных механических операций; а при системе, разлагающей процессы на их составные части, которые выполняются автоматически действующей машиной, эти элементарные частичные операции можно поручить рабочему, одаренному самыми обыкновенными способностями, подвергнув его лишь краткому испытанию; в случае необходимости можно даже, по воле хозяина предприятия, переводить его с одной машины на другую. Такие перемещения находятся в явном противоречии со старой рутиной, которая, разделяя труд, одному рабочему предоставляла выделывать головки булавок, другому оттачивать концы – работа, скучное однообразие которой отупляет рабочих… А при господстве принципа уравнивания, т. е. при фабричной системе, способности рабочего подвергаются лишь приятному упражнению» и т. д. «… Так как его занятие ограничивается надзором за правильно действующим механизмом, то он может изучить его в очень короткое время; когда же он переходит от обслуживания одной машины к обслуживанию другой, в его работу вносится разнообразие, и он расширяет свой кругозор размышлением об общем сочетании результатов его труда и труда его товарищей. Поэтому режим равного распределения работ не может при обычных обстоятельствах приводить к тому подавлению способностей, сужению кругозора и торможению телесного развития рабочего, которые не без основания приписывались разделению труда.

В действительности постоянной целью и тенденцией всякого усовершенствования в области машинной техники является полное устранение человеческого труда или понижение его цены путем замены труда мужчин трудом женским и детским, труда искусных ремесленников – трудом необученных рабочих… Это стремление вместо опытных квалифицированных рабочих использовать только детей с зоркими глазами и гибкими пальцами доказывает, что схоластический догмат разделения труда по различным степеням достигнутого рабочими мастерства отброшен, наконец, нашими просвещенными фабрикантами» (Эндрью Юр. «Философия фабрики, или Промышленная экономия», т. I, гл. I[49 - A. Ure. «Philosophie des manufactures, ou Economie industrielle». Bruxelles, 1836, t. I, premiere partie, chapitre I. – 159.]).

Разделение труда внутри современного общества характеризуется тем, что оно порождает специальности, обособленные профессии, а вместе с ними профессиональный идиотизм.

«Мы приходим в величайшее удивление», – говорит Лемонте, – «видя, что у древних одно и то же лицо являлось одновременно выдающимся философом, поэтом, оратором, историком, священником, правителем и полководцем. Нас пугает такое обширное поприще. Каждый отгораживает себе известное пространство и замыкается в нем. Я не знаю, увеличивается ли в результате этого раздробления общее поле деятельности, но я хорошо знаю, что человек в результате этого мельчает».

Разделение труда на фабрике характеризуется том, что труд совершенно теряет здесь характер специальности. Но как только прекращается всякое специальное развитие, начинает давать себя знать потребность в универсальности, стремление к всестороннему развитию индивида. Фабрика устраняет обособленные профессии и профессиональный идиотизм.

Г-н Прудон, не поняв даже этой единственно революционной стороны фабрики, делает шаг назад и предлагает рабочему не ограничиваться изготовлением одной двенадцатой части булавки, а изготовлять поочередно все двенадцать ее частей. Этим-де путем рабочий достиг бы полного и всестороннего знания булавки. Вот в чем заключается синтетический труд г-на Прудона. Никто не станет оспаривать, что шаг вперед и шаг назад составляют вместе тоже некое синтетическое движение.

В общем итоге г-н Прудон не пошел дальше идеала мелкого буржуа. И для осуществления этого идеала он не придумал ничего лучшего, как возвратить нас к состоянию средневекового подмастерья или, самое большее, средневекового мастера-ремесленника. Достаточно создать в своей жизни лишь один шедевр, один лишь раз почувствовать себя человеком, говорит он в одном месте своей книги. Не есть ли это – и по форме и по существу – тот самый шедевр, изготовления которого требовали ремесленные цехи средневековья?

III. КОНКУРЕНЦИЯ И МОНОПОЛИЯ

Хорошая сторона конкуренции.

«Конкуренция имеет для труда такое же существенное значение, как и разделение труда… Она необходима для наступления равенства».

Дурная сторона конкуренции.

«Ее принцип отрицает сам себя. Наиболее достоверным се следствием является гибель тех, кого она увлекает».

Общее соображение.

«Как вредные последствия конкуренции, так равно и доставляемые ею выгоды… логически вытекают из ее принципа».

Задача, подлежащая разрешению.

«Найти примиряющий принцип, который должен исходить из закона, стоящего выше самой свободы».

Вариант:

«Речь идет, следовательно, вовсе не об уничтожении конкуренции, что так же невозможно, как и уничтожение свободы; все дело в том, чтобы найти для нее равновесие

Г-н Прудон начинает с защиты вечной необходимости конкуренции против тех, которые хотят ее заменить соревнованием[50 - Против фурьеристов. – Ф. Э. (Примечание Энгельса к немецкому изданию 1885 г.)].

«Бесцельного соревнования» не бывает. «Предмет каждой страсти по необходимости аналогичен самой страсти: женщина является предметом страсти для влюбленного, власть – для честолюбца, золото – для скупца, лавровый венок – для поэта; точно так же и предметом промышленного соревнования необходимо является прибыль.

Соревнование есть не что иное, как сама конкуренция».

Конкуренция есть соревнование ради прибыли. Необходимо ли, чтобы промышленное соревнование всегда являлось соревнованием ради прибыли, т. е. конкуренцией? Г-н Прудон доказывает это простым утверждением. Мы уже видели, что утверждать, по его мнению, значит доказывать, точно так же как предполагать – значит отрицать.

Если непосредственным предметом страсти для влюбленного является женщина, то непосредственным предметом промышленного соревнования будет продукт, а не прибыль.

Конкуренция есть торговое, а не промышленное соревнование. В наше время промышленное соревнование существует лишь ради торговых целей. Бывают даже такие фазы в экономической жизни современных народов, когда всех охватывает особого рода горячка погони за прибылью, получаемой без производства. Эта периодически наступающая вновь и вновь спекулятивная горячка обнажает подлинный характер конкуренции, которая старается избежать необходимости промышленного соревнования.

Если бы вы сказали ремесленнику XIV века, что привилегии и вся феодальная организация промышленности будут уничтожены и заменены промышленным соревнованием, называемым конкуренцией, он ответил бы вам, что привилегии различных корпораций, цехов и гильдий составляют организованную конкуренцию. То же говорит и г-н Прудон, когда он утверждает, что «соревнование есть не что иное, как сама конкуренция».

«Издайте указ, в силу которого с 1 января 1847 г. всем и каждому гарантировались бы труд и заработная плата; тотчас же бурное напряжение промышленности сменится сильнейшим застоем».

Вместо предположения, утверждения и отрицания мы имеем теперь указ, издаваемый гном Прудоном с нарочитой целью доказать необходимость конкуренции, ее вечность как категории и т. д.

Если мы вообразим, что для освобождения от конкуренции нужны только указы, то мы никогда от конкуренции не освободимся. Доходить же до предложения отменить конкуренцию при сохранении заработной платы, значит предлагать создать посредством королевского декрета нечто такое, что вообще лишено смысла. Но народы развиваются не по королевскому декрету. Прежде чем прибегать к таким указам, народы должны по меньшей мере изменить снизу доверху все условия своего промышленного и политического существования, а следовательно, и весь свой образ жизни.

Г-н Прудон ответит нам со своей невозмутимой самоуверенностью, что это – гипотеза «такого изменения нашей природы, для которого нет прецедентов в истории», и что он имел бы право «устранить нас от спора», не знаем уж в силу какого указа.

Г-ну Прудону неведомо, что вся история есть не что иное, как беспрерывное изменение человеческой природы.

«Будем придерживаться фактов. Французская революция была совершена столько же ради промышленной свободы, сколько и ради политической свободы; и хотя Франция в 1789 г. – скажем это во всеуслышание – не понимала всех следствий того принципа, осуществления которого требовала, она не обманулась, однако, ни в своих желаниях, ни в своих ожиданиях. Кто попробует отрицать это, тот потеряет в моих глазах всякое право на критику: я никогда не стану спорить с противником, который в принципе допускает самопроизвольную ошибку двадцати пяти миллионов человек… Если бы конкуренция не была принципом социальной экономии, декретом судьбы, потребностью человеческой души, то почему же, «место того чтобы уничтожить корпорации, цехи и гильдии, люди не предпочли подумать об их исправлении?»

Таким образом, так как французы XVIII века уничтожили корпорации, цехи и гильдии, вместо того чтобы видоизменить их, то французы XIX века должны видоизменить конкуренцию, вместо того чтобы уничтожить ее. Так как конкуренция установилась во Франции XVIII века как следствие исторических потребностей, то она не должна быть устранена во Франции XIX века ради других исторических

потребностей. Не понимая, что установление конкуренции было связано с реальным развитием людей XVIII века, г-н Прудон превращает ее в какую-то необходимую потребность человеческой души in partibus infidelium[51 - – вне реальной действительности (буквально: «в стране неверных» – добавление к титулу католических епископов, назначавшихся на чисто номинальные должности епископов нехристианских стран). Ред.]. Во что он превратил бы для XVII века великого Кольбера?

После революции наступает современный нам порядок вещей. Г-н Прудон и здесь черпает факты, чтобы показать вечность конкуренции, доказывая, что все те отрасли производства, где, как, например, в земледелии, эта категория еще недостаточно развита, находятся в состоянии отсталости и упадка.

Разговоры о том, что некоторые отрасли производства не развились еще до конкуренции, а другие не достигли еще уровня буржуазного производства, есть простая болтовня, нисколько не доказывающая вечности конкуренции.

Вся логика г-на Прудона резюмируется в положении: конкуренция есть общественное отношение, в котором мы в настоящее время развиваем наши производительные силы. Этой истине он дает не логическое развитие, а лишь формулировки, часто весьма пространные, говоря, что конкуренция есть промышленное соревнование, современный способ быть свободным, ответственность в труде, конституирование стоимости, условие наступления равенства, принцип социальной экономии, декрет судьбы, необходимая потребность человеческой души, внушение вечной справедливости, свобода в разделении, разделение в свободе, экономическая категория.

«Конкуренция и ассоциация опираются друг на друга. Они не только не исключают одна другую, но даже не расходятся между собой. Конкуренция необходимо предполагает общую цель. Следовательно, конкуренция не есть эгоизм, и самое печальное заблуждение социализма заключается в том, что он ее рассматривал как ниспровержение общества».

Конкуренция предполагает общую цель, а это, с одной стороны, доказывает, что конкуренция есть ассоциация, а с другой, что конкуренция не есть эгоизм. А разве эгоизм не предполагает общей цели? Всякий эгоизм действует в обществе и посредством общества. Он предполагает, следовательно, общество, т. е. общие цели, общие потребности, общие средства производства и т. д. и т. д. Поэтому разве случайным является то, что конкуренция и ассоциация, о которых говорят социалисты, даже не расходятся между собой?

Социалисты прекрасно знают, что современное общество основано на конкуренции. Каким же образом могли бы они упрекать конкуренцию в ниспровержении современного общества, которое они сами хотят ниспровергнуть? И как могли бы они обвинять конкуренцию в ниспровержении будущего общества, в котором они видят, наоборот, ниспровержение самой конкуренции?

Г-н Прудон говорит далее, что конкуренция есть противоположность монополии и что, следовательно, она не может быть противоположна ассоциации.

Феодализм был с самого начала своего существования противоположен патриархальной монархии; таким образом, он не был противоположен конкуренции, еще не существовавшей в то время. Следует ли из этого, что конкуренция не противоположна феодализму?

На самом деле выражения: общество, ассоциация это такие наименования, которые можно дать всякому обществу, как феодальному обществу, так и буржуазному, которое есть ассоциация, основанная на конкуренции. Каким же образом могут существовать социалисты, которые считают возможным опровергать конкуренцию одним словом: ассоциация? И как это сам г-н Прудон может думать, что посредством одного только подведения конкуренции под понятие ассоциации он может защитить ее от социализма?

Все только что сказанное нами относится к хорошей стороне конкуренции, в том виде, как ее понимает г-н Прудон. Перейдем теперь к дурной, т. е. к отрицательной, стороне конкуренции, к ее вредным следствиям, к ее разрушительным, пагубным, зловредным свойствам.

Картина, нарисованная нам г-ном Прудоном, носит крайне мрачный характер.

Конкуренция порождает нищету, она разжигает гражданскую войну, «изменяет естественные условия земных поясов», перемешивает национальности, вносит смуту в семьи, развращает общественную совесть, «извращает понятия о правосудии, о справедливости», о морали, и, что всего хуже, она разрушает честную и свободную торговлю, не давая взамен этого даже синтетической стоимости, постоянной и честной цены. Конкуренция разочаровывает всех, не исключая самих экономистов. Она доводит дело до того, что разрушает самое себя.

После всего худого, сказанного г-ном Прудоном о конкуренции, не оказывается ли она наиболее разлагающим, наиболее разрушительным элементом для отношений буржуазного общества, для его принципов и иллюзий?

Заметим, что влияние конкуренции на буржуазные отношения становится все более и более разрушительным по мере того, как она побуждает к лихорадочному созданию новых производительных сил, т. е. материальных условий нового общества. В этом отношении, по крайней мере, дурная сторона конкуренции могла бы заключать в себе и нечто хорошее.

«Рассматриваемая с точки зрения се происхождения, конкуренция, как экономическое состояние или экономическая фаза, есть необходимый результат… теории сокращения общих издержек производства».

Для г-на Прудона кровообращение явилось бы результатом теории Гарвея.

«Монополия есть роковой предел конкуренции, которая порождает ее беспрерывным отрицанием самой себя. В этом происхождении монополии заключается уже ее оправдание… Монополия составляет естественную противоположность конкуренции… но так как конкуренция необходима, то она уже в себе заключает идею монополии, потому что монополия есть как бы оплот для каждой конкурирующей индивидуальности».

Мы радуемся вместе с г-ном Прудоном, что ему посчастливилось хоть один раз удачно применить свою формулу тезиса и антитезиса. Всем известно, что современная монополия порождается самой же конкуренцией.

Что же касается содержания, то г-н Прудон придерживается поэтических образов. Конкуренция делала «из каждого подразделения труда как бы суверенную область, в которой каждый индивид проявлял свою силу и свою независимость». Монополия есть «оплот для каждой конкурирующей индивидуальности». «Суверенная область» звучит по меньшей мере так же хорошо, как и «оплот».

Г-н Прудон говорит только о современной монополии, порожденной конкуренцией. Но всем известно, что конкуренция была порождена феодальной монополией. Следовательно, первоначально конкуренция была противоположностью монополии, а не монополия противоположностью конкуренции. Поэтому современная монополия не есть простой антитезис, а является, наоборот, настоящим синтезом.

Тезис: Феодальная монополия, предшествовавшая конкуренции.

Антитезис: Конкуренция.

Синтез: Современная монополия, которая, поскольку она предполагает господство конкуренции, представляет собой отрицание феодальной монополии и в то же время, поскольку она является монополией, отрицает конкуренцию.

Таким образом, современная монополия, буржуазная монополия, есть монополия синтетическая, отрицание отрицания, единство противоположностей. Она есть монополия в чистом, нормальном, рациональном виде. Г-н Прудон впадает в противоречие со своей собственной философией, принимая буржуазную монополию за монополию в ее грубом, упрощенном, противоречивом, судорожном состоянии. Г-н Росси, которого г-н Прудон неоднократно цитирует по вопросу о монополии, повидимому, лучше понял синтетический характер буржуазной монополия. В своем «Курсе политической экономии»[52 - P. Rossi. «Cours d'economie politique». T. I–II, Paris, 1840–1841. – 166.] он проводит различие между искусственными и естественными монополиями. Феодальные монополии, говорит он, – искусственны, т. е. произвольны; буржуазные же монополии – естественны, т. е. рациональны.

Монополия – хорошая вещь, рассуждает г-н Прудон, потому что она представляет собой экономическую категорию, эманацию «безличного разума человечества». Конкуренция тоже хорошая вещь, потому что она, в свою очередь, является экономической категорией. Но что нехорошо, так это реальность монополии и реальность конкуренции. А еще хуже то, что монополия и конкуренция пожирают друг друга. Что делать? Стараться найти синтез этих двух вечных идей, исторгнуть его из недр божества, где он хранится с незапамятных времен.

В практической жизни мы находим не только конкуренцию, монополию и их антагонизм, но также и их синтез, который есть не формула, а движение. Монополия производит конкуренцию, конкуренция производит монополию. Монополисты конкурируют между собой, конкуренты становятся монополистами. Если монополисты ограничивают взаимную конкуренцию посредством частичных ассоциаций, то усиливается конкуренция между рабочими; и чем более растет масса пролетариев по отношению к монополистам данной нации, тем разнузданнее становится конкуренция между монополистами различных наций. Синтез заключается в том, что монополия может держаться лишь благодаря тому, что она постоянно вступает в конкурентную борьбу.

Чтобы диалектически вывести налоги, которые следуют за монополией, г-н Прудон рассказывает нам о социальном гении. Этот гений бесстрашно шествует по своему зигзагообразному пути,

«… идет уверенным шагом, без раскаяния и без остановки; дойдя до угла монополии, он бросает меланхолический взгляд назад и, после глубокого размышления, облагает налогами все предметы производства и создает целую административную организацию для того, чтобы все должности были отданы пролетариату и оплачивались монополистами».

Что сказать об этом гении, совершающем натощак зигзагообразные прогулки? И что сказать об этой прогулке, не имеющей иной цели, как раздавить буржуа налогами, тогда как налоги служат именно средством сохранения за буржуазией положения господствующего класса?

Чтобы дать читателю некоторое понятие о способе обращения г-на Прудона с экономическими деталями, достаточно будет сказать, что, по его мнению, налог на потребление был установлен в целях равенства и для оказания помощи пролетариату.

Налог на потребление достиг своего полного развития лишь с утверждением господства буржуазии. В руках промышленного капитала, т. е. трезвого и бережливого богатства, которое сохраняется, воспроизводится и увеличивается путем непосредственной эксплуатации труда, налог на потребление служил средством эксплуатации легкомысленного, веселого и расточительного богатства феодальной знати, занимавшейся одним лишь потреблением. Джемс Стюарт в своем сочинении «Исследование о началах политической экономии», опубликованном за десять лет до появления книги А. Смита, очень хорошо изобразил эту первоначальную цель налога на потребление.

«В неограниченной монархии», – говорит он, – «государи относятся как бы с некоторого рода завистью к росту богатств и поэтому взимают налоги с тех, кто богатеет, – облагают производство. При конституционном же правлении налоги падают главным образом на тех, кто беднеет, – облагается потребление. Так, монархи налагают подать на промышленность… Например, подушная подать и налог на недворянское имущество пропорциональны предполагаемому богатству плательщиков. Каждый облагается соразмерно той прибыли, которую, согласно предположению, он получает. При конституционных формах правления налоги обычно взимаются с потребления. Каждый облагается соразмерно величине своих расходов»[53 - J. Steuart. «Recherche des principes de l'economie politique». T. II, Paris, 1789, p. 190–191. Первое английское издание книги вышло в Лондоне в 1767 году. – 167.].

Что касается логической последовательности появления – в разуме г-на Прудона – налогов, торгового баланса и кредита, то мы заметим только, что английская буржуазия, установив при Вильгельме Оранском свой политический режим, сразу создала новую налоговую систему, государственный кредит и систему покровительственных пошлин, как только она получила возможность свободно развивать условия своего существования.

Этих кратких замечаний совершенно достаточно, чтобы дать читателю верное представление о глубокомысленных рассуждениях г-на Прудона по вопросам о полиции или налогах, о торговом балансе, кредите, коммунизме и народонаселении. Можно поручиться, что никакая, даже самая снисходительная, критика не станет серьезно заниматься главами, посвященными этим вопросам.

IV. ЗЕМЕЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ ИЛИ ЗЕМЕЛЬНАЯ РЕНТА

В каждую историческую эпоху собственность развивалась различно и при совершенно различных общественных отношениях. Поэтому определить буржуазную собственность – это значит не что иное, как дать описание всех общественных отношений буржуазного производства.

Стремиться дать определение собственности как независимого отношения, как особой категории, как абстрактной и вечной идеи значит впадать в метафизическую или юридическую иллюзию.

Хотя г-н Прудон и делает вид, будто говорит о собственности вообще, но он рассуждает лишь о земельной собственности, о земельной ренте.

«Происхождение ренты, так же как и собственности, лежит, так сказать, за пределами экономики: оно коренится в психологических и моральных соображениях, стоящих лишь в весьма отдаленной связи с производством богатств» (т. II, стр. 269).

Таким образом, г-н Прудон признает свою неспособность понять экономические причины возникновения ренты и собственности. Он сознается, что эта неспособность принуждает его прибегать к соображениям психологического и морального порядка, которые, находясь действительно в весьма отдаленной связи с производством богатств, тесно связаны, однако, с узостью его исторического кругозора. Г-н Прудон утверждает, что в происхождении собственности есть нечто мистическое и таинственное. Но приписывать происхождению собственности таинственность, т. е. превращать в тайну отношение самого производства к распределению орудий производства, – не значит ли это, говоря языком г-на Прудона, отказываться от всяких притязаний на экономическую науку?

Г-н Прудон

«ограничивается напоминанием, что в седьмую эпоху экономической эволюции» – в эпоху кредита, – «когда действительность была вытеснена фикцией и человеческой деятельности грозила опасность потеряться в пустоте, явилась необходимость крепче привязать человека к природе, и рента была ценой этого нового договора» (т. II, стр. 265).

Человек с сорока экю предчувствовал, очевидно, появление чего-то вроде г-на Прудона: «Воля ваша, господин создатель: каждый – хозяин в своем мире, но вы никогда не уверите меня, чтобы мир, в котором мы живем, был из стекла»[54 - Вольтер. «Человек с сорока экю» («L'homme aux quarante ecus»), – 168.]. В вашем мире, где кредит был средством потеряться в пустоте, быть может, и явилась необходимость в земельной собственности, чтобы привязать человека к природе. Но в мире действительного производства, где земельная собственность всегда предшествует кредиту, horror vacui[55 - боязнь пустоты. Ред.] г-на Прудона не мог бы иметь места.

Каково бы ни было происхождение ренты, поскольку она существует, она становится предметом резкого спора между фермером и земельным собственником. Каков же конечный результат этого спора, или, другими словами, какова средняя величина ренты? Вот что говорит г-н Прудон:

«Теория Рикардо отвечает на этот вопрос. В начале общественной жизни, когда человек, новичок на земле, имел перед собой только огромные леса, когда земли было много, а промышленность только зарождалась, рента должна была равняться нулю. Еще невозделанная трудом земля была полезной вещью, а не меновой стоимостью, она была общей, но не общественной. Мало-помалу, вследствие

увеличения числа семей и прогресса земледелия, земля начала приобретать цену. Труд сообщил почве ее стоимость, и отсюда родилась рента. Каждое поле ценилось тем выше, чем больше плодов приносило оно при равном количестве труда; поэтому собственники всегда стремились присвоить себе все количество приносимых землей продуктов, за вычетом заработка фермера, т. е. за вычетом издержек производства. Таким образом, собственность неотступно следует за трудом, чтобы отнимать у него все то количество продуктов, которое превосходит действительные издержки производства. В то время как собственник исполняет мистическую обязанность и по отношению к землепашцу является представителем общественного коллектива, фермер в предначертаниях провидения есть не более как несущий ответственность работник, обязанный давать обществу отчет во всем полученном им сверх следуемого ему по праву заработка… По существу своему и по своему назначению рента является, следовательно, орудием распределяющей справедливости, одним из многочисленных средств, употребляемых экономическим гением для достижения равенства. Это – огромный кадастр, составляемый с противоположных точек зрения собственниками и фермерами – при невозможности тайного сговора между ними – ради высшей цели, причем конечным результатом такого кадастра должно быть уравнение владения землей между землепользователями и промышленниками… Нужна была вся магическая сила собственности, чтобы вырвать у землепашца излишек продукта, на который он не мог не смотреть, как на свой собственный, считая себя единственным его творцом. Рента, или, лучше сказать, земельная собственность, сокрушила земледельческий эгоизм и породила солидарность, которую не могла бы создать никакая сила, никакой раздел земель… В настоящее время, когда моральный результат собственности достигнут, остается произвести распределение ренты».

Весь этот набор громких слов сводится прежде всего к следующему: Рикардо говорит, что мера ренты определяется излишком цены земледельческих продуктов над издержками их производства, включая в эти издержки обычную прибыль и обычный процент на капитал. Г-н Прудон поступает лучше: он заставляет вмешаться в дело собственника, появляющегося как deus ex machina[56 - – буквально: «бог из машины» (в античном театре актеры, изображавшие богов, появлялись на сцене с помощью особых механизмов); в переносном смысле – неожиданно появляющееся лицо, которое спасает положение. Ред.], чтобы вырвать у землепашца весь излишек его продукта над издержками производства. Он прибегает к вмешательству собственника, чтобы объяснить собственность, к вмешательству получателя ренты, чтобы объяснить ренту. Он отвечает на вопрос тем, что повторяет подлежащую объяснению категорию с прибавлением к ней еще одного слога[57 - – Propriete (собственность) объясняется вмешательством proprietaire (собственника), rente (рента) – вмешательством rentier (получателя ренты). Ред.].

Заметим еще, что, определяя земельную ренту различием в плодородии почвы, г-н Прудон приписывает ей новое происхождение, так как, прежде чем стали ценить землю по различной степени ее плодородия, она «не была», по мнению г-на Прудона, «меновой стоимостью, а была общей». Куда же девалась прудоновская фикция ренты, порожденной необходимостью вернуть к земле человека, который готов был потеряться в бесконечной пустоте?

Освободим теперь учение Рикардо от тех провиденциальных, аллегорических и мистических фраз, в которые так старательно облек его г-н Прудон.

Рента, в рикардовском смысле, есть земельная собственность в буржуазном состоянии, т. е. феодальная собственность, подчинившаяся условиям буржуазного производства.

Мы видели, что, по учению Рикардо, цена всех предметов определяется, в последнем счете, издержками производства, включая сюда предпринимательскую прибыль; другими словами, она определяется количеством затраченного рабочего времени. В промышленном производстве цена продукта, полученного при затрате наименьшего количества труда, определяет цену всех остальных товаров того же рода, так как количество наиболее дешевых и наиболее производительных орудий производства может быть увеличено до бесконечности, а свободная конкуренция необходимо создает рыночную цену, т. е. создает одну общую цену для всех продуктов одного и того же рода.

В сельскохозяйственном же производстве цена всех продуктов одного и того же рода определяется, наоборот, ценою продукта, произведенного при затрате наибольшего количества труда. Прежде всего, здесь нельзя, как в промышленном производстве, увеличивать по желанию количество орудий производства одинаковой степени

производительности, т. е. количество земель одинаковой степени плодородия. Затем постепенный рост народонаселения приводит здесь к эксплуатации земель более низкого качества или к новым капиталовложениям в прежние участки, соответственно менее производительным, чем первоначальные капиталовложения. В том и другом случае тратится большее количество труда для получения сравнительно меньшего количества продуктов. Так как необходимость в этом увеличившемся труде создана потребностями населения, то продукт земельного участка, потребовавшего более дорогой обработки, непременно находит себе вынужденный сбыт, как и продукт земельного участка, обработка которого обходится дешевле. А так как конкуренция нивелирует рыночные цены, то продукты лучшего участка будут продаваться так же дорого, как и продукты худшего участка. Этот-то излишек в цене продуктов, собранных с лучшего участка, над издержками их производства и составляет ренту. Если бы всегда имелись под рукой земли одинаковой степени плодородия; если бы в земледелии можно было, так же как в промышленности, постоянно прибегать к менее дорогим и более производительным машинам, или если бы последующие вложения капитала в землю приносили столько же, как и первые, то цена земледельческих продуктов определялась бы себестоимостью товаров, произведенных при помощи наилучших орудий производства, как мы это видели в отношении цены промышленных продуктов. Но тогда исчезла бы и рента.

Для того чтобы теория Рикардо была вообще верна, необходимо[58 - В экземпляре, подаренном Марксом Н. Утиной, начало этой фразы было изменено следующим образом: «Для того чтобы теория Рикардо, если принять ее посылки, была вообще верна, необходимо еще». Ред.], чтобы капиталы могли свободно прилагаться к различным отраслям производства; чтобы сильно развитая конкуренция между капиталистами привела прибыль к одному уровню; чтобы фермер превратился в обыкновенного капиталистического предпринимателя, который требует на свой капитал, вложенный им в земельные участки более низкого качества[59 - В экземпляре, подаренном Н. Утиной, слова «в земельные участки более низкого качества» заменены словами: «в землю». Ред.], прибыль, равную той, которую он мог бы извлечь из своего капитала в любой отрасли промышленности; чтобы обработка земли велась по системе крупного производства; чтобы, наконец, сам земельный собственник добивался получения дохода лишь в денежной форме.

Возможно такое положение, как это имеет место в Ирландии, что рента еще не существует, хотя сдача земель в аренду достигла крайнего развития. Так как рента является избытком не только над заработной платой, но и над предпринимательской прибылью, то она не может существовать там, где доход землевладельца является просто вычетом из заработной платы.

Итак, рента не только не превращает землепользователя, фермера в простого работника и не «вырывает у землепашца излишек продукта, на который он не может не смотреть как на свой собственный», но ставит перед земельным собственником – вместо раба, крепостного, оброчного крестьянина или наемного батрака – капиталистического предпринимателя. С тех пор как земельная собственность конституировалась в качестве источника ренты, землевладелец получает в свою пользу лишь излишек сверх издержек производства, определяемых не только заработной платой, но также и предпринимательской прибылью. Следовательно, именно у землевладельца рента вырвала часть его доходов[60 - В немецком издании 1885 г. две последние фразы опущены и вместо них к предшествующим словам: «капиталистического предпринимателя» добавлено следующее предложение: «который эксплуатирует землю посредством своих наемных рабочих и платит землевладельцу в качестве арендной платы лишь излишек сверх издержек производства, включая в последние прибыль на капитал». Ред.]. Прошло много времени, прежде чем феодальный арендатор был вытеснен капиталистическим предпринимателем. В Германии, например, такое превращение началось лишь в последней трети XVIII века, и лишь в Англии эти отношения между капиталистическим предпринимателем и земельным собственником достигли своего полного развития.

Пока существовал только землепашец г-на Прудона, ренты не было. Но раз существует рента, землепашец является уже не фермером, а рабочим, землепашцем фермера. Принижение работника до роли простого рабочего, поденщика, наемного батрака, работающего на капиталистического предпринимателя; появление капиталистического предпринимателя, эксплуатирующего землю на таких же основаниях, как любую фабрику; превращение земельного собственника из маленького государя в обыкновенного ростовщика – вот различные отношения, выражаемые рентой.

Рента, в рикардовском смысле, есть превращение патриархального земледелия в коммерческое предприятие, приложение предпринимательского капитала к земле, перенесение городской буржуазии в деревню. Вместо того чтобы привязать человека к природе, рента только связала эксплуатацию земли с конкуренцией. Конституировавшись в качестве источника ренты, земельная собственность сама является уже результатом конкуренции, так как с этих пор она попадает в зависимость от рыночной стоимости земледельческих продуктов. В качество ренты земельная собственность теряет свою неподвижность и становится предметом торговли. Рента возможна лишь с того момента, когда развитие городской промышленности и возникшая в результате этого развития общественная организация заставляют земельного собственника стремиться к одной лишь коммерческой прибыли, к одному только денежному доходу от своих земледельческих продуктов и приучают его видеть в его земельной собственности всего лишь машину, чеканящую ему деньги. Рента до такой степени оторвала земельного собственника от земли, от природы, что он может даже вовсе не знать своих земельных владений, как это бывает в Англии. Что же касается фермера, капиталистического предпринимателя и сельскохозяйственного рабочего, то они не более привязаны к земле, из которой они извлекают доход, чем фабрикант и фабричный рабочий привязаны к тому хлопку или к той шерсти, которую они обрабатывают; привязанность они чувствуют лишь к цене своего хозяйства, к денежному доходу. Отсюда иеремиады реакционных партий, которые жаждут возвращения феодализма, доброй патриархальной жизни, простых нравов и великих добродетелей наших предков. Подчинение земли тем же законам, которые управляют и всякой другой промышленностью, служит и всегда будет служить предметом небескорыстных сожалений. Итак, рента, можно сказать, была той движущей силой, которая втянула идиллию в историческое движение.

Предположив буржуазное производство как необходимое условие существования ренты, Рикардо тем не менее применяет свое понятие о ренте к земельной собственности всех времен и народов. Это – общее заблуждение всех экономистов, которые выдают отношения буржуазного производства за вечные категории.

От приписываемой ренте провиденциальной цели – превращения землепашца в несущего ответственность работника – г-н Прудон переходит к уравнительному распределению ренты.

Рента образуется, как мы это только что видели, в результате равенства цен на продукты, полученные с участков земли неравного плодородия, так что гектолитр зерна, стоивший 10 франков, продается за 20 франков, если издержки производства на земле низшего качества достигают 20 франков.

Пока необходимость принуждает потребителей покупать все земледельческие продукты, доставленные на рынок, их рыночная цена определяется издержками производства наиболее дорогих продуктов. Именно это уравнивание цен, вытекающее из конкуренции, а вовсе не из различия в плодородии почвы, доставляет собственнику лучшей земли 10 франков ренты с каждого проданного его фермером гектолитра.

Предположим на минуту, что цена зерна определяется количеством рабочего времени, необходимого для его производства; тогда гектолитр зерна, собранный с земли лучшего качества, будет продаваться по 10 франков, между тем как гектолитр, собранный с земли худшего качества, будет стоить 20 франков. Если принять это допущение, то средняя рыночная цена будет 15 франков, тогда как по закону конкуренции она составляет 20 франков. Если бы средняя цена равнялась 15 франкам, то не могло бы быть ни уравнительного, ни какого-либо иного распределения ренты, так как не было бы и самой ренты. Рента потому только и существует, что гектолитр зерна, стоящий производителю 10 франков, продается за 20 франков. Г-н Прудон предполагает равенство рыночных цен при неравных издержках производства, для того чтобы прийти к уравнительному распределению продукта неравенства.

Мы понимаем, почему такие экономисты, как Милль, Шербюлье, Хильдич и др., требовали присвоения ренты государством и употребления ее для замены налогов. Это было лишь открытым выражением ненависти промышленного капиталиста к земельному собственнику, являющемуся в его глазах бесполезным и излишним в общем ходе буржуазного производства.

Но заставить сначала платить по 20 франков за гектолитр зерна, чтобы заняться затем общим распределением тех лишних 10 франков, которые были взяты с

потребителей, – этого действительно совершенно достаточно для того, чтобы социальный гений меланхолически отправился шествовать по своему зигзагообразному пути и разбил себе голову о первый попавшийся угол.

Рента становится под пером г-на Прудона

«огромным кадастром, составляемым с противоположных точек зрения собственниками и фермерами… ради высшей цели, причем конечным результатом такого кадастра должно быть уравнение владения землей между землепользователями и промышленниками».

Только в условиях современного общества тот или иной создаваемый рентой кадастр может иметь какое-нибудь практическое значение.

Но мы уже показали, что арендная плата, уплачиваемая фермером земельному собственнику, является более или менее точным выражением ренты лишь в странах, наиболее развитых в промышленном и торговом отношении. Да и тут в арендную плату включается часто процент на вложенный в землю капитал. Местоположение земельных участков, соседство городов и многие другие обстоятельства влияют на размер арендной платы и видоизменяют ренту. Этих неопровержимых доводов было бы достаточно, чтобы доказать неточность кадастра, основанного на ренте.

С другой стороны, рента не может служить и постоянным показателем степени плодородия данного участка земли, так как современное применение химии беспрестанно меняет природу почвы, а геологические знания начинают именно в настоящее время опрокидывать все старые оценки сравнительного плодородия. Лишь около двадцати лет тому назад началась разработка обширных земель в восточных графствах Англии, остававшихся до тех пор необработанными вследствие недостаточного знания взаимоотношений между гумусом и составом подпочвы.

Таким образом, история не только не дает нам в ренте готового кадастра, но постоянно изменяет и полностью опрокидывает все уже существующие кадастры.

Наконец, плодородие вовсе не в такой степени является естественным качеством почвы, как это может показаться: оно тесно связано с современными общественными отношениями. Земля может быть очень плодородной для обработки под хлеб, и тем не менее рыночные цены могут побудить земледельца превратить ее в искусственный луг и сделать, таким образом, неплодородной.

Г-н Прудон изобрел свой кадастр, не имеющий даже того значения, какое имеет обыкновенный кадастр, лишь для того, чтобы воплотить в нем провиденциально-уравнительную цель ренты.

«Рента», – продолжает г-н Прудоя, – «есть процент, который платят за никогда не уничтожающийся капитал, т. е. за землю. А так как материальный состав этого капитала не может быть увеличен, но может лишь бесконечно улучшаться в отношении способа использования, то отсюда вытекает, что, в то время как вследствие изобилия капиталов процент или прибыль от ссуды (mutuum) имеет тенденцию постоянно уменьшаться, рента стремится к постоянному увеличению благодаря усовершенствованию производства, ведущему к улучшению обработки земли… Такова рента в своей сущности» (т. II, стр. 265).

На этот раз г-н Прудон видит в ренте все признаки процента, с тем лишь отличием, что она является процентом на особого рода капитал. Этот капитал есть земля, капитал вечный, «материальный состав которого не может быть увеличен, но может лишь бесконечно улучшаться в отношении способа использования». В ходе развития цивилизации процент имеет постоянную тенденцию к понижению, рента же постоянно стремится к повышению. Процент падает в силу изобилия капиталов, рента повышается вследствие внесенных в производство усовершенствований, результатом которых являются все лучшие и лучшие способы использования земли.

Таково мнение г-на Прудона в своей сущности.

Рассмотрим прежде всего, в какой мере правомерно называть ренту процентом на капитал.

Для самого земельного собственника рента есть процент на тот капитал, который заплачен им за землю или мог бы быть выручен при ее продаже. Но, продавая или

покупая землю, он продает или покупает только ренту. Цена, которую он платит за приобретение ренты, соразмеряется с общим уровнем процента и не имеет ничего общего с самой природой ренты. Процент на капиталы, вложенные в землю, обыкновенно ниже процента на капиталы, помещенные в промышленные предприятия или в торговлю. Таким образом, если не отличать от самой ренты процента, приносимого землей ее собственнику, то окажется, что процент с земли-капитала падает еще ниже процента с других капиталов. Но речь идет не о продажной или покупной цене ренты, не об ее рыночной стоимости, не о ренте капитализированной, а о ренте самой по себе.

Арендная плата, кроме ренты в собственном смысле, может еще заключать в себе процент на капитал, вложенный в землю. В таком случае эту часть арендной платы земельный собственник получает не в качестве земельного собственника, а в качестве капиталиста. Это, однако, не та рента, в собственном смысле слова, о которой у нас должна идти речь.

Пока землей не пользуются как средством производства, она не представляет собой капитала. Количество земли-капитала может увеличиваться точно так же, как и количество всех других орудий производства. Мы ничего не прибавляем к ее материальному составу, употребляя выражение г-на Прудона, но увеличиваем количество земель, служащих орудием производства. Одним только новым вложением капиталов в участки земли, уже превращенные в средства производства, люди увеличивают землю-капитал без всякого увеличения материи земли, т. е. пространства земли. Под материей земли г-н Прудон понимает землю в ее пространственных границах. Что касается вечности, приписываемой им земле, то мы ничего не имеем против присвоения ей, как материи, этого качества. Но земля-капитал не более вечна, чем всякий другой капитал.

Золото и серебро, приносящие процент, так же прочны и вечны, как земля. Если цена золота и серебра падает, в то время как цена земли растет, то этим земля ни в коем случае не обязана своей более или менее вечной природе.

Земля-капитал есть основной капитал, но основной капитал так же изнашивается, как и оборотные капиталы. Улучшения, применяемые к земле, требуют, чтобы их воспроизводили и поддерживали; они служат лишь известное время и в этом отношении подобны всем другим улучшениям, которыми пользуются для превращения материи в средство производства. Если бы земля-капитал была вечной, то некоторые местности имели бы совсем иной вид, чем теперь; римская Кампанья, Сицилия и Палестина оставались бы во всем блеске их былого процветания.

Бывают даже такие случаи, когда земля-капитал может исчезнуть при сохранении внесенных в нее улучшений.

Во-первых, это случается каждый раз, когда рента, в собственном смысле слова, уничтожается вследствие конкуренции новых, более плодородных земель; во-вторых, улучшения, имевшие ценность в известную эпоху, теряют ее с того момента, когда развитие агрономии делает их всеобщими.

Представителем земли-капитала является не земельный собственник, а фермер. Доход, приносимый землей как капиталом, – это не рента, а процент и предпринимательская прибыль. Есть земли, которые приносят этот процент и эту прибыль, не принося ренты.

Словом, земля, поскольку она приносит процент, есть земля-капитал, но как земля-капитал она не дает ренты, но образует земельной собственности. Рента является результатом тех общественных отношений, при которых совершается эксплуатация земли. Она не может быть следствием более или менее прочной, более или менее долговечной природы земли. Рента обязана своим происхождением обществу, а не почве.

По мнению г-на Прудона, «улучшение обработки земли» – следствие «усовершенствования производства» – составляет причину постоянного возрастания ренты. Это улучшение, наоборот, заставляет ее периодически падать.

В чем состоит вообще всякое улучшение, все равно – в земледелии или промышленности? В том, чтобы производить больше с помощью того же количества труда, в том, чтобы производить столько же и даже больше с помощью меньшего количества труда. Благодаря таким улучшениям фермер избавлен от необходимости

употреблять большее количество труда для получения сравнительно меньшего продукта. Ему нет тогда надобности прибегать к обработке земель низшего качества, и его последовательные капиталовложения в одну и ту же землю остаются одинаково производительными. Таким образом, эти улучшения не только не поднимают ренту, как утверждает г-н Прудон, но составляют, наоборот, временные препятствия к ее повышению.

Английские землевладельцы XVII века настолько хорошо понимали эту истину, что боролись против успехов земледелия, опасаясь уменьшения своих доходов. (См. Петти, английского экономиста времен Карла II[61 - W. Petty. «Political arithmetick» (У. Петти. «Политическая арифметика»). В книге: W. Petty. «Several essays in political arithmetick». London, 1699 (У. Петти. «Очерки из области политической арифметики». Лондон, 1699). – 178.].)

V. СТАЧКИ И КОАЛИЦИИ РАБОЧИХ

«Всякое движение, направленное к повышению заработной платы, не может привести ни к чему иному, кроме повышения цены на хлеб, вино и т. д., т. е, к росту нужды. Ибо что такое заработная плата? Это себестоимость хлеба» и т. д., «это полная цена всех вещей. Пойдем еще дальше. Заработная плата есть пропорциональность элементов, составляющих богатство и каждый день потребляемых в целях воспроизводства массой рабочих. Поэтому удвоить заработную плату… значило бы видать каждому производителю часть, превышающую его продукт, что само по себе представляет противоречие. Если же повышение захватит лишь небольшое число отраслей производства, то оно вызовет всеобщее расстройство обмена, одним словом, рост нужды… Я утверждаю, что за стачками, вызвавшими увеличение заработной платы, не может не последовать всеобщее повышение цен; это так же верно, как дважды два – четыре» (Прудон, т. I, стр. 110 и 111).

Мы отрицаем все эти положения за исключением одного: что дважды два – четыре.

Во-первых, не может быть всеобщего повышения цен. Если цена всех предметов удваивается одновременно с удвоением заработной платы, то от этого не происходит никакого изменения цен, а изменяются лишь словесные выражения.

Во-вторых, общее повышение заработной платы никогда не может привести к более или менее общему вздорожанию товаров. В самом деле, если бы все отрасли производства употребляли одинаковое количество рабочих по отношению к своему основному капиталу, или к применяемым в этих отраслях орудиям труда, то всеобщее повышение заработной платы повело бы к всеобщему понижению прибыли, рыночная же цена товаров не потерпела бы никакого изменения.

Но так как отношение ручного труда к основному капиталу неодинаково в различных отраслях производства, то все отрасли, употребляющие сравнительно больший основной капитал и меньшее число рабочих, принуждены будут рано или поздно понизить цену своих товаров. В противном случае, если бы цена их товаров не понизилась, то их прибыль поднялась бы выше общего уровня прибылей. Ведь машины не получают заработной платы. Поэтому общее повышение заработной платы было бы менее чувствительно для отраслей производства, употребляющих сравнительно с другими больше машин и меньше рабочих. Но превышение теми или другими прибылями общего уровня, при постоянном стремлении конкуренции к их уравниванию, могло бы быть только временным. Таким образом, не считая некоторых колебаний, общее повышение заработной платы повело бы не к всеобщему повышению цен, как утверждает г-н Прудон, а к частичному их понижению, т. е. к понижению рыночной цены товаров, изготовляемых преимущественно при помощи машин.

Повышение и понижение прибыли и заработной платы выражают лишь ту пропорцию, в которой капиталисты и рабочие участвуют в продукте рабочего дня, вовсе не влияя в большинстве случаев на цену продукта. Но чтобы «стачки, вызвавшие увеличение заработной платы, вели к всеобщему повышению цен и даже к росту нужды», – это одна из тех идей, которые могут зародиться лишь в мозгу непонятого поэта.

В Англии стачки постоянно служили поводом к изобретению и применению тех или иных новых машин. Машины были, можно сказать, оружием капиталистов против

возмущений квалифицированных рабочих. Величайшее изобретение новейшей промышленности – self-acting mule[62 - сельфактор (автоматическая прядильная машина). Ред.] – вывело из строя возмутившихся прядильщиков. Даже если бы единственным результатом коалиций и стачек были направленные против них усилия изобретательской мысли в области механики, то и в этом случае коалиции и стачки оказывали бы громадное влияние на развитие промышленности.

«Я», – продолжает г-н Прудон, – «читаю в статье г-на Леона Фоше, напечатанной… в сентябре 1845 г., что с некоторого времени английские рабочие потеряли вкус к коалициям – прогресс, с которым их, конечно, можно только поздравить, – но что это улучшение морального состояния рабочих является по преимуществу следствием их экономического просвещения. «Не от фабрикантов зависит заработная плата, – воскликнул на митинге в Болтоне один прядильщик. – В периоды депрессии хозяева выполняют, так сказать, только роль кнута в руках необходимости и должны волей или неволей наносить удары. Регулирующим принципом является отношение между спросом и предложением, а над ним хозяева не властны»… В добрый час», – восклицает г-н Прудон, – «вот, наконец, хорошо выдрессированные, образцовые рабочие» и т. д., и т. д., и т. д. «Этой беды еще только недоставало Англии; но через пролив она не перейдет» (Прудон, т. I, стр. 261 и 262).

Из всех английских городов именно в Болтоне радикализм наиболее развит. Рабочие Болтона известны как самые крайние революционеры. Во время имевшей место в Англии широкой агитационной кампании за отмену хлебных законов английские фабриканты не считали возможным бороться с земельными собственниками, не выдвигая вперед рабочих. Но так как интересы рабочих не менее противоположны интересам фабрикантов, чем интересы фабрикантов интересам земельных собственников, то фабриканты, естественно, должны были терпеть поражения на митингах рабочих. Что же сделали фабриканты? Они организовали показные митинги с участием главным образом фабричных мастеров, небольшого числа преданных им рабочих и друзей торговли в собственном смысле этого слова. Когда затем настоящие рабочие пытались принять участие в этих митингах, как это было в Болтоне и Манчестере, чтобы протестовать против таких поддельных демонстраций, то им запретили вход под тем предлогом, что это – ticketmeeting. Под этим словом подразумевают митинги, на которые допускаются лишь лица, имеющие входные билеты. Между тем афиши, расклеенные на стенах, объявляли о публичных митингах. Всякий раз, когда происходили эти митинги, газеты фабрикантов давали напыщенные и подробные отчеты о произносившихся там речах. Нечего и говорить, что эти речи произносились фабричными мастерами. Лондонские газеты перепечатывали их слово в слово. Г-н Прудон имел несчастье принять фабричных мастеров за рядовых рабочих, и он им строго-настрого запрещает переплывать пролив.

Если в 1844 и 1845 г. стало меньше слышно о стачках, чем в предыдущие годы, то это потому, что 1844 и 1845 г. явились первыми годами процветания английской промышленности после 1837 года. И тем не менее ни один из тред-юнионов не распался.

Послушаем теперь болтонских фабричных мастеров. По их словам, фабриканты не имеют власти над заработной платой, потому что не от них зависит цена продукта; а цена продукта не зависит от них потому, что они не имеют власти над мировым рынком. На этом основании они давали понять, что не следует устраивать коалиций с целью вырвать у хозяев увеличение заработной платы. Г-н Прудон, наоборот, запрещает коалиция из опасения, чтобы они не привели к повышению заработной платы и не вызвали всеобщий рост нужды. Нет надобности: указывать, что в одном пункте между фабричными мастерами и г-ном Прудоном существует самое трогательное согласие: в том, что повышение заработной платы равносильно повышению цены продуктов.

Но действительно ли досада г-на Прудона вызвана опасением роста нужды? Нет. Он сердится на болтонских фабричных мастеров просто за то, что они определяют стоимость спросом и предложением и нимало не заботятся о конституированной стоимости, о стоимости, достигшей конституированного состояния, о конституировании стоимости, включая сюда постоянную обмениваемость и все остальные пропорциональности отношений и отношения пропорциональности, выступающие бок о бок с провидением.

«Стачка рабочих противозаконна; это говорит не только уголовный кодекс, но также и экономическая система и необходимость установленного порядка… Свобода каждого отдельного рабочего располагать своей личностью и своими руками может быть

терпима, но общество не может позволить рабочим прибегать посредством коалиций к насилию над монополией» (т. I, стр. 334 и 335).

Г-н Прудон хочет выдать статью французского уголовного кодекса за необходимый и всеобщий результат отношений буржуазного производства.

В Англии коалиции дозволены актом парламента, и именно экономическая система вынудила парламент утвердить такой закон. Когда в 1825 г., при министре Хаскиссоне, парламент должен был изменить законодательство, чтобы привести его в большее соответствие с порядком вещей, созданным свободной конкуренцией, он не мог не отменить всех законов, запрещавших коалиции рабочих. Чем сильнее развиваются современная промышленность и конкуренция, тем больше имеется элементов, вызывающих появление коалиций и способствующих их деятельности, а когда коалиции становятся экономическим фактом, с каждым днем приобретающим все большую устойчивость, они неизбежно вскоре же становятся и правовым фактом.

Поэтому соответствующая статья французского уголовного кодекса доказывает самое большее только то, что во время Учредительного собрания и при империи современная промышленность и конкуренция не были еще достаточно развиты[63 - Действовавшие в то время во Франции законы – так называемый закон Ле Шапелье, принятый в 1791 г. во время буржуазной революции Учредительным собранием, и уголовный кодекс, выработанный в период империи Наполеона, – запрещали рабочим под угрозой суровых наказаний создание рабочих союзов и устройство стачек. Запрещение профсоюзов во Франции было отменено только в 1884 году. – 181.].

Экономисты и социалисты[64 - То есть социалисты того времени: фурьеристы во Франции, оуэнисты в Англии. – Ф. Э. (Примечание Энгельса к немецкому изданию 1885 г.)] согласны между собой в одном-единственном пункте – в осуждении коалиций. Только они различно мотивируют свой приговор.

Экономисты говорят рабочим: Не объединяйтесь в коалиции. Объединяясь в коалиции, вы нарушаете регулярную работу промышленности, мешаете фабрикантам удовлетворять заказчиков, вносите расстройство в торговлю и ускоряете введение машин, которые, делая бесполезной часть вашего труда, принуждают вас тем самым соглашаться на еще более низкую заработную плату. К тому же ваши усилия напрасны. Ваша заработная плата всегда будет определяться отношением между спросом на рабочие руки и их предложением; возмущение против вечных законов политической экономии так же смешно, как и опасно.

Социалисты говорят рабочим: Не объединяйтесь в коалиции, так как, в конечном счете, что вы этим выиграете? Повышение заработной платы? Экономисты докажут вам с полной очевидностью, что даже в случае успеха за кратковременным выигрышем нескольких грошей последует уменьшение заработной платы уже навсегда. Искусные калькуляторы докажут вам, что потребовались бы многие годы, чтобы увеличение заработной платы могло возместить вам хотя бы те издержки, которые были необходимы для организации и поддержки коалиций. Мы же, в качестве социалистов, скажем вам, что даже независимо от этого денежного вопроса вы и при коалициях не станете в меньшей степени рабочими, а хозяева всегда останутся хозяевами в будущем, как были ими в прошлом. Итак, никаких коалиций, никакой политики, ибо устраивать коалиции не значит ли это заниматься политикой?

Экономисты хотят, чтобы рабочие оставались в обществе, каким оно сложилось к настоящему времени и каким оно было ими записано и зафиксировано в их учебниках.

Социалисты советуют оставить в покое старое общество, чтобы с тем большей легкостью войти в новое, уготованное ими с такой предусмотрительностью.

Но, вопреки тем и другим, вопреки учебникам и утопиям, коалиции ни на минуту не переставали прогрессировать и расширяться вместе с развитием и ростом современной промышленности. В настоящее время можно даже сказать, что степень развития коалиций в данной стране с точностью указывает место, занимаемое ею в иерархии мирового рынка. Англия, где промышленность достигла наивысшей степени развития, имеет также самые большие и наилучшим образом организованные коалиции.

В Англии рабочие не ограничились частичными коалициями, не имевшими другой цели, кроме преходящей стачки, и исчезавшими вместе с ее прекращением. Были созданы постоянные коалиции, тред-юнионы, которые служат оплотом рабочих в их борьбе против предпринимателей. Ныне все эти местные тред-юнионы объединены в

Национальную ассоциацию объединенных профессий[65 - Национальная ассоциация объединенных профессий (National Association of United Trades) – тред-юнионистская организация, основанная в Англии в 1845 году. Деятельность Ассоциации не выходила за рамки экономической борьбы за лучшие условия продажи рабочей силы, за улучшение фабричного законодательства. Ассоциация просуществовала до начала 60-х годов, но после 1851 г. крупной роли в профессиональном движении не играла. – 182.], насчитывающую уже 80 000 членов и имеющую в Лондоне свой центральный комитет. Организация этих стачек, коалиций, тред-юнионов шла одновременно с политической борьбой рабочих, составляющих в настоящее время под именем чартистов большую политическую партию.

Первые попытки рабочих к объединению всегда принимают форму коалиций.

Крупная промышленность скопляет в одном месте массу неизвестных друг другу людей. Конкуренция раскалывает их интересы. Но охрана заработной платы, этот общий интерес по отношению к их хозяину, объединяет их одной общей идеей сопротивления, коалиции. Таким образом, коалиция всегда имеет двойную цель: прекратить конкуренцию между рабочими, чтобы они были в состоянии общими силами конкурировать с капиталистом. Если первой целью сопротивления являлась лишь охрана заработной платы, то потом, по мере того как идея обуздания рабочих в свою очередь объединяет капиталистов, коалиции, вначале изолированные, формируются в группы, и охрана рабочими их союзов против постоянно объединенного капитала становится для них более необходимой, чем охрана наработкой платы. До какой степени это верно, показывает тот факт, что рабочие, к крайнему удивлению английских экономистов, жертвуют значительной частью своей заработной платы в пользу союзов, основанных, по мнению этих экономистов, лишь ради заработной платы. В этой борьбе – настоящей гражданской войне – объединяются и развиваются все элементы для грядущей битвы. Достигши этого пункта, коалиция принимает политический характер.

Экономические условия превратили сначала массу народонаселения в рабочих. Господство капитала создало для этой массы одинаковое положение и общие интересы. Таким образом, эта масса является уже классом по отношению к капиталу, но еще не для себя самой. В борьбе, намеченной нами лишь в некоторых ее фазах, эта масса сплачивается, она конституируется как класс для себя. Защищаемые ею интересы становятся классовыми интересами. Но борьба класса против класса есть борьба политическая.

В истории буржуазии мы должны различать две фазы: в первой фазе она складывается в класс в условиях господства феодализма и абсолютной монархии; во второй, уже сложившись в класс, она ниспровергает феодализм и монархию, чтобы из старого общества создать общество буржуазное. Первая из этих фаз была более длительной и потребовала наибольших усилий. Буржуазия тоже начала свою борьбу с частичных коалиций против феодалов.

Существует немало исследований, изображающих различные исторические фазы, пройденные буржуазией, начиная с городской самоуправляющейся общины до конституирования буржуазии как класса.

Но когда дело идет о том, чтобы дать себе ясный отчет относительно стачек, коалиций и других форм, в которых пролетарии на наших глазах осуществляют свою организацию как класса, то одних охватывает подлинный страх, а другие афишируют трансцендентальное пренебрежение.

Существование угнетенного класса составляет жизненное условие каждого общества, основанного на антагонизме классов. Освобождение угнетенного класса необходимо подразумевает, следовательно, создание нового общества. Для того чтобы угнетенный класс мог освободить себя, нужно, чтобы приобретенные уже производительные силы и существующие общественные отношения не могли долее существовать рядом. Из всех орудий производства наиболее могучей производительной силой является сам революционный класс. Организация революционных элементов как класса предполагает существование всех тех производительных сил, которые могли зародиться в недрах старого общества.

Значит ли это, что после падения старого общества наступит господство нового класса, выражающееся в новой политической власти? Нет.

Условие освобождения рабочего класса есть уничтожение всех классов; точно так

же, как условием освобождения третьего сословия, буржуазии, было уничтожение всех и всяческих сословий[66 - О сословиях здесь говорится в историческом смысле, как о сословиях феодального государства, сословиях с определенными и строго ограниченными привилегиями. Буржуазная революция уничтожила сословия вместе с их привилегиями. Буржуазное общество знает только классы, Поэтому тот, кто называет пролетариат «четвертым сословием», впадает в полнейшее противоречие с историей. – Ф. Э. (Примечание Энгельса к немецкому изданию 1885 г.)].

Рабочий класс поставит, в ходе развития, на место старого буржуазного общества такую ассоциацию, которая исключает классы и их противоположность; не будет уже никакой собственно политической власти, ибо именно политическая власть есть официальное выражение противоположности классов внутри буржуазного общества.

А до тех пор антагонизм между пролетариатом и буржуазией останется борьбой класса против класса, борьбой, которая, будучи доведена до высшей степени своего напряжения, представляет собой полную революцию. Впрочем, нужно ли удивляться, что общество, основанное на противоположности классов, приходит, как к последней развязке, к грубому противоречию, к физическому столкновению людей?

Не говорите, что социальное движение исключает политическое движение. Никогда не бывает политического движения, которое не было бы в то же время и социальным.

Только при таком порядке вещей, когда не будет больше классов и классового антагонизма, социальные эволюции перестанут быть политическими революциями. А до тех пор накануне каждого всеобщего переустройства общества последним словом социальной науки всегда будет:

«Битва или смерть; кровавая борьба или небытие. Такова неумолимая постановка вопроса». (Жорж Санд.)[67 - Жорж Санд. «Ян Жижка», исторический роман. Введение. – 185.]

notes

Примечания

1

Маркс цитирует книгу: Simonde de Sismondi. «Etudes sur l'economie politique». T. I–II, Bruxelles, 1837–1838 (Симонд де Сисмонди. «Очерки политической экономии». Тт. I–II, Брюссель, 1837–1838). – 75.

2

Lauderdale. «Recherches sur la nature et l'origine de la richesse publique». Traduit de l'anglais, par E. Lagentie de Lavaisse. Paris, 1808, p. 33. – 76.

3

D. Ricardo. «Des principes de l'economie politique et de l'impot». Traduit de l'anglais par F.-S. Constancio, avec des notes explicatives et critiques par J.-B. Say. T. II, Paris, 1835, p. 65 (Д. Рикардо. «О началах политической экономии и налогового обложения». Перевод с английского Ф. С. Констансио, с пояснительными и критическими примечаниями Ж. Б. Сэя. Т. II, Париж, 1835, стр. 65). – 76.

4

Наоборот. Ред.

5

Имеется в виду книга: A. Anderson. «An Historical and Chronological Deduction of the Origin of Commerce from the Earliest Accounts to the Present Time» (А. Андерсон. «Исторический и хронологический очерк происхождения торговли от самых ранних сведений о ней до настоящего времени»). Первое издание вышло в Лондоне в 1764 году. – 77.

6

H. Storch. «Cours d'economie politique, ou Exposition des principes qui determinent la prosperite des nations». T. I–IV, Paris, 1823 А. Шторх. «Курс политической экономии, или Изложение начал, определяющих благоденствие народов». Тт. I–IV, Париж, 1823). Маркс ссылается на I том. – 78.

7

Имеется в виду период, наступивший после окончания наполеоновских войн в 1815 г. и реставрации династии Бурбонов во Франций. – 82.

8

A. Smith. «An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations» (А. Смит. «Исследование о природе и причинах богатства народов»). Первое издание вышло в Лондоне в 1776 году. – 83.

9

Рикардо определяет, как известно, стоимость товара «количеством труда, потребного для его изготовления». Но форма обмена, господствующая при всяком

способе производства, основанном на производстве товаров, а, следовательно, и при капиталистическом способе производства, приводит к тому, что эта стоимость выражается не прямо в количестве труда, а в количестве какого-нибудь другого товара. Стоимость товара, выраженная в определенном количестве другого товара (будут ли это деньги или нет – все равно), называется у Рикардо относительной стоимостью этого товара. – Ф. Э. (Примечание Энгельса к немецкому изданию 1885 г.)

10

Тезис о том, что «естественная», т. е. нормальная, цена рабочей силы совпадает с минимумом заработной платы, т. е. с эквивалентом стоимости средств существования, безусловно необходимых для жизни рабочего и продолжения его рода, был впервые выдвинут мною в «Набросках к критике политической экономии» («Deutsch-Franzosische Jahrbschern», Париж, 1844) и в «Положении рабочего класса в Англии»45. Как видно из текста, Маркс принял тогда этот тезис. У нас обоих заимствовал его Лассаль. Но, хотя заработная плата и имеет в действительности постоянную тенденцию приближаться к своему минимуму, упомянутый тезис все-таки неверен. Тот факт, что рабочая сила оплачивается обыкновенно в среднем ниже своей стоимости, не может изменить ее стоимости. В «Капитале» Маркс исправил вышеприведенный тезис (параграф: «Купля и продажа рабочей силы»), а также выяснил обстоятельства (глава XXIII: «Всеобщий закон капиталистического накопления»), позволяющие при капиталистическом производстве все более и более снижать цену рабочей силы ниже ее стоимости. – Ф. Э. (Примечание Энгельса к немецкому изданию 1885 г.)

11

См. настоящее издание, том 1, стр. 544–571 и том 2, стр. 231–517. – 87.

12

французская старинная мера емкости; для сыпучих тел равна приблизительно 18 гектолитрам. Ред.

13

сокращенно, опуская некоторые звенья. Ред.

14

истинные наименования вещей. Ред.

15

раб. Ред.

16

сохранять. Ред.

17

сокровенный, предназначенный только для посвященных. Ред.

18

В экземпляре, подаренном Марксом в 1876 г. Н. Утиной, после слова «труд» добавлено: «рабочая сила». Это же добавление сделано во французском издании 1896 года. Ред.

19

И потерять ради жизни весь жизненный корень! (Ювенал, «Сатиры»). Ред.

20

Сочинение Буагильбера цитируется по сборнику: «Economistes-financiers du XVIII siecle». Precedes de notices historiques sur chaque auteur, et accompagnes de commentaires et de notes explicatives, par Eugene Daire. Paris, 1843 («Экономисты-финансисты XVIII века». С историческими очерками о каждом авторе, комментариями и пояснительными примечаниями Эжена Дэра. Париж, 1843). – 100.

21

W. Atkinson. «Principles of Political Economy». London, 1840. – 101.

22

Не стало Трои! Ред.

23

Th. Hodgskin. «Popular Political Economy». London, 1827 (Т. Годскин. «Популярная политическая экономия». Лондон, 1827). // В оригинале в этом месте ошибочно стоит фамилия Гопкинс. В 1892 г. во втором немецком издании «Нищеты философии» Энгельс исправил эту неточность, использованную австрийским буржуазным юристом Менгером для высказывания необоснованных предположений относительно этой ссылки Маркса. В предисловии к изданию 1892 г. Энгельс писал: // «По поводу второго издания я должен лишь сказать, что ошибочно указанное во французском тексте имя Гопкинс заменено правильным именем: Годскин, и там же исправлен год издания книги Уильяма Томпсона на 1824. Теперь, надеемся, библиографическая совесть господина профессора Антона Менгера будет успокоена. // Лондон, 29 марта 1892 г. Фридрих Энгельс». – 102.

24

W. Thompson. «An Inquiry into the Principles of the Distribution of Wealth Most Conducive to Human Happiness». London, 1824. // T. R. Edmonds. «Practical Moral and Political Economy». London, 1828. – 102.

25

J. F. Bray. «Labour's Wrongs and Labour's Remedy». Leeds, 1839. – 102.

26

Билль о десятичасовом рабочем дне, распространявшийся только на подростков и женщин-работниц, был принят английским парламентом 8 июня 1847 года. Однако на практике многие фабриканты игнорировали этот закон. – 108.

27

Как и всякая другая теория, теория г-на Брея нашла себе сторонников, обманувшихся ее видимостью. В Лондоне, в Шеффилде, в Лидсе и во многих других городах Англии были основаны equitable-labour-exchange-bazars. Поглотив значительные капиталы, все эти базары потерпели скандальное банкротство. Это навсегда отбило от них охоту у этих людей. Предостережение для г-на Прудона! (Примечание Маркса.) // Как известно, Прудон не воспользовался этим предостережением. В 1849 г. он сам пытался устроить новый обменный банк в Париже. Но банк этот потерпел крах даже раньше, чем начал регулярно функционировать. Судебное преследование против Прудона заслонило собой этот крах. – Ф. Э. (Добавление Энгельса к немецкому изданию 1885 г.)

28

по преимуществу, в истинном значении слова. Ред.

29

Маркс цитирует одну из глав работы Вольтера «История парламента» («Histoire du parlement»); глава носит название: «Финансы в период регентства и система Ло». – 113.

30

Имеется в виду примечание Сэя к французскому изданию книги Рикардо, т. II, стр. 206–207. – 116.

31

N. W. Senior. «Political Economy». In: «Encyclopedia Metropolitana, or Universal Dictionary of Knowledge». Vol. VI, London, 1836. – 118.

32

J. St. Mill. «Essays on Some Unsettled Questions of Political Economy». London, 1844. // Th. Tooke. «A History of Prices, and of the State of the Circulation, from 1793 to 1837». Vol. I–II, London, 1838 (Т. Тук. «История цен и состояние обращения с 1793 по 1837 год». Тт. I–II, Лондон, 1838). – 118.

33

Th. Cooper. «Lectures on the Elements of Political Economy». Первое издание книги вышло в Колумбии в 1826 г.; второе, дополненное, издание – в Лондоне в 1831 году. – 118.

34

M. Th. Sadler. «The Law of Population». Vol. I, London, 1830, p. 83, 84. – 119.

35

Имеются в виду две основные экономические работы Кенэ: «Tableau economique» (1758) и «Analyse du Tableau economique» (1766). – 128.

36

Маркс намекает на работу современника Кенэ Н. Бодо «Разъяснение Экономической таблицы» («Explication du Tableau economique»), опубликованную в 1770 году. – 129.

37

G. W. F. Hegel. «Wissenschaft der Logik»,Bd. III; Werke, 2-te Aufl., Bd. V, Berlin, 1841, S. 320 (Г. В. Ф. Гегель. «Наука логики», т. III; Сочинения, 2 изд., т. V, Берлин, 1841, стр. 320). – 131.

38

Маркс приводит слова из следующего места поэмы Лукреция «О природе вещей» (книга III, стих 869): «mortalem vitam mors immortalis ademit» («смертную жизнь унесла бессмертная смерть»), – 133.

39

Для 1847 г. это было совершенно справедливо. В то время торговля Соединенных Штатов с остальным миром ограничивалась главным образом ввозом иммигрантов и продуктов промышленности и вывозом хлопка и табака, т. е. продуктов рабского труда Юга. Северные штаты производили главным образом хлеб и мясо для рабовладельческих штатов. Отмена рабства стала возможна лишь с того времени, как Север начал производить хлеб и мясо для вывоза и наряду с этим сделался промышленной страной, а хлопковая монополия Америки встретила сильную конкуренцию со стороны Индии, Египта, Бразилии и т. д. Да и тогда следствием этой отмены было разорение Юга, которому не удалось заменить открытое рабство негров замаскированным рабством индийских и китайских кули. – Ф. Э. (Примечание Энгельса к немецкому изданию 1885 г.)

40

A. de Villeneuve-Bargemont. «Histoire de l'economie politique». Первое издание вышло в Брюсселе в 1839 году. – 142.

41

В экземпляре, подаренном Н. Утиной, пометка: «трудящегося класса». Ред.

42

Маркс цитирует книгу А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» по французскому изданию: «Recherches sur la nature et les causes de la richesse des nations». Т. I, Paris, 1802, p. 33–34. – 149.

43

каждому свое. Ред.

44

Лемонте имеет в виду свою книгу: «Raison, folie, chacun son mot; petit cours de morale mis a la portee des vieux enfants». Paris, 1801 («Разум, безумие – каждому свое слово; маленький курс морали, доступный для понимания старых детей». Париж, 1801). // Маркс цитирует работу Лемонте «Influence morale de la division du travail» («Моральное влияние разделения труда»), в которой Лемонте ссылается на вышеуказанную книгу. – 149.

45

A. Ferguson. «Essai sur l'histoire de la societe civile». T. II, Paris, 1783, p. 108–110. – 149.

46

Что и требовалось доказать. Ред.

47

Ch. Babbage. «Traite sur l'economie des machines et des manufactures)). Paris, 1833, p. 230 (Ч. Баббедж. «Трактат об экономической природе машин и фабрик». Париж, 1833, стр. 230). – 156.

48

наоборот. Ред.

49

A. Ure. «Philosophie des manufactures, ou Economie industrielle». Bruxelles,

1836, t. I, premiere partie, chapitre I. – 159.

50

Против фурьеристов. – Ф. Э. (Примечание Энгельса к немецкому изданию 1885 г.)

51

– вне реальной действительности (буквально: «в стране неверных» – добавление к титулу католических епископов, назначавшихся на чисто номинальные должности епископов нехристианских стран). Ред.

52

P. Rossi. «Cours d'economie politique». T. I–II, Paris, 1840–1841. – 166.

53

J. Steuart. «Recherche des principes de l'economie politique». T. II, Paris, 1789, p. 190–191. Первое английское издание книги вышло в Лондоне в 1767 году. – 167.

54

Вольтер. «Человек с сорока экю» («L'homme aux quarante ecus»), – 168.

55

боязнь пустоты. Ред.

56

– буквально: «бог из машины» (в античном театре актеры, изображавшие богов, появлялись на сцене с помощью особых механизмов); в переносном смысле – неожиданно появляющееся лицо, которое спасает положение. Ред.

57

– Propriete (собственность) объясняется вмешательством proprietaire (собственника), rente (рента) – вмешательством rentier (получателя ренты). Ред.

58

В экземпляре, подаренном Марксом Н. Утиной, начало этой фразы было изменено следующим образом: «Для того чтобы теория Рикардо, если принять ее посылки, была вообще верна, необходимо еще». Ред.

59

В экземпляре, подаренном Н. Утиной, слова «в земельные участки более низкого качества» заменены словами: «в землю». Ред.

60

В немецком издании 1885 г. две последние фразы опущены и вместо них к предшествующим словам: «капиталистического предпринимателя» добавлено следующее предложение: «который эксплуатирует землю посредством своих наемных рабочих и платит землевладельцу в качестве арендной платы лишь излишек сверх издержек производства, включая в последние прибыль на капитал». Ред.

61

W. Petty. «Political arithmetick» (У. Петти. «Политическая арифметика»). В книге: W. Petty. «Several essays in political arithmetick». London, 1699 (У. Петти. «Очерки из области политической арифметики». Лондон, 1699). – 178.

62

сельфактор (автоматическая прядильная машина). Ред.

63

Действовавшие в то время во Франции законы – так называемый закон Ле Шапелье, принятый в 1791 г. во время буржуазной революции Учредительным собранием, и уголовный кодекс, выработанный в период империи Наполеона, – запрещали рабочим под угрозой суровых наказаний создание рабочих союзов и устройство стачек. Запрещение профсоюзов во Франции было отменено только в 1884 году. – 181.

64

То есть социалисты того времени: фурьеристы во Франции, оуэнисты в Англии.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
http://filosoff.org/ Приятного чтения!
http://buckshee.petimer.ru/ Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
http://petimer.ru/ Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
http://worksites.ru/ Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
http://dostoevskiyfyodor.ru/ Приятного чтения!